

Вологодский институт права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний
Вологодский государственный университет

ISSN 2713-2811

IUS PUBLICUM ET PRIVATUM

**Сетевой
научно-практический журнал
частного и публичного права**

pravojournal.ru

5 (15) / 2021

Вологодский институт права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний
Вологодский государственный университет

IUS PUBLICUM ET PRIVATUM

**Сетевой
научно-практический журнал
частного и публичного права**

№ 5 (15) ISSN 2713-2811
Вологда 2021

Издается с июня 2018 года
Выходит пять раз в год

Учредители:

Федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования
«Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний»,
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Вологодский государственный университет»

Главный редактор:
Е. Л. Харьковский

Все права защищены. Перепечатка материалов только с разрешения редакции журнала.
Авторские материалы рецензируются и не возвращаются. Редакция сохраняет за собой
право производить сокращения и редакционные изменения рукописи

Представлен в системе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук
по пяти научным специальностям: 12.00.01, 12.00.08, 12.00.09, 12.00.11, 12.00.12

Дата выхода в свет: 28.12.2021

Журнал представлен на сайте в свободном бесплатном доступе
в полнотекстовом формате

Адрес редакции: 160002, г. Вологда, ул. Щетинина, 2
Телефоны: (8172) 51-82-50, (8172) 51-46-12, (8172) 51-98-70
E-mail: ejournal@inbox.ru

Сайт в информационно-телекоммуникационной сети Интернет: pravojournal.ru

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации средства
массовой информации Эл № ФС77-76066 от 24 июня 2019 г. ISSN 2713-2811

© ВИПЭ ФСИН России, 2021

© ВоГУ, 2021

Vologda Institute of Law and Economics
of the Federal Penal Service of Russia
Vologda State University

IUS PUBLICUM ET PRIVATUM

Online scientific and practical
journal of private and public law

№ 5 (15) ISSN 2713-2811
Vologda 2021

Published since June 2018

Published five times a year

Founders:

Federal Official Educational Institution of Higher Education
"Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service",
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Vologda State University"

Editor-in-Chief:
Evgeny L. Kharkovsky

All rights reserved. Journal materials can be reprinted only with the permission of the publisher.
Manuscripts are reviewed and not returned to the authors.
The editor reserves the right to abridge and edit the manuscripts submitted

Presented in the system of the Russian Science Citation Index (RSCI)

The journal is included in the List of peer-reviewed scientific publications, in which the main scientific results of dissertations for the degree of PhD., for the degree of Dsc. should be published of the following scientific specialties: 12.00.01; 12.00.08; 12.00.09; 12.00.11; 12.00.12.

Date of publication: 28.12.2021

The journal is presented on the website in free access in full-text format

Address of the editorial office:
2, Shchetinin street, Vologda, 160000, Russian Federation
Phones: (8172) 51-82-50, (8172) 51-46-12, (8172) 51-98-70
E-mail: ejournal@inbox.ru
Website: pravojournal.ru

The journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology and Mass Media.
Certificate of registration PI № ФС77-76066 dated June 24, 2019. ISSN 2713-2811

© VILE FPS of Russia, 2021
© VoSU, 2021

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Харьковский Е. Л. – начальник ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент (главный редактор);

Голодов П. В. – профессор кафедры административно-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент (заместитель главного редактора);

Крюкова О. Ю. – старший научный сотрудник отделения организации и координации научно-исследовательской деятельности и международного сотрудничества организационно-научного отдела ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук (ответственный секретарь);

Барков А. В. – профессор кафедры гражданского права Военного университета Министерства обороны Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор;

Гаврилов Б. Я. – заведующий кафедрой управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, действительный член Петровской академии наук и искусств;

Дворянсков И. В. – главный научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России, профессор кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Дугенец А. С. – главный редактор федерального научно-практического журнала «Административное право и процесс», заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор;

Зубкова В. И. – главный научный сотрудник лаборатории социально-правовых исследований и сравнительного правоведения Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор;

Квашнин В. А. – профессор кафедры юриспруденции Института управления, экономики и юриспруденции Вологодского государственного университета, доктор исторических наук, доцент;

Козаченко И. Я. – заведующий кафедрой уголовного права Уральского государственного юридического университета, доктор юридических наук, профессор;

Корень Т. А. – заместитель директора по учебной и научной работе Могилевского филиала Частного учреждения образования «БИП – институт правоведения» (Республика Беларусь), кандидат юридических наук;

Кругликов Л. Л. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член Международной академии наук высшей школы и Российской академии естественных наук;

Кузьминых А. Л. – профессор кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России, доктор исторических наук, доцент;

Кузнецова Е. В. – доцент кафедры государственно-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

Кургузкина Е. Б. – профессор Российского государственного университета правосудия (Центральный филиал, г. Воронеж), доктор юридических наук;

Кучин О. С. – профессор кафедры судебных экспертиз и криминалистики Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, доцент, академик РАЕ, заслуженный деятель науки и техники РАЕ;

Мешко Г. – профессор факультета уголовного правосудия и безопасности Университета Марибор (Словения), доктор наук, профессор криминологии;

Мишальченко Ю. В. – генеральный советник Экономического суда СНГ, доктор юридических наук, доктор экономических наук, профессор;

Нагорных Р. В. – профессор кафедры административно-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доцент;

Пантелеева Н. В. – заведующий кафедрой уголовного права и уголовного процесса Могилевского государственного университета им. А. А. Кулешова (Республика Беларусь), кандидат юридических наук, доцент;

Поникаров В. А. – профессор кафедры административного и финансового права Академии ФСИН России, доктор юридических наук, доцент;

Попович М. М. – доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

Ромашов Р. А. – профессор кафедры государственно-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Селиверстов В. И. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Силкин В. П. – доцент кафедры юриспруденции Института управления, экономики и юриспруденции Вологодского государственного университета, кандидат юридических наук;

Старостин С. А. – профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор;

Сухондяева Т. Ю. – доцент кафедры гражданского права Военного университета Министерства обороны Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент;

Углицких Д. В. – доцент кафедры юриспруденции Института управления, экономики и юриспруденции Вологодского государственного университета, кандидат юридических наук;

Шабанов В. Б. – заведующий кафедрой криминалистики юридического факультета Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, профессор;

Шаталов А. С. – профессор кафедры судебной власти Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор юридических наук, профессор;

Хатуаева В. В. – заведующая кафедрой уголовно-процессуального права Центрального филиала Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор;

Чукмаитов Д. С. – профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Жетысуского государственного университета им. И. Жансугурова (Республика Казахстан), доктор юридических наук, профессор.

EDITORIAL COUNCIL:

Kharkovsky E. L. – Head of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Ph.D.in Law, Associate Professor., (Editor-in-chief);

Golodov P. V. – Professor of the Department of Administrative Law Disciplines of the Faculty of Law of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD in Law, Associate Professor, (Deputy Editor-in-chief);

Krukova O. Yu. – Senior Researcher of the Subbranch of Organization and Coordination of Research Activities and International Cooperation of the Organizational and Scientific Department of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD in Law (Executive secretary);

Barkov A. V. – Professor of the Civil Law Department of the Military University of the Ministry of Defense of the Russia, Dsc. of Law, Professor;

Gavrilov B. Ya. – Head of the Department of Control of Crime Investigation Agencies of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Dsc. in Law, Honored Lawyer of the Russian Federation, Valid Member of the Peter Academy of Sciences and Arts;

Dvoryanskov I. V. – Chief Researcher of the Research Institute of the Federal Penal Service of Russia, Professor of the Department of Penal Law and the Organization of Educational Work with Convicts of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. of Law, Professor;

Dugenets A. S. – Editor-in-Chief of the Federal Scientific and Practical Journal "Administrative Law and Process", Honored Lawyer of the Russian Federation, Dsc. of Law, Professor;

Zubkova V. I. – Chief Researcher of the Laboratory of Social and Legal Research and Comparative Law of the Lomonosov Moscow State University, Dsc. in Law, Professor;

Kvashnin V. A. – Professor of the Department of Jurisprudence of the Institute of Management, Economics and Law of the Vologda State University, Dsc. in History, Associate Professor;

Kozachenko I. Ya. – Head of the Department of Criminal Law of the Ural State Law University, Dsc. in Law, Professor;

Koren' T. A. – Deputy Director for Academic and Scientific Work of the Mogilev Branch of the Private Educational Institution "BIP - Institute of Law" (Republic of Belarus), PhD in Law;

Kruglikov L. L. – Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Demidov Yaroslavl State University, Dsc. in Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Valid Member of the International Higher Education Academy of Sciences (IHEAS) and the Russian Academy of Natural Sciences;

Kuzminykh A. L. – Professor of the Department of Philosophy and History of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in History, Associate Professor;

Kuznetsova E. V. – Associate Professor of the Department of State Law Disciplines of the Faculty of Law of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD in Law, Associate Professor;

Kurguzkina E. B. – Professor of the Russian State University of Justice (Central Branch, Voronezh), Dsc. in Law;

Kuchin O. S. – Professor of the Department of Forensic Expertise and Criminalistics of the Russian State University of Justice, Doctor of Law, Associate Professor, Academician of RANH, Honored Worker of Science and Technology of RAN;

Meshko G. – Professor of the Department of Criminal Justice and Security of the University of Maribor (Slovenia), Doctor, Professor of Criminology;

Mishalchenko Yu. V. – General Counsel of the CIS Economic Court, Dsc. in Law, Dsc. in Economics, Professor;

Nagornyykh R. V. – Professor of the Department of Administrative Law Disciplines of the Faculty of Law of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Associate Professor;

Panteleeva N. V. – Head of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure of the Kuleshov Mogilev State University (Republic of Belarus), PhD in Law, Associate Professor;

Ponikarov V. A. – Professor of the Department of Administrative and Financial Law of the Academy of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Associate Professor;

Popovich M. M. – Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Faculty of Law of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD in Law, Associate Professor;

Romashov R. A. – Professor of the Department of State Law Disciplines of the Faculty of Law of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Professor;

Seliverstov V. I. – Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Lomonosov Moscow State University, Dsc. in Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation;

Silkin V. P. – Associate Professor of the Department of Jurisprudence of the Institute of Management, Economics and Law of the Vologda State University, PhD in Law;

Starostin S. A. – Professor of the Department of Administrative Law and Procedure of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dsc. in Law, Professor;

Sukhondyaeva T. Yu. – Associate Professor of the Department of Civil Law of the the Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, PhD in Law, Associate Professor;

Uglitskikh D. V. – Associate Professor of the Department of Jurisprudence of the Institute of Management, Economics and Law of the Vologda State University, PhD in Law;

Shabanov V. B. – Head of the Department of Criminalistics of the Faculty of Law of the Belarusian State University, Dsc. in Law, Professor;

Shatalov A. S. – Professor of the Department of Judicial Power of the National Research University "Higher School of Economics», Dsc. in Law, Professor;

Khatuaeva V. V. – Head of the Department of Criminal Procedure Law of the Central Branch of the Russian State University of Justice, Dsc. in Law, Professor;

Chukmaitov D. S. – Professor of the Department of Criminal Law Disciplines of the Zhetysu State University after Ilyas Zhansugurov (Republic of Kazakhstan), Dsc. in Law, Professor.

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА	9
ЛАПШИН В. Е., СВИНИН Е. В. Синергетические основы исследования правового порядка	14
ОБОТУРОВА Н. С., ГОНЦОВА О. В. Влияние цифровых трансформаций идентичности на правосознание современной молодежи	19
ВОРОНИНА Н. П. Эколого-правовые требования к сельскохозяйственной продукции в контексте обеспечения продовольственной безопасности (на примере стран Европы и Азии)	24
АГАСИЕВ Э. Г. Становление и развитие института приготовления к преступлению в российском уголовном праве	32
БЕЛОВА С. Н., СТРОГОВИЧ Ю. Н. О некоторых проблемах применения ст. 72 УК РФ и возможных путях их решения	35
БОДАЕВСКИЙ В. П. Военное право как внешний фактор, влияющий на систему уголовно-правовых норм, обеспечивающих воинский правопорядок	41
ДВОРЯНСКОВ И. В. О концепции создания Российского пенитенциарного клуба	51
КИРИЛОВСКАЯ Н. Н. К вопросу о переполненности пенитенциарных учреждений и национальных средствах правовой защиты	54
КУРЕНКОВА О. Е., ШИШИГИНА С. Н. Зарубежный опыт ресоциализации осужденных женщин, отбывающих лишение свободы с детьми	60
УШАКОВ В. Н. Статья 280 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности»: проблемы применения и пути их решения	66
ХРАБРОВА Е. В. Особенности отбывания наказания в Федеративной Республике Германии осужденными к лишению свободы женщинами, имеющими детей	71
ЮРОВА Ю. В. Проблемные вопросы исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста	75
ГРЯЗЕВА Н. В. Правовое регулирование проверки сообщений о происшествиях в уголовно-исполнительной системе: современное состояние и перспективы развития	81
ДУГЕНЕЦ А. С., САМОЙЛОВА А. А. Криминалистическая и криминологическая характеристика преступлений	85
КОЛЬЕВ А. А., ШАТОВА К. В. Организационно-правовые аспекты оценки личности и поведения осужденных к лишению свободы	89
КУЗНЕЦОВА Е. В., КОЧЕТОВА Е. А. Условия функциональности общественных наблюдательных комиссий как субъектов общественного контроля за деятельностью учреждений уголовно-исполнительной системы Российской Федерации	95
МАКОВЕЕВ В. Н., СУХАРЕВА Л. В. Совершенствование системы организации принудительного исполнения судебных актов	100
МАРОЧКИНА В. В., БОБОВКИН М. В. Судебно-почерковедческая экспертиза: проблемы валидации и стандартизации	104
ФАН ТХАНЬ ДОНГ Следы – действия человека: понятие, классификация и значение в раскрытии и расследовании преступлений	109
ЭКОНОМЮК В. С. Способы мошенничества, совершаемого с использованием средств связи: криминалистический аспект	114
ГОЛОДОВ П. В. Некоторые проблемы нормотворчества федеральных органов исполнительной власти	118

CONTENT

CHIEF EDITOR'S NOTE	9
LAPSHIN V. E., SVININ E. V. Synergistic foundations of the study law and order	14
OBOTUROVA N. S., GONTSOVA O. V. Impact of digital identity transformations on legal consciousness of modern youth	19
VORONINA N. P. Environmental and legal requirements for agricultural products in the context of ensuring food security (on the example of the countries of Europe and Asia)	24
AGASIEV E. G. Formation and development of the institution of preparation for a crime in Russian criminal law	32
BELOVA S. N., STROGOVICH YU. N. On some problems in the application of Art. 72 of the Criminal Code of the Russian Federation and possible ways of solving them	35
BODAEVSKY V. P. Military law as an external factor affecting the system of criminal law norms that ensure military law and order	41
DVORYANSKOV I. V. On the concept of foundation the Russian penitentiary club	51
KIRILOVSKAYA N. N. On the issue of prison overcrowding and domestic remedies	54
KURENKOVA O. E., SHISHIGINA S. N. Foreign experience of resocialization of convicted women, serving imprisonment with children	60
USHAKOV V. N. Article 280 of the Criminal Code of the Russian Federation "Public calls to extremist activities": application problems and solutions	66
KHRABROVA E. V. Features of serving sentences in the Federal Republic of Germany by women sentenced to imprisonment with children	71
YUROVA YU. V. Problematic issues of execution a preventive measure in the form of house arrest	75
GRYAZEVA N. V. Legal regulation of verification reports of incidents in the penal system: current state and development prospects	81
DUGENETS A. S., SAMOILOVA A. A. Forensic and criminological characteristics of crimes	85
KOLYEV A. A., SHATOVA K. V. Organizational and legal aspects of assessing the personality and behavior of prisoners sentenced to imprisonment	89
KUZNETSOVA E. V., KOCHETOVA E. A. Terms of functionality public oversight commissions as subjects of public control over the institutions of the penitentiary system of the Russian Federation	95
MAKOVEEV V. N., SUKHAREVA L. V. Improving the system of the compulsory execution of judicial acts	100
MAROCHKINA V. V., BOBOVKIN M. V. Forensic handwriting examination: problems of validation and standardization	104
PHAN THANH DONG Human actions' traces: concept, classification and their significance in the disclosure and investigation of crimes	109
ECONOMYUK V. S. Methods of fraud committed with the use of communications: a criminalistic aspect	114
GOLODOV P. V. Some problems of rule-making of the federal executive bodies	118

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Вашему вниманию предлагается очередной выпуск сетевого научно-практического журнала «*Ius publicum et privatum*».

Журнал призван расширить горизонты науки, открыть работы ученых и практических специалистов для диалога с широкой аудиторией, что позволит своевременно получать информацию о новых фундаментальных и прикладных исследованиях, консолидировать усилия специалистов и распространять опыт в области юриспруденции, создавать профессиональные и междисциплинарные площадки для обсуждения актуальных проблем современного правоведения.

Журнал включает рубрики, соответствующие различным отраслям права и направлениям юридической деятельности.

Выпуск открывают материалы, публикуемые в рамках специальности **«Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве»**. Статья «Синергетические основы исследования правового порядка» подготовлена доктором педагогических наук, кандидатом юридических наук, доцентом В. Е. Лапшиным и кандидатом юридических наук, доцентом Е. В. Свиным. В статье рассматриваются основные направления использования синергетической парадигмы для изучения правового порядка. Отмечается, что большинство правовых явлений, в том числе и правопорядок, склонны к самоорганизации, исследование которой составляет одну из задач синергетики. Юридическая наука не придает большого значения изучению процессов самоорганизации правового порядка, отмечая их латентный характер. Рассматривая правопорядок как поликонтекстуальное явление, авторы предлагают свое видение отдельных процессов самоорганизации в трех основных формах правового порядка. Внимание акцентируется на необходимости учета ряда факторов, действие которых постепенно может привести к ослаблению правового порядка.

В статье «Влияние цифровых трансформаций идентичности на правосознание современной молодежи» доктора философских наук, доцента Н. С. Оботуровой и О. В. Гонцовой рассматривается влияние процессов информатизации и цифровизации на осознание молодежью своей правовой и социальной идентичности. Показано, что молодые люди в силу отсутствия у них соответствующих знаний, опыта, устойчивых ценностных ориентаций чаще представителей других социальных групп становятся объектами сетевых манипуляций и влияний. Воздействие недостоверной, дезорганизирующей информации, предлагаемой организаторами деструктивных сообществ, негативно сказывается на поведении молодежи, подталкивая ее к противоправным действиям. Авторы считают, что наиболее опасным следствием деградации правосознания, потери гражданско-правовой идентичности становится идентификация с антисоциальными, противоправными сообществами, в том числе экстремистскими. Во избежание этого следует важную роль отводить правовым ценностям и установкам молодежи как системообразующему фактору в процессе формирования стратегий личностной идентичности.

Специальность **«Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право»** представлена статьей доктора юридических наук, доцента Н. П. Ворониной «Эколого-правовые требования к сельскохозяйственной продукции в контексте обеспечения продовольственной безопасности (на примере стран Европы и Азии)», в которой рассматриваются основные направления стратегического планирования и правового регулирования экологизации сельского хозяйства в странах Европы и Азии в контексте обеспечения продовольственной безопасности. Сформулирован авторский подход к формированию модели правового регулирования осуществления сельскохозяйственной деятельности в условиях реализации Целей устойчивого развития до 2030 г.

Наиболее востребованной является рубрика **«Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»**, в которую вошли девять статей. Открывает раздел статья Э. Г. Агасиева «Становление и развитие института приготовления к преступлению в рос-

сийском уголовном праве», в где проводится детальный анализ становления и развития института приготовления к преступлению в России. Автор приходит к выводу, что развитие законодательства о приготовлении к преступлению охватывает пять основных этапов.

Следующая статья – «О некоторых проблемах применения ст. 72 УК РФ и возможных путях их решения» – подготовлена кандидатом юридических наук С. Н. Беловой и Ю. Н. Строговичем. В ней на основе анализа отдельных норм законодательства в сфере уголовной юстиции рассматриваются причины, вызывающие неоднозначное и противоречивое применение положений ст. 72 Уголовного кодекса Российской Федерации о зачете в срок лишения свободы времени содержания под стражей в иностранных государствах лиц, выданных в Российскую Федерацию для уголовного преследования или исполнения приговора. Авторами сформулированы меры по решению данной проблемы.

В статье «Военное право как внешний фактор, влияющий на систему уголовно-правовых норм, обеспечивающих воинский правопорядок» кандидата юридических наук, доцента В. П. Бодаевского рассматриваются вопросы влияния на системообразующие функции военно-уголовного права такого внешнего фактора, как военное право. Анализируются межотраслевые связи сопоставляемых систем, отражающие закономерности функционирования военно-уголовного права. Автор приходит к выводу об обоснованности мнения тех ученых, которые считают утверждение о двойной отраслевой принадлежности военно-уголовного права недостаточно убедительным и не имеющим правовых оснований. Приводятся доводы в пользу того, что обратное означало бы отрицание базовых и общепризнанных положений юридической науки о самостоятельности уголовного права в системе отраслей права.

Статья доктора юридических наук, профессора И. В. Дворянского «О концепции создания Российского пенитенциарного клуба» раскрывает процесс создания Российского пенитенциарного клуба, вопросы, обсуждавшиеся на первом (учредительном) заседании, его предназначение, миссию, основные направления деятельности. Особое внимание уделяется такому аспекту, как создание научных школ. Дается историческая справка о пенитенциарных традициях Вологодской земли, где и состоялось открытие Российского пенитенциарного клуба.

Раздел продолжает статья «К вопросу о переполненности пенитенциарных учреждений и национальных средствах правовой защиты», подготовленная кандидатом юридических наук, доцентом Н. Н. Кириловской. Переполненность пенитенциарных учреждений является сложной и многоаспектной проблемой, изучение которой не теряет своей актуальности на протяжении многих десятков лет. В статье раскрываются национальные средства правовой защиты от данного нарушения и проводится оценка их эффективности с позиции Европейского суда по правам человека. Автором сделан ряд теоретических выводов и внесены практические предложения.

Авторы статьи «Зарубежный опыт ресоциализации осужденных женщин, отбывающих лишение свободы с детьми» кандидат педагогических наук, доцент О. Е. Куренкова и С. Н. Шишигина обращаются к практике социальной работы с осужденными женщинами, имеющими детей, в исправительных учреждениях зарубежных стран и делают вывод о целесообразности использования этого богатого положительного опыта в качестве эффективного средства ресоциализации, по результатам чего формируют рекомендации по совершенствованию российского уголовно-исполнительного законодательства в отношении осужденных женщин с детьми.

В статье В. Н. Ушакова «Статья 280 УК РФ “Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности”»: проблемы и пути их решения» проанализированы проблемы, возникающие при применении ст. 280 Уголовного кодекса Российской Федерации, устанавливающей ответственность за совершение публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности. На сегодняшний день данная норма уголовного закона сконструирована сугубо просто: наименование и содержание диспозиции части первой полностью совпадают. Представляется, что в ней отсутствует необходимое понятийное содержание, что порой приводит к неправомерному привлечению к уголовной ответственности. Автором предложены возможные пути решения возникающих проблем, в частности речь идет о необходимости внесения изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс об административных правонарушениях. Рассмотрена судебная практика привлечения к ответственности, приводится статистика совершения преступлений по данной норме.

Следующая статья – «Особенности отбывания наказания в Федеративной Республике Германии осужденными к лишению свободы женщинами, имеющими детей» – подготовлена кандидатом юридических наук, доцентом Е. В. Храбровой. Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 г., утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 29.04.2021 № 1138-р, особое внимание уделяет содержанию женщин с детьми, предполагает увеличение возраста ребенка, находящегося в доме ребенка исправительного учреждения либо следственного изолятора. В некоторых зарубежных странах имеется аналогичный опыт. В частности, в Германии с осужденными к лишению свободы женщинами могут проживать дети от рождения до достижения ими дошкольного возраста. В данной статье рассматриваются особенности отбывания наказания осужденными к лишению свободы женщинами, имеющими детей, в Федеративной Республике Германии.

Завершает рубрику статья «Проблемные вопросы исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста» Ю. В. Юровой. В ней рассматриваются проблемы исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста, раскрываются особенности служебной деятельности сотрудников уголовно-исполнительных инспекций при организации контроля за подозреваемыми и обвиняемыми, в отношении которых она избрана. Обращается внимание на отсутствие у сотрудников уголовно-исполнительных инспекций возможности надлежащим образом контролировать запреты, назначаемые подозреваемым и обвиняемым при избрании меры пресечения в виде домашнего ареста, предлагаются пути выхода из сложившейся ситуации

Специальность **«Уголовный процесс»** представлена тремя статьями. Статья кандидата юридических наук Н. В. Грязевой «Правовое регулирование проверки сообщений о происшествиях в уголовно-исполнительной системе: современное состояние и перспективы развития» посвящена исследованию нормативно-правовой регламентации проверки сообщений о происшествиях в учреждениях, обеспечивающих изоляцию от общества. Констатируется, что в нормативных правовых актах, регулирующих рассматриваемый институт, отсутствует правовое закрепление порядка, средств и сроков проведения проверок по регистрациям в Журнале регистрации информации о происшествиях. На основе анализа нормативно-правовых актов, правоприменительной практики и результатов экспертного опроса сотрудников УИС автором предлагается двухэтапный алгоритм проверки сообщений о происшествиях в учреждениях УИС. Восполнение пробелов Инструкции о приеме, регистрации и проверке сообщений о преступлениях и происшествиях в части порядка, средств и срока проведения проверок по информации, зарегистрированной в Журнале регистрации информации о происшествиях, устранил проблемы правовой регламентации проверки сообщений о происшествиях в учреждениях УИС, что будет способствовать эффективности рассматриваемой правоприменительной деятельности.

Вторая статья – «Криминалистическая и криминологическая характеристика преступлений» – подготовлена доктором юридических наук, профессором, заслуженным юристом Российской Федерации А. С. Дугенцом и кандидатом юридических наук А. А. Самойловой. Она посвящена вопросам криминологической и криминалистической характеристики преступлений. На основе анализа ее элементов сделан вывод, что они подчинены определенному порядку. В этой связи актуальность приобретает установление статистических закономерностей в характеристиках преступлений, лиц, их совершивших, форм и методов изобличения.

Завершает рубрику статья «Проблемы расследования преступлений, нарушающих избирательные права граждан» М. А. Иващенко, в которой рассматриваются процессуальные проблемы расследования преступлений, нарушающих избирательные права граждан; обращается внимание на вопросы, возникающие на стадии возбуждения уголовного дела; перечисляются важные процессуальные задачи, стоящие перед следователем при составлении постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого; приводятся актуальные примеры из следственной практики; даются конкретные рекомендации по расследованию уголовных дел данной категории.

В рамках специальности **«Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность»** размещены три статьи. Статья «Организационно-правовые аспекты оценки личности и поведения осужденных к лишению свободы» подготовлена кандидатом экономических наук, доцентом А. А. Кольевым и К. В. Шатовой. В исследовании обосновывается необходимость совершенствования мотивации осужденных к правопослушному образу жизни с учетом их поведения и личностных

характеристик. Представлен анализ правового регулирования оценки личности и поведения осужденных к лишению свободы. Обозначена проблема отсутствия систематизации норм, регулирующих основания, порядок и критерии оценки осужденных, для решения которой в правовом аспекте предлагается внести изменения в УИК РФ путем дополнения ст. 9 УИК РФ новой частью или введения в кодекс новой статьи «Критерии исправления осужденных к лишению свободы». В организационном аспекте предложено внедрение методики экспресс-диагностики в целях выявления степени исправления осужденных, которая подразумевает вычисление суммы баллов по определенным критериям ежеквартально или по полугодиям.

Во второй статье – «Условия функциональности общественных наблюдательных комиссий как субъектов общественного контроля за деятельностью учреждений уголовно-исполнительной системы Российской Федерации», подготовленной кандидатом юридических наук, доцентом Е. В. Кузнецовой и Е. А. Кочетовой, предпринята попытка определить условия, при которых общественные наблюдательные комиссии как субъекты общественного контроля за деятельностью уголовно-исполнительной системы будут реализовывать поставленные перед ними цель и задачи. Авторы предлагают отказаться от понятия «эффективность деятельности» применительно к общественным наблюдательным комиссиям и оценивать их с позиции функциональности, под которой следует понимать способность общественных наблюдательных комиссий выполнять свои функции. Выявляются следующие условия функциональности общественных наблюдательных комиссий: согласованное правовое регулирование их деятельности, оптимальный порядок формирования комиссий и подготовки их членов к деятельности, физическая доступность учреждений для посещения общественными наблюдательными комиссиями, надлежащее финансирование деятельности общественных наблюдательных комиссий.

Завершает рубрику статья кандидата экономических наук В. Н. Маковеева и Л. В. Сухаревой «Совершенствование системы организации принудительного исполнения судебных актов», в которой раскрываются правовые и организационные основы деятельности Федеральной службы судебных приставов. На основе анализа научных трудов отечественных ученых выделены существующие в ней проблемы. Предложены меры, направленные на совершенствование системы принудительного исполнения судебных актов и деятельности судебных приставов.

По специальности **«Криминалистика, судебно-экспертная деятельность, оперативно-розыскная деятельность»** предлагаются вниманию три статьи. Статья «Судебно-почерковедческая экспертиза: проблемы валидации и стандартизации» В. В. Марочкиной и доктора юридических наук М. В. Бобовкина раскрывает актуальные проблемы, касающиеся таких аспектов, как валидация и стандартизация методик судебно-почерковедческих экспертиз. В российской судебной экспертологии (теории судебной экспертизы) эта область остается малоразработанной ввиду отсутствия нормативных и методических регуляторов, описывающих концепцию соответствующих видов деятельности. В настоящее время законодатель не обязывает валидировать традиционные методики, однако все более остро встает вопрос унификации методического обеспечения, используемого при производстве и оформлении заключений экспертами различных ведомств, а также негосударственными судебными экспертами. Авторами предлагается концепция проверки пригодности методического обеспечения судебно-почерковедческой экспертизы, которая позволит не только усовершенствовать действующие методики, но и разработать новые методы решения назревших вопросов судебного почерковедения.

В статье «Следы – действия человека: понятие, классификация и значение в раскрытии и расследовании преступлений», автором которой является Фан Тхань Донг, рассматривается значение криминалистической классификации следов, на основе чего анализу подвергаются современные классификации следов человека. Проведенный анализ позволил выделить новую группу следов – действий человека, определить ее место в классификации следов. Предложено авторское понятие «следы – действия человека», осуществлена их систематизация. Выделенная группа следов как один из источников доказательственной информации позволяет выдвигать следственные и экспертные версии в ходе осмотра места происшествия. Определено их значение для решения ситуационных задач в ходе раскрытия и расследования преступлений.

Завершает рубрику статья «Способы мошенничества, совершаемого с использованием средств связи: криминалистический аспект» В. С. Экономюк. В ней раскрываются особенно-

сти совершения мошенничества с использованием мобильных средств связи, приводится статистика и выявляются причины роста числа преступлений данной категории. Анализируются способы совершения телефонных мошенничеств с описанием технологий их реализации.

Завершает выпуск материал по специальности «**Административное право; административный процесс**». В статье «Некоторые проблемы нормотворчества федеральных органов исполнительной власти» кандидата юридических наук, доцента П. В. Голодова рассматриваются отдельные вопросы качества и законности актов нормотворчества федеральных органов исполнительной власти, анализируется проблема обеспечения их надлежащего соотношения с законодательными актами. Автором приводится ряд конкретных примеров, подтверждающих существование данной проблемы. В числе основных недостатков отмечаются следующие: передача законом на подзаконный уровень решения вопросов, регламентация которых должна осуществляться на уровне законодательного акта; «вторжение» подзаконного нормотворчества в сферу законодательного регулирования, проявляющееся в создании так называемых норм первичного правового регулирования при отсутствии соответствующих законодательных норм или за пределами их фактического правового содержания.

Мы приглашаем активных читателей и авторов издания обмениваться научными идеями на страницах нашего журнала. Надеемся, что статьи, представленные в данном выпуске, будут способствовать пополнению и обновлению научной базы по разным правовым вопросам и подвигнут наших читателей к активизации исследований.

Желаем интересных научных статей, дискуссий и творческих успехов!

С уважением,
главный редактор
кандидат юридических наук, доцент
Харьковский Евгений Леонидович

Синергетические основы исследования правового порядка

В. Е. ЛАПШИН – профессор кафедры психологии личности и специальной педагогики Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, профессор кафедры психологии и педагогики профессиональной деятельности Владимирского юридического института ФСИН России, доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, доцент;

Е. В. СВИНИН – заместитель начальника кафедры государственно-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент

Использование синергетики как научной методологии позволяет увидеть внутренние причины развития и самоорганизации правовых явлений. Научный интерес к синергетике несколько снизился, что объясняется отсутствием работ, исследующих ее возможности применительно к конкретным явлениям. В статье рассматриваются основные направления использования синергетической парадигмы для изучения правового порядка. Отмечается, что большинство правовых явлений, в том числе и правопорядок, склонны к самоорганизации, исследование которой составляет одну из задач синергетики. Юридическая наука не придает большого значения изучению процессов самоорганизации правового порядка, отмечая их латентный характер. Рассматривая правопорядок как поликонтекстуальное явление, авторы предлагают свое видение отдельных процессов самоорганизации в трех основных формах правового порядка. Внимание акцентируется на необходимости учета ряда факторов, действие которых постепенно может привести к ослаблению правового порядка.

Ключевые слова: законность; правопорядок; правовое регулирование; синергетика.

12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве.

Для цитирования: Лапшин В. Е., Свинин Е. В. Синергетические основы исследования правового порядка. *Ius publicum et privatum : сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*, 2021, № 5 (15), с. 14–18, DOI 10.46741/2713-2811-2021-5-14-18.

Synergistic foundations of the study law and order

V. E. LAPSHIN – Professor of the Department of Personality Psychology and Special Pedagogy of the Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletovs; Professor of the Department of Psychology and Pedagogy of Professional Activities of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia; Dsc. of Pedagogy, PhD. of Law, Associate Professor;

E. V. SVININ – Deputy Head of the Department of State and Legal Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia; PhD. of Law, Associate Professor

The use of synergetics as a scientific methodology allows to see the internal reasons for the development and self-organization of legal phenomena. Scientific interest in synergetics has slightly decreased, what is explained by the lack of works exploring its capabilities in relation

to specific phenomena. The paper discusses the main directions of using the synergetic paradigm for the study law and order. It is noted that most of the legal phenomena, including the rule of law, are prone to self-organization, the study of which is one of the tasks of synergetics. Legal science does not attach much importance to the study of the processes of self-organization of the law and order noting their latent nature. Considering the rule of law as a polycontextual phenomenon the author's vision of individual processes of self-organization in three main forms of law and order is proposed. Attention is focused on the need to take into account a number of factors, the action of which can gradually lead to a weakening of law and order.

Key words: legality; law and order; legal regulation; synergetics.

12.00.01 – Theory and history of law and state; history of doctrines about law and state.

For citation: Lapshin V. E., Svinin E. V. Synergistic foundations of the study law and order. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2021, no. 5 (15), pp. 14–18, DOI 10.46741/2713-2811-2021-5-14-18.

Синергетика давно рассматривается в качестве одной из современных юридических парадигм¹. Тем не менее ее методологический потенциал юридической наукой используется не в полной мере. Более того, в настоящее время наблюдается некоторое ослабление интереса к этой научной методологии. Представляется, что причиной подобной тенденции служит отсутствие результатов использования синергетики в анализе конкретных правовых явлений.

Существующие диссертационные исследования преимущественно посвящены наиболее общим вопросам взаимодействия синергетики и права. Они играют важную роль, обеспечивая условия для постепенного внедрения синергетики в практику научных изысканий. Представляется, что допустимы как однородные исследования, осуществляемые на основе синергетической парадигмы, так и комплексные, сочетающие в себе достоинства диалектического и синергетического методов. Несмотря на значительные различия, полагаем, что вполне возможна их частичная интеграция, но этот вопрос требует отдельного рассмотрения.

В статье мы анализируем возможные направления исследования правопорядка в контексте синергетической парадигмы. Следует согласиться с мнением О. П. Сауляк о том, что принципиальные основы функционирования правопорядка в современных государственно организованных обществах не могут быть адекватно описаны без использования синергетического подхода, который требует учитывать нелинейность социально-правового развития². Представляется, что использование синергетики для изучения правопорядка будет интересным и перспективным направлением научного поиска.

Стоит отметить, что синергетика формирует довольно оригинальную картину

окружающего мира, которая находит свое отражение в совокупности специфических понятий. В основе синергетики лежит предположение о фундаментальной роли случайности и самоорганизации сложных систем.

Следует уточнить, что наше понимание правопорядка основывается на идее поликонтекстуальности, в соответствии с которой правопорядок рассматривается как норма, процесс и результат правовой жизни. Таким образом, общее понятие «правопорядок» охватывает качественную характеристику нормативно-правового регулирования, процедурно-процессуальную сторону реализации права и, наконец, достижение социальных и юридических целей. В результате правопорядок выступает как сложноорганизованная система, образуемая системами меньшего порядка.

Полагаем, что содержание процессов самоорганизации в правопорядке, их форма и виды представляют большой интерес для юридической науки, поскольку напрямую затрагивают вопросы эффективности правового регулирования. Постараемся раскрыть некоторые черты процессов самоорганизации в основных контекстуальных значениях правового порядка.

Пряпорядок как норма правовой жизни характеризует сложившуюся систему права и законодательства. Как известно, процессы самоорганизации очень сильны в формировании системы законодательства, что внешне проявляется в существовании таких форм подзаконных актов, которые не предусмотрены законодательством. К примеру, федеральные органы исполнительной власти в соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации «О правилах подготовки и опубликования нормативных правовых актов федеральными органами исполнительной власти» могут издавать лишь шесть видов подзаконных

актов (приказы, распоряжения, постановления, правила, инструкции и положения), однако нормотворческая практика знает примеры издания нормативных правовых актов в форме наставлений³, порядков⁴, регламентов⁵ и т. д. Появление нетипичных форм подзаконного нормотворчества является свидетельством того, что соответствующая практика испытывает воздействие частных флуктуаций, то есть различного рода незначительных факторов и обстоятельств, действие которых приводит к произвольному частичному отклонению системы от условно заданного шаблона и накопление которых может вывести систему из состояния равновесия.

Постепенное накопление подобных флуктуаций неизбежно разрушает сложившуюся систему законодательства, усиливая ее дискретность, снижая авторитет той или иной формы подзаконного акта. Появление новых нормативных форм нельзя рассматривать как негативное явление. К примеру, Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ (ред. от 30.12.2020) «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» предусматривает такую форму, как административный регламент, выполняющую важнейшую роль в системе реализации государственных функций и предоставления государственных услуг. Но при этом важно, чтобы каждая новая и существующая формы имели однозначное место в законодательной системе, что обеспечивается четким определением ее предмета регулирования. Отсутствие подобных норм неизбежно увеличивает энтропию в системе законодательства.

Правопорядок как процесс правовой жизни характеризует проявления порядка в правовых процедурах реализации права, сфере взаимодействия юридических фактов, правоотношений, фактических и юридических действий. Проявления самоорганизации зависят от характера и природы правовых процедур. К примеру, в сфере гражданского права самоорганизация носит фундаментальный характер, поскольку определяет содержание принципа свободы договора. В сфере публично-правовых отношений самоорганизация правопорядка носит латентный характер. Обнаружить проявления самоорганизации можно, проанализировав административную или судебную практику. Конкретная форма и содержание практики, тенденции ее развития не могут быть предопределены идеей законности. Дискреционный характер полномочий обуславливает

вариативный характер правоприменительных решений, которые зависят не только от фактических обстоятельств, но и от правосознания должностных лиц.

Таким образом, принятию властного индивидуального правового решения предшествует прохождение бифуркационного состояния, то есть состояния принципиальной неустойчивости системы, когда направление и характер ее дальнейшего развития зависят от незначительных фактов и обстоятельств, например настроения должностного лица, его неприязненного отношения и т. д.

Не секрет, что стремление соблюсти формальности, нежелание идти на риск предопределяют так называемый обвинительно-репрессивный уклон в правоприменении. Следует оговориться, что последний постепенно оказывает все меньшее влияние на практику вынесения судебных решений. Так, председатель Верховного Суда Российской Федерации В. М. Лебедев отмечает позитивную динамику, в частности в 2020 г. по сравнению с прошлым годом количество удовлетворенных кассационных жалоб увеличилось в гражданском судопроизводстве с 4 до 13 %, административном судопроизводстве – с 3 до 16 %, уголовном судопроизводстве – с 8 до 12 %⁶.

Вместе с тем сохраняется практика принятия формальных решений, в которых идеи справедливости воплощены не в полной мере. К примеру, Верховный Суд Российской Федерации прекратил уголовное дело в отношении директора одной из библиотек, которая выписывала премии сотрудникам, в том числе и себе. Материальный ущерб от действий госслужащей составил всего 10 тыс. руб., и примечательно, что такая сумма премий сложилась за 9 месяцев работы в должности. Директор библиотеки была осуждена по ч. 3 ст. 160 «Присвоение чужого имущества с использованием служебного положения». Апелляционная и кассационная инстанции оставили решение суда первой инстанции без изменения. Верховный Суд Российской Федерации указал, что судами допущена произвольная оценка доказательств, не было учтено, что директор имела право на вознаграждение и у нее не было корыстного мотива, что в совокупности исключает состав преступления⁷. В указанном примере обращает на себя внимание тот факт, что органы следствия и суды не задействовали норму о малозначительности (ч. 2 ст. 14 УК РФ). Ущерб в 10 тыс. руб. слож-

но признать значительным для уголовно наказуемого деяния с учетом того обстоятельства, что директор имела право на вознаграждение и деньги были заложены в соответствующей строке бюджета. Фактически был нарушен порядок премирования, а это может влечь дисциплинарную ответственность. Скрупулезное следование закону, соблюдение правовых процедур без учета понимания системности как основополагающего свойства правового регулирования, игнорирование принципов права и относительно определенных норм неизбежно приводят к деформации правосознания не только рядовых граждан, столкнувшихся с несправедливостью, но и государственных служащих, считающих, что применение права есть не что иное, как однозначное и сугубо формальное воплощение норм. Нежелание увидеть различие между буквой и духом закона может быть связано с отсутствием стимулов для подлинного, живого применения права. Особенно печально эта ситуация выглядит на фоне того, что в самом праве предусмотрены компенсационные механизмы, призванные снизить и даже исключить формальное и несправедливое юридическое решение.

Суды и должностные лица крайне неохотно идут на реализацию норм в условиях нетипичного правоприменения, когда необходимо использовать принципы права, положения о малозначительности либо институты аналогии права и закона. Так, формально правильными являются действия правоохранительных органов, возбудивших уголовное дело за грабеж в отношении несовершеннолетнего череповчанина, пытавшегося завладеть чипсами стоимостью 27 руб.⁸ Подобные случаи не единичны: так, в сентябре 2019 г. детдомовца из Самары приговорили к двум годам и семи месяцам колонии общего режима за грабеж коробки конфет⁹.

Вместе с тем общественная опасность подобных деяний вызывает вопросы и наталкивает на мысль о целесообразности применения нормы о малозначительности. К сожалению, эта оценочная норма не имеет точного содержания и поэтому не воспринимается правоприменителями как подлежащая реализации. Сознание должностных лиц стремится уйти от рискованного творческого правоприменения, выбирая путь строгих и однозначных процедур. В связи с этим в юридической науке существует мнение о необходимости принятия нормы об уголовном проступке. На наш взгляд, гораздо важнее

разработать и принять нормы о профессиональном юридическом риске, который бы предусматривал гарантии для должностных лиц, стремящихся обеспечить в своих решениях принцип справедливости в рамках, установленных законом.

Правопорядок как процесс в сфере публичных правоотношений характеризуется проявлением самоорганизации юридической практики в направлении строго формальной реализации права в ущерб ее социальной стороне. Своеобразной флуктуацией может служить институт дисциплинарной ответственности за случаи необоснованного применения права. В результате угрозы снижения размера премии, получения выговора либо увольнения создают труднопреодолимые препятствия на пути творческого и живого применения права в соответствии с фундаментальным принципом справедливости.

Правопорядок как процесс характеризует согласованное действие социальных и правовых норм, является логическим следствием содержания и характера правовых процедур реализации норм права. Весьма интересен пример с реализацией института условно-досрочного освобождения.

Ежегодно из исправительных учреждений освобождается около 50 тыс. осужденных. С одной стороны, это очень хороший показатель, поскольку в соответствии с уголовным законом условно-досрочное освобождение применяется в отношении лиц, которые для своего исправления не нуждаются в полном отбытии уголовного наказания. С другой, ежегодно 40 % условно-досрочно освобожденных вновь совершают преступления¹⁰. Исходя из этого, можно утверждать, что цель исправления (имеющая сугубо социальную, а не юридическую природу) в большинстве случаев не достигается. В результате формируется определенная закономерность, связанная с самоорганизацией системы: необходимость обеспечения исправительного воздействия доминирует над карательно-репрессивным элементом наказания¹¹.

Приведенный пример подтверждает известное утверждение, что формально верное, правомерное выполнение требований правовой процедуры не может гарантировать высокой социальной эффективности. Эта особенность формирует фундаментальное различие между законностью и порядком. В основе последнего лежит согласованное, синергичное действие не только правовых, но и иных социальных

норм, взаимодействие которых можно исследовать, используя методологический потенциал синергетики.

В заключение хочется отметить, что в порядке, как и другим явлениям правового регулирования, свойственны разнообразные процессы самоорганизации,

обуславливающие нелинейный характер их развития и функционирования. В этой связи исследование флуктуаций, особенностей неравновесных бифуркационных состояний имеет большое значение для понимания закономерностей правового регулирования и повышения его эффективности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Шаханов В. В. Правовые парадигмы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2005. С. 7.

² Сауляк О. П. Сущность правового порядка: теоретико-методологическое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 15.

³ Об утверждении Наставления по организации огневой подготовки в органах внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 23.11.2017 № 880 (ред. от 25.01.2021). URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 28.02.2018).

⁴ Об утверждении Порядка замещения временно отсутствующего нотариуса : приказ Минюста России от 29.06.2015 № 148 // Бюл. норматив. актов федер. органов исполнит. власти. 2015. № 41.

⁵ Об утверждении Регламента проведения Минюстом России ведомственного контроля в сфере закупок для обеспечения федеральных нужд : приказ Минюста России от 27.08.2014 № 183 (ред. от 23.10.2020) // Рос. газ. 2014. 26 сент.

⁶ Кассационные суды в России за год рассмотрели порядка 255 тысяч жалоб. URL: <https://rg.ru/2020/12/29/kassacionnye-sudy-v-rossii-za-god-rassmotreli-poriadka-255-tysiach-zhalob.html> (дата обращения: 27.03.2021).

⁷ Верховный Суд объяснил, является ли преступлением премирование самого себя. URL: https://www.vsr.ru/press_center/mass_media/29802/ (дата обращения: 27.03.2021).

⁸ 15-летний череповчанин, стащивший чипсы, может сесть в тюрьму за грабеж с насилием. URL: <http://www.severinform.ru/index.php?page=newsfull&date=20-08-2018&newsid=254006> (дата обращения: 27.03.2021).

⁹ Магазин общего режима: кого в России наказывают за кражу продуктов. URL: <https://ria.ru/20201031/vorovstvo-1582301767.html> (дата обращения: 27.03.2021).

¹⁰ Свинин Е. В. Кара и исправление как стороны уголовного наказания: вопросы правовой политики и правового порядка // Уголовная политика и правоприменительная практика : сб. ст. VIII Междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 30–31 октября 2020 г.). СПб., 2020. С. 132, 133.

¹¹ Там же. С. 132.

¹ SHahanov V. V. Pravovye paradigmy : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Vladimir, 2005. S. 7.

² Saulyak O. P. Sushchnost' pravoporyadka: teoretiko-metodologicheskoe issledovanie : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2010. S. 15.

³ Ob utverzhenii Nastavleniya po organizacii ognevoj podgotovki v organah vnutrennih del Rossijskoj Federacii : prikaz MVD Rossii ot 23.11.2017 № 880 (red. ot 25.01.2021). URL: <http://www.pravo.gov.ru> (data obrashcheniya: 28.02.2018).

⁴ Ob utverzhenii Poryadka zameshcheniya vremennno otsutstvuyushchego notariusa : prikaz Minyusta Rossii ot 29.06.2015 № 148 // Byul. normativ. aktov feder. organov ispolnit. vlasti. 2015. № 41.

⁵ Ob utverzhenii Reglamenta provedeniya Minyustom Rossii vedomstvennogo kontrolya v sfere zakupok dlya obespecheniya federal'nyh nuzhd : prikaz Minyusta Rossii ot 27.08.2014 № 183 (red. ot 23.10.2020) // Ros. gaz. 2014. 26 sent.

⁶ Kassacionnye sudy v Rossii za god rassmotreli poryadka 255 tysyach zhalob. URL: <https://rg.ru/2020/12/29/kassacionnye-sudy-v-rossii-za-god-rassmotreli-poriadka-255-tysiach-zhalob.html> (data obrashcheniya: 27.03.2021).

⁷ Verhovnyj Sud ob"yasnil, yavlyaetsya li prestupleniem premirovanie samogo sebya. URL: https://www.vsr.ru/press_center/mass_media/29802/ (data obrashcheniya: 27.03.2021).

⁸ 15-letnij cherepovchanin, staschivshij chipsy, mozhet sest' v tyur'mu za grabezh s nasiliem. URL: <http://www.severinform.ru/index.php?page=newsfull&date=20-08-2018&newsid=254006> (data obrashcheniya: 27.03.2021).

⁹ Magazin obshchego rezhima: kogo v Rossii nakazyvayut za krazhu produktov. URL: <https://ria.ru/20201031/vorovstvo-1582301767.html> (data obrashcheniya: 27.03.2021).

¹⁰ Svinin E. V. Kara i ispravlenie kak storony ugovolnogo nakazaniya: voprosy pravovoj politiki i pravoporyadka // Ugolovnaya politika i pravoprimeritel'naya praktika : sb. st. VIII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Sankt-Peterburg, 30–31 oktyabrya 2020 g.). SPb., 2020. S. 132, 133.

¹¹ Tam zhe. S. 132.

Статья поступила 16.06.2021

Влияние цифровых трансформаций идентичности на правосознание современной молодежи

Н. С. ОБОТУРОВА – профессор кафедры философии и истории психологического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор философских наук, доцент;

О. В. ГОНЦОВА – курсант 3 курса психологического факультета ВИПЭ ФСИН России

В статье рассматривается влияние процессов информатизации и цифровизации на осознание молодежью своей правовой и социальной идентичности. Показано, что молодые люди в силу отсутствия у них соответствующих знаний, опыта, устойчивых ценностных ориентаций чаще представителей других социальных групп становятся объектами сетевых манипуляций и влияний. Воздействие недостоверной, дезорганизующей информации, предлагаемой организаторами деструктивных сообществ, негативно сказывается на поведении молодежи, подталкивая ее к противоправным действиям. Основной причиной утраты молодыми участниками сетевого пространства личностной целостности, гражданско-правовой идентичности, превращения из активных субъектов правового познания и деятельности в пассивных анонимных безответственных объектов управления и манипуляции является низкий уровень правосознания. Авторы считают, что наиболее опасным следствием деградации правосознания, потери гражданско-правовой идентичности становится идентификация с антисоциальными, противоправными сообществами, в том числе экстремистскими. Во избежание этого следует важную роль отводить правовым ценностям и установкам молодежи как системообразующему фактору в процессе формирования стратегий личностной идентичности.

К л ю ч е в ы е с л о в а : право; правосознание; молодежь; идентичность; цифровизация; сетевое пространство.

12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Оботурова Н. С., Гонцова О. В. Влияние цифровых технологий идентичности на правосознание современной молодежи. *Ius publicum et privatum : сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*, 2021, № 5 (15), с. 19–23, DOI 10.46741/2713-2811-2021-5-19-23.

Impact of digital identity transformations on legal consciousness of modern youth

N. S. OBOTUROVA – Professor of the Department of Philosophy and History of the Psychological Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Dsc. of Philosophy, Associate Professor;

O. V. GONTSOVA – 3rd Year Cadet of the Psychological Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia

The article examines the impact of informatization and digitalization on young people's awareness of their legal and social identity. It is shown that due to their lack of relevant knowledge, experience, stable value orientations young people become the object of web-based manipulations and influences more often than other social groups. The impact of unreliable, disorganizing information offered by the organizers of destructive communities

has a negative impact on young peoples' behavior, encouraging them to illegal actions. The low level of legal consciousness is the key reason for the young network participants' loss of personal integrity and civil identity as well as transformation from active subjects of legal cognition and activity into passive anonymous irresponsible objects of management and manipulation. According to the authors of the article the most dangerous consequences of the legal consciousness degradation and loss of civil identity is identification with antisocial, illegal communities, including extremist ones. In these conditions the role of young people's legal values and attitudes as a system-forming factor in the development of personal identity strategies is especially important.

Key words: law, legal consciousness, youth, identity, digitalization, network space.

12.00.01 – Theory and history of law and state; history of doctrines about law and state.

For citation: Oboturova N. S., Gontsova O. V. Impact of digital identity transformations on legal consciousness of modern youth. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2021, no. 5 (15), pp. 19–23, DOI 10.46741/2713-2811-2021-5-19-23.

Исследование проблем формирования правосознания современной молодежи в контексте влияния на него информационных процессов не только представляет теоретический интерес, но и имеет большую практическую значимость. Именно молодые люди в силу отсутствия у них соответствующих знаний, опыта, устойчивых ценностных ориентаций чаще представителей других социальных групп становятся объектами разного рода манипуляций и влияния со стороны заинтересованных в этом информационных коммуникаторов, деятельность которых направлена на организацию деструктивного противоправного поведения. Примерами практической реализации такого негативного социального опыта заведомо установленными манипуляторами являются забастовки, митинги, революции, создание деструктивных организаций, пропагандирующих, как правило, вступление в контркультуры и их дальнейшее развитие на социальном уровне.

Как отмечают современные исследователи, сегодня «социальные медиа успешно и эффективно используются неправительственными организациями и оппозиционными партиями для контактов между их членами, упрочивая тем самым внутрипартийные и внутриорганизационные связи, сплачивая сторонников, но тем самым усиливая поляризацию и экстремизм»¹. Особенно велико влияние деструктивного контента на молодежь. Молодое поколение является самым активным пользователем интернет-ресурсов, при этом оно не имеет жизненного опыта, достаточного для того, чтобы отделять полезную информацию от вредной. Молодежь, особенно подростки, быстрее воспринимают предложенную им информацию и используют ее в процессе взаимодействия с окружающим миром.

Воздействие недостоверной, дезорганизующей информации, предлагаемой организаторами деструктивных сообществ, негативно сказывается на поведении. Учитывая, что законодательно эти процессы должным образом не урегулированы, чрезвычайно важную роль в противостоянии негативным влияниям информационной среды должна играть собственная гражданско-правовая личностная позиция, основанная на осознании права как важнейшей социальной ценности и подкрепленная установкой на правопослушное поведение. В этой связи актуальной проблемой современной науки является исследование влияния цифровых трансформаций идентичности на формирование правосознания, выявление его основных тенденций и рисков.

Правосознание представляет собой часть общественного и индивидуального сознания, объектом которой является законодательство в целом, отдельные акты и нормы, юридические права, свободы и обязанности личности, правовые статусы участников общественных отношений, правоприменительные акты, правомерное и неправомерное поведение, законность и правопорядок. Именно правовое сознание побуждает молодых людей следовать социально необходимым нормам, поскольку базируется на принципах гражданственности и патриотизма, предполагает наличие правовых идей, знаний, убеждений, оценок, чувств и эмоций. Являясь одной из важнейших сфер общественного, группового и индивидуального сознания, правосознание выступает как сложное духовное образование, складывающееся из знаний и представлений о праве, эмоционально-оценочного отношения к правовым явлениям и готовности действовать в юридически значимых ситуациях в соответствии с нормами права.

На сложность феномена правосознания и его огромную роль в жизни человека и общества обращали внимание многие мыслители. Так, И. А. Ильин подчеркивал, что «человеку невозможно не иметь правосознание; его имеет каждый, кто сознает, что кроме него на свете есть другие люди. Человек имеет правосознание независимо от того, знает он об этом или не знает, дорожит этим достоянием или относится к нему с пренебрежением. Вся жизнь человека и вся судьба его слагаются при участии правосознания и под его руководством; мало того, жить – значит для человека жить правосознанием»². Сущность и природа права, по мнению И. А. Ильина, состоит в том, что оно создается мыслящими субъектами и для мыслящих субъектов, «говорит на языке сознания и обращается к сознательным существам; оно утверждает и отрицает, оно формулируется и требует – для того, чтобы люди знали, что утверждено и что отринуто, и сознавали формулированное требование»³. Будучи рациональной формой освоения действительности, правосознание вместе с тем не сводится к сознанию как таковому, ибо представляет собой нечто более широкое и глубокое, чем сознание, в нем «участвует не только знание и мышление, но и воображение, и воля, и чувство, и вся человеческая душа»⁴.

Значение правосознания заключается, по мнению И. А. Ильина, в том, что в нем человек не только утверждает свою собственную духовность, но и признает духовность других людей. Поэтому и базовые аксиомы правосознания, такие как чувство собственного достоинства, способность к самоконтролю, уважение и доверие к людям как субъектам правоотношений, учат людей не только самостоятельности и свободе, но и взаимности и солидарности. На важную роль правосознания в обеспечении законности и правопорядка в обществе обращают внимание современные исследователи, продолжая традицию рассмотрения права в неразрывной связи с нравственностью, определяя его как форму совести, «внутренний духовно-нравственный закон человека, позволяющий ему уважать право без внешнего понуждения»⁵. Сегодня процесс формирования правосознания встречается с новыми вызовами и рисками, обусловленными влиянием информатизации и цифровизации. Особенно подвержена опасности в этом смысле молодежь как основной пользователь интернет-ресурсов.

Актуальным направлением современных исследований проблемы особенностей

формирования правосознания молодежи представляется использование эвристического потенциала конструкта идентичности, так как именно процессы идентификации подвергаются радикальным трансформациям в современном мире, что обусловлено беспрецедентным влиянием интернет-пространства на процессы социализации молодого поколения, формирования его ценностных ориентаций. Понятие «идентичность» можно определить как осознание субъектом межличностных взаимоотношений своей принадлежности к социальным общностям (социальная идентичность) и переживание личностью своей индивидуальности и непохожести по отношению к другим членам общественных отношений (индивидуальная идентичность). Необходимо отметить, что «человек обладает целым рядом социальных и персональных идентичностей. Это определяется тем, скольким группам он принадлежит. Важность той или иной социальной идентичности варьируется, в определенный момент только одна идентичность является актуализированной, сквозь ее призму человек интерпретирует себя, воспринимает других и выстраивает свое социальное поведение»⁶.

Гражданско-правовая идентичность как базовый элемент правосознания играет важнейшую роль в формировании мировоззрения и поведения молодых людей, на ее становление влияет множество факторов. Решающую роль в процессе формирования правового сознания подрастающего поколения традиционно играла деятельность основных социальных институтов, которые создавали необходимые социальные и социокультурные условия для воздействия социально полезной информации на сознание молодежи. На протяжении сотен лет государство и общество с разной степенью успешности контролировали процессы коммуникативного воздействия на лабильное, несформировавшееся сознание молодежи, обеспечивали формирование ее социальной, в том числе и правовой идентичности. В последние десятилетия ситуация кардинальным образом изменилась: главную роль в социализации современного человека, гораздо более значительную, чем традиционные институты влияния, такие как семья, школа, государство, церковь и т. п., стали играть средства массовой информации.

Сегодня массмедиа не просто представляют информацию, а определяют мировоззрение и поведение человека, проясняют ему его роль и место в мире, трансформи-

руют привычные смыслы, «формируют мир значений и посредством повторяющихся сообщений, вовлекают людей в общее символическое пространство, а оно в свою очередь формирует восприятие, установки и в конечном итоге действия людей»⁷. Подросток, впервые вступивший в коммуникационно-цифровую связь с обществом, именно через массмедиа знакомится с его идейными составляющими, перенимает социокультурный опыт и становится субъектом молодежного субкультурного движения, где ему предоставляется возможность самоидентификации себя как члена нового сообщества и носителя соответствующих прав и обязанностей, которые принимаются и не всегда адекватно осознаются ввиду искаженного понимания своей правовой идентичности.

Сложнейшей современной гуманитарной проблемой, связанной с виртуализацией коммуникации, становится изменение базовых принципов социально-личностной идентификации. Трансформация идентичности в сетевом пространстве современного общества представляет собой особый социокультурный феномен, обусловленный наличием значимых на сегодняшний день парадигмальных изменений, которые затрагивают все сферы общественной жизни и связаны с процессами глобализации, развитием цифровых технологий, средств коммуникации. Одной из особенностей сетевой культуры информационного общества является возможность выбора идентификационной принадлежности, включающей в себя познание, реализацию и презентацию себя как субъекта сетевого пространства. В постоянно меняющемся виртуальном пространстве традиционные идентификационные границы и принципы становятся все более подвижными, такие привычные точки идентичности, как пол, возраст, статус и т. д., постепенно утрачивают свою значимость, акцент смещается на виртуальность. Как отмечает А. А. Лисенкова, «в виртуальном пространстве человек реализует потребность в признании и принадлежности, создает сообщества, вступает в ранее ему недоступные группы и стремится к групповой идентификации, опосредованной новыми способами коммуникации и интеграции»⁸. Вне и внутри человека происходят процессы непрерывного конструирования идентичности, формируются новые смыслы и связи, выстраиваются виртуальные миры, идентификатором входа в которые является виртуальная личность в виде логинов, никнеймов, ID и т. п. В результате стираются

границы между физической и виртуальной реальностями, и благодаря «различным гипервизуализированным форматам коммуникации и репрезентации происходит слияние цифрового и реального “Я” в единую цифровую публичную идентичность»⁹.

Процессы изменения идентификационной парадигмы, появления новых стратегий идентификации в новой коммуникативной реальности цифрового мира можно осмысливать по-разному. С одной стороны, «виртуальные платформы и новые медиа становятся местом коммуникаций, обретения профессионального статуса, удаленной работы и пространством социального признания и одобрения, где реализуются современные стратегии личностного публичного самоутверждения»¹⁰. В то же время серьезную проблему представляют возможность утраты участником сетевого пространства своей личностной целостности, идентичности, погружение в неопределенность, приводящие к превращению его из активного субъекта познания и деятельности в пассивного анонимного безответственного объекта управления и манипуляции. Наиболее опасным сценарием при этом является идентификация с антисоциальными, противоправными сообществами. Раскрывая ее механизмы, исследователи отмечают, что, поскольку сегодня повседневная жизнь человека проходит в неопределенности, связанной с самыми разными явлениями, такими как безработица, кризис, эпидемия, и мир становится все более непредсказуемым, непонятным и пугающим, возрастает потребность в устойчивых, определенных, неизблемых позициях, позволяющих ориентироваться в бесконечно трансформирующейся реальности. Стремясь избавиться от неопределенности и связанной с ней тревожности, человек «устремляется к другим, которые помогут ему понять, что думать, как чувствовать и действовать»¹¹, отдавая при этом предпочтение тем группам, нормы и правила поведения, направление мыслей и чувств которых наиболее ясны, определены, просты. Именно поэтому подростки и молодежь чаще других оказываются вовлеченными в группы, деятельность которых имеет противоправный характер, в том числе и в экстремистские группировки, которые «обеспечивают своим членам четкий стандарт, что является верным, а что нет, давая однозначную основу для оценки членов аут-группы, дегуманизируя их, что в результате оправдывает любые действия в отношении последних»¹².

Тотальный процесс информатизации глобально влияет на идентичность молодого поколения и осознание его представителями своей правовой и социальной принадлежности. Выдвижение измененных требований к ценностно-нормативной парадигме культурной общности влечет за собой переосмысление привычных способов коммуни-

кации и адекватного восприятия действительности. В этих условиях особенно важна роль правосознания, правовых ценностей и установок молодежи как системообразующего фактора в процессе формирования стратегий личностной идентичности, позволяющего преодолевать вызовы и риски ее цифровых трансформаций.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Sunstein C. Republic.com.2.0. Princeton, 2007. P. 150.

² Ильин И. А. О сущности правосознания. М., 1993. С. 19.

³ Там же. С. 24.

⁴ Там же. С. 81.

⁵ Нагорных Р. В. Механизм административно-правового регулирования государственной службы в правоохранительной сфере и его содержание // Вестн. ин-та: преступление, наказание, исправление. 2019. Т. 13, № 1. С. 31.

⁶ Бовин Б. Г., Казберов П. Н., Бовина И. Б. Радикализация в местах заключения: подход социальной идентичности // Пенитенциар. наука. Т. 14, № 3. С. 420.

⁷ Стрельник О. Н. Миф и мифотворчество как элементы коммуникативного пространства современной культуры // Вопр. философии. 2018. № 7. С. 84.

⁸ Лисенкова А. А. Трансформация идентичности в цифровую эпоху // Там же. 2020. № 3. С. 71.

⁹ Там же. С. 65.

¹⁰ Там же. С. 72.

¹¹ Бовин Б. Г., Казберов П. Н., Бовина И. Б. Радикализация в местах заключения: подход социальной идентичности.

¹² Там же. С. 421.

¹ Sunstein C. Republic.com.2.0. Princeton, 2007. P. 150.

² Il'in I. A. O sushchnosti pravosoznaniya. M., 1993. S. 19.

³ Tam zhe. S. 24.

⁴ Tam zhe. S. 81.

⁵ Nagornyy R. V. Mekhanizm administrativno-pravovogo regulirovaniya gosudarstvennoj sluzhby v pravooxranitel'noj sfere i ego sodержanie // Vestn. in-ta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2019. T. 13, № 1. S. 31.

⁶ Bovin B. G., Kazberov P. N., Bovina I. B. Radikalizaciya v mestah zaklyucheniya: podhod social'noj identichnosti // Penitenciar. nauka. T. 14, № 3. S. 420.

⁷ Strel'nik O. N. Mif i mifotvorchestvo kak elementy kommunikativnogo prostranstva sovremennoj kul'tury // Vopr. filosofii. 2018. № 7. S. 84.

⁸ Lisenkova A. A. Transformaciya identichnosti v cifrovuyu epohu // Tam zhe. 2020. № 3. S. 71.

⁹ Tam zhe. S. 65.

¹⁰ Tam zhe. S. 72.

¹¹ Bovin B. G., Kazberov P. N., Bovina I. B. Radikalizaciya v mestah zaklyucheniya: podhod social'noj identichnosti.

¹² Tam zhe. S. 421.

Статья поступила 31.10.2021

DOI 10.46741/2713-2811-2021-5-24-31

УДК 349.6

Эколого-правовые требования к сельскохозяйственной продукции в контексте обеспечения продовольственной безопасности (на примере стран Европы и Азии)

Н. П. ВОРОНИНА – профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доцент

В статье рассматриваются основные направления стратегического планирования и правового регулирования экологизации сельского хозяйства в странах Европы и Азии в контексте обеспечения продовольственной безопасности. Сформулирован авторский подход к формированию модели правового регулирования осуществления сельскохозяйственной деятельности в условиях реализации Целей устойчивого развития до 2030 г.

Ключевые слова: экологизация; зеленая экономика; продовольственная безопасность.

12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право.

12.00.01 – Теория и история права и государства, история учений о праве и государстве.

Для цитирования: Воронина Н. П. Эколого-правовые требования к сельскохозяйственной продукции в контексте обеспечения продовольственной безопасности (на примере стран Европы и Азии). *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*, 2021, № 5 (15), с. 24–31, DOI 10.46741/2713-2811-2021-5-24-31.

Environmental and legal requirements for agricultural products in the context of ensuring food security (on the example of the countries of Europe and Asia)

N. P. VORONINA – Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. of Law, Associate Professor

The article examines the main directions of strategic planning and legal regulation of agriculture ecologization in Europe and Asia in the context of ensuring food security. The author's approach to the formation of the model of legal regulation of the implementation agricultural activities in the context of the implementation of the Sustainable Development Goals 2030 is formulated.

Key words: ecologization; green economy; food security.

12.00.03 – Civil law; business law; family law; private international law.

12.00.01 – Theory and history of law and state, history of doctrines about law and state.

For citation: Voronina N. P. Ecological and legal requirements for agricultural products in the context of ensuring food security (on the example of the countries of Europe and Asia). *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2021, no. 5 (15), pp. 24–31, DOI 10.46741/2713-2811-2021-5-24-31.

Согласно Целям устойчивого развития в 2015 г., голод – мировая проблема, ликвидация которой до 2030 г. (ЦУР – 2030), утвержденным ООН видация которой «может оказать благо-

приятное влияние на экономику, здравоохранение и образование, а также способствовать равенству и социальному развитию»¹. Поэтому в большинстве стран обеспечение продовольственной безопасности выступает составной частью национальной безопасности, а государства стремятся к продовольственной независимости. Доктринальные подходы к пониманию продовольственной безопасности менялись, однако ученые сходятся во мнении, что население планеты должно быть обеспечено достаточным количеством продовольствия, а сельскохозяйственная продукция и пищевые продукты должны быть безопасными и для здоровья человека, и для состояния окружающей среды. Разработана методика оценивания уровня продовольственной безопасности (разработчик – Economist Intelligence Unit). В ее основе четыре ключевых показателя: 1) наличие продовольствия, 2) доступность продовольствия, 3) качество и безопасность продовольствия и 4) природные ресурсы и их устойчивость². Одной из задач современного правового регулирования в сфере сельскохозяйственной и перерабатывающей деятельности является достижение баланса экономических, социальных и экологических интересов. Можно утверждать, что модель правового регулирования в рассматриваемой сфере общественных отношений уже перестала иметь узко юридическое значение, а приобрела межотраслевой характер, охватив все стороны социальной жизни.

Современное состояние науки позволяет применять инновации в сфере сельского хозяйства, связанные как с цифровизацией, роботизацией, так и с геномными технологиями. На первый взгляд, биотехнологии, включая генную инженерию, – это благо для человечества в условиях изменения климата, уменьшения биоразнообразия, истощения природных ресурсов, которые ставят под угрозу обеспечение человечества продовольствием как в настоящее время (по данным Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН, в мире уже голодают более 800 млн чел.), так и в будущем. Однако слабое состояние изученности ближайших и тем более отдаленных последствий применения геномных технологий для здоровья человека и состояния окружающей среды, отсутствие единых методологических подходов к оценке рисков и угроз обуславливают актуальность научных исследований, позволяющих управлять этими рисками и минимизировать их, а

также формирования новых правовых подходов.

Анализ мировой продовольственной безопасности свидетельствует об увеличении объема производства и международной торговли сельскохозяйственной продукцией. Основными мировыми экспортёрами продовольствия являются США, Франция, Нидерланды, Китай, Бразилия. Среди импортёров лидер – Япония, но возрастает в импорте и доля индустриальных государств Юго-Восточной Азии³.

В той или иной степени обеспечение производства собственной сельскохозяйственной продукции – это приоритет аграрной политики большинства из рассматриваемых нами стран.

Стратегическое планирование в аграрной сфере обеспечивается посредством принятия как политико-правовых, так и нормативных правовых актов.

В интеграционных сообществах Европы и Азии цели аграрной политики определяются в учредительных документах. Так, Евросоюзом (ЕС) в ст. 39 Римского договора предусмотрены следующие цели: увеличение сельскохозяйственного производства на основе внедрения достижений научно-технического прогресса, обеспечение рационального развития сельского хозяйства и оптимального использования производственных ресурсов; обеспечение высокого жизненного уровня населения; стабилизация рынков; обеспечение устойчивого продовольственного снабжения населения по приемлемым ценам⁴. Определены принципы, мероприятия и финансовые механизмы в части реализации аграрной политики. Это позволило достичь общности рынка, системы сбыта и цен в территориальных пределах Евросоюза, применения единых правил конкуренции, унификации и административных процедур, санитарных и ветеринарных норм⁵. Вместе с тем необходимо повышение конкурентоспособности сельскохозяйственной продукции стран – членов ЕС, так как предполагается, что у европейских сельскохозяйственных товаропроизводителей должны быть более экономически благоприятные условия по сравнению с экспортёрами из других стран по причине высокого уровня издержек производства. Такой подход привел к тому, что ЕС стал крупнейшим производителем и экспортёром сельскохозяйственной продукции и достиг высокого уровня самообеспечения. Кроме того, ЕС помогает развивающимся странам в решении проблемы голода. Так, в 2008 г. был создан Продовольственный

фонд, основной целью которого является уменьшение разрыва между оказанием экстренной гуманитарной помощи и долгосрочным процессом экономического развития. Продовольственная программа ЕС была направлена на увеличение объемов сельскохозяйственного производства в 49 беднейших странах мира⁶. Качество своей жизни в 2008–2011 гг. улучшили 60 млн чел. Сегодня финансирование решения продовольственной проблемы в бедных странах осуществляется за счет средств Европейского фонда развития, принят ряд стратегических документов: Инструмент развития и сотрудничества (финансирует проекты в 47 развивающихся странах Латинской Америки, Азии и Северной Африки), Европейский инструмент соседства и партнерства (предназначен для финансирования проектов в соседних регионах), Программа продовольственной безопасности⁷.

Одно из обязательных требований к сельскохозяйственной продукции в ЕС – ее безопасность. Поэтому на общеевропейском уровне были определены принципы и законодательные требования в отношении продовольствия и кормов для животных. Еврокомиссия (ЕК) разработала довольно высокие стандарты безопасности, сформулировав подход «от поля до стола». Он зафиксирован в Белой книге по безопасности пищевых продуктов и охватывает все секторы пищевой цепочки, включая сельскохозяйственное производство, производство кормов, пищевую промышленность, хранение, транспортировку и розничную торговлю⁸. В 2002 г. был принят Регламент № 178/2002, содержащий общие принципы обеспечения безопасности продовольствия и предусматривающий создание Европейского агентства по безопасности продуктов питания, основным инструментом деятельности которого является информирование, что позволяет своевременно выявить опасные продукты.

Несколько отстают в этом вопросе страны Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ). Это объясняется тем, что аграрная политика ориентирована на минимизацию негативных последствий перехода от социалистической модели аграрной экономики к рыночным отношениям⁹. В государственной аграрной политике стран ЦВЕ выделяют несколько направлений: установление минимальных закупочных цен; закупочные и товарные интервенции; регулирование внешнеэкономических связей с учетом обеспечения экономической, экологической

и продовольственной безопасности; обеспечение устойчивости внутреннего рынка; разумный протекционизм (квоты, лицензии, запреты); субсидирование экспорта; развитие социальной инфраструктуры на селе¹⁰. При этом особое внимание обращается на соблюдение европейских норм по охране окружающей среды.

Одной из сфер сельскохозяйственной деятельности является рыболовство. Потребление водных биоресурсов – показатель обеспечения продовольственной безопасности как на мировом, так и на национальном уровнях. В 2018 г. было произведено 179 млн т рыбы¹¹. Имеет место снижение объема добываемых водных биоресурсов – с 90 % в 1974 г. до 65,8 % в 2017 г., в связи с чем интенсивное развитие получает аквакультура, представляющая собой наиболее быстро растущий продовольственный сектор. Разведение гидробионтов осуществляется на всех континентах в 140 странах¹², лидерами являются Китай, страны Юго-Восточной Азии (Вьетнам, Индонезия, Филиппины), Корея, Норвегия, Япония¹³. Так, Китай производит 29 млн т, Индонезия – 3,5 млн т, Вьетнам – 2,5 млн т аквакультуры¹⁴. При этом декларируется, что аквакультура, как и иная сельскохозяйственная деятельность, должна осуществляться в соответствии с экологическими требованиями. Это закреплено в ряде нормативных документов, например в документах Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Благодаря наличию биоресурсов страны АСЕАН являются крупнейшими экспортёрами сельскохозяйственной продукции, включая аквакультуру. Экологическая безопасность выступает в качестве составной части региональной безопасности АСЕАН. Принят ряд стратегических документов экологического характера: Декларация Балийское согласие-2 (2003 г.), Декларация по экологической устойчивости (2007 г.), Совместная Декларация по принятию Целей развития тысячелетия в АСЕАН (2009 г.), Декларация по экологической устойчивости после 2015 г. (2015 г.), Повестка дня по изменению климата (2015 г.). В 2020 г. было одобрено Видение сообщества АСЕАН – 2025, в котором определено соответствие целей АСЕАН Повестке дня ООН по устойчивому развитию – 2030, а также утверждена Повестка дня Экономического сообщества АСЕАН – 2025, предусматривающая устойчивое развитие в таких сферах, как экология, социальное развитие, производство и потребление, борьба с природными стихии-

ями¹⁵. Активно развивается сотрудничество и в сфере продовольственной безопасности, что обусловлено двумя причинами: 1) большой численностью населения стран, входящих в АСЕАН, 2) признанием АСЕАН динамично развивающимся региональным центром мировой экономики, в котором интенсивно осуществляется экономическая, культурная, социальная, экологическая интеграция¹⁶. Аграрный сектор экономики АСЕАН – приоритетное направление в процессе интеграции этого сообщества. Около 40 % населения трудятся в сфере сельского хозяйства и перерабатывающей промышленности. Действуют Программа по созданию комплексной системы продовольственной безопасности и Стратегический план действий по развитию продовольственной безопасности АСЕАН. В предыдущей Дорожной карте по созданию сообщества были сформулированы стратегические цели ассоциации, среди которых развитие пищевой промышленности и сельского хозяйства, продвижение сельскохозяйственных кооперативов, повышение безопасности пищевых продуктов¹⁷.

Особое место на международном рынке сельскохозяйственной продукции, в том числе и аквакультуры, занимает КНР. В Китае главной характеристикой сельского хозяйства является обеспечение продовольственной безопасности страны в условиях растущей перенаселенности, снижения обеспечения земельными ресурсами. К началу XXI в. там сформирован «совершенно новый аграрный сектор экономики, который обеспечил решение всех экономических, социальных, политических и продовольственных проблем»¹⁸. К основным акцентам государственной аграрной политики относятся: обязательные поставки для государственных нужд, увеличение закупочных цен, ускоренное становление сельской промышленности и сельских промыслов. В сельской местности развиваются малые предприятия, сельские кооперативы (как производственные, так и кредитные). Реализация мер аграрной политики привела к тому, что производство отдельных видов продовольствия выросло более чем в два раза, улучшилась структура питания населения, по многим видам сельскохозяйственной продукции КНР стала экспортером.

Изменение климата, истощение природных ресурсов, уменьшение биоразнообразия обуславливают применение в сельскохозяйственной деятельности таких технологий, которые позволили бы создать

новые сорта, породы и виды растений, животных и водных биоресурсов, наиболее устойчивые к климатическим изменениям, сохраняющие биоразнообразие, но в то же время ценные по своим пищевым и продуктивным показателям.

Биотехнологии в сельском хозяйстве – направление развития сельскохозяйственных инновационных систем¹⁹. ГМ-технологии признаны высокими. Человечество уже не может обойтись без генетически модифицированных организмов (ГМО). Но при этом споры о пользе и вреде генетически модифицированной сельскохозяйственной продукции не умолкают. На первый взгляд, государства стремятся к увеличению производства органической и сельскохозяйственной продукции с улучшенными характеристиками, поэтому ГМО-культуры в течение последних двадцати лет теряют свои позиции, несмотря на то, что «из 1,5 млрд га мировых пахотных земель посевами ГМ-растений было занято 181,5 млн га (12,1 %) в 28 странах мира»²⁰. Но можно наблюдать и иную картину. Так, в ЕС сокращаются площади, занятые ГМ-культурами, хотя именно там «достигнуто предварительное соглашение, касающееся выращивания и реализации генетически модифицированных культур»²¹. Разрешение на оборот ГМ-культур будут выдать страны ЕС, а не сами производители, как было раньше. Из европейских стран только Испания, Португалия, Чехия, Румыния и Словакия продолжают выращивать генномодифицированные сельскохозяйственные растения. Из всех сельскохозяйственных товаропроизводителей ГМ-культур Европа занимает последнее место. Ее опережает Азия, на территории которой произрастает 11 % мировых ГМ-культур²². Как уже отмечалось ранее, производство генно-модифицированной сельскохозяйственной продукции может быть опасным как для здоровья нынешних и будущих поколений, так и для окружающей среды, поэтому модель правового регулирования производства ГМО должна предусматривать комплекс мер, в том числе и экологического характера, направленных на минимизацию рисков. Нами сформулировано несколько принципов, которые могут быть положены в основу правового регулирования экологизации сельскохозяйственной деятельности с использованием ГМ-технологий: презумпция потенциальной экологической опасности планируемой сельскохозяйственной деятельности; обязательность стратегической экологической оценки; предосторожность; учет экологиче-

ских факторов при стратегическом планировании сельскохозяйственной деятельности; обеспечение биологической безопасности; сохранение биоразнообразия; императивность норм международного экологического законодательства²³.

Не стоит забывать, что и традиционное сельское хозяйство также опасно для окружающей среды. Применение минеральных удобрений, обработка посевов химическими средствами защиты растений, интенсивное возделывание почвы, глубокая вспашка приводят к увеличению эрозийных почв, уменьшению видового разнообразия фауны и флоры, унификации агроландшафтов, загрязнению окружающей среды пестицидами и агрохимикатами. В силу этого последние три десятилетия международное сообщество ведет речь об устойчивом развитии, составной частью которого является и зеленая экономика, концептуальное построение которой основывается на базовых началах справедливости, уважения достоинства, предосторожности, участия и информированности общественности, устойчивости, эффективности, связи между поколениями²⁴. Очевидна потребность во внедрении и модели зеленого сельского хозяйства²⁵.

Совершенно справедливо исследователи отмечают, что ЕС – лидер по построению зеленого сельского хозяйства. В 2012 г. там была разработана стратегия «Инновационность для устойчивого развития: биоэкономика для Европы» и утвержден план действий по ее реализации. Цель стратегии – «формирование инновационной экономики, в рамках которой предполагается устойчивое развитие сельского и рыбного хозяйства, продовольственная безопасность региона, а также эффективное использование возобновляемых энерго-ресурсов для промышленной и сельскохозяйственной деятельности при одновременном поддержании естественных природных ландшафтов и биоразнообразия. Основными задачами при реализации плана выступали: 1) инвестиции в научные исследования и инновации, повышение квалификации персонала за счет национальных фондов и фондов ЕС в целях развития биоэкономики; 2) формирование новых рынков и обеспечение конкурентоспособности различных секторов экономики, включая сельское хозяйство, в том числе за счет интенсификации производства, основанного на внедрении экологических инновационных технологий, использования биомассы, пищевых и промышленных отходов в качестве вторичного

сырья»²⁶. Аграрная политика ЕС предусматривает «увеличение поддержки малого и среднего бизнеса в сельской местности как фактора стимулирования местной экономики, при этом тем фермерам, которые будут активно проводить мероприятия по сохранению естественных ландшафтов, качества почвы и воды, биоразнообразия на территориях, вовлеченных в сельскохозяйственный оборот, предусмотрено выделение дополнительных выплат в размере 30 % от положенных прямых выплат»²⁷. Осуществляется государственная поддержка и производства местной сельскохозяйственной продукции, приспособленной к существующим погодно-климатическим условиям. Как отмечает М. А. Шеламова, «применять экологический подход к аграрной деятельности легче на малых и средних предприятиях, основываясь на грамотном управлении природными ресурсами, на знании местного сельского хозяйства и применении как традиционных, так и современных методов, наиболее подходящих для конкретных почвенно-климатических условий»²⁸. Кроме того, в документах ЕС предлагается исключить ГМ-культуры, монокультуры, сократить применение химических удобрений, сохранять природные ландшафты.

Некоторые азиатские страны также внедряют элементы зеленой экономики. В Южной Корее, например, поставлены задачи сохранения объема производительной экономической деятельности при минимизации использования невозобновляемых энергетических и других ресурсов, снижения антропогенной нагрузки на окружающую среду.

Япония приняла Программу действий низкоуглеродного общества, взяв на себя обязательство достичь низкого уровня выбросов углерода в качестве направления и цели развития на долгосрочную перспективу. Это позволит сократить объем выбросов в атмосферу парниковых газов, образующихся в том числе и в результате сельскохозяйственной деятельности. В этой стране действует Базовый закон о продовольственном просвещении (№ 63), отдельные положения которого направлены на регулирование производства органической продукции и обеспечение безопасности сельскохозяйственной продукции²⁹. Вопросы обеспечения продовольственной безопасности регламентированы Стратегией обеспечения комплексной безопасности (1980)³⁰. Основными видами сельскохозяйственной деятельности в Японии являются рыболовство и аквакультура.

В Китае низкоуглеродная экономика – основная стратегическая задача. Планируются инвестиции в три сферы: переработку отходов, использование зеленых технологий, возобновляемые источники энергии. Это актуально и для сельского хозяйства. В КНР осуществляется многоотраслевая сельскохозяйственная деятельность, но основным видом является рыболовство. Последние три десятилетия КНР – лидер в данной области, а также в аквакультуре. Увеличение объема выловленных водных биоресурсов привело к тому, что их запасы истощились, поэтому на отдельных реках введен мораторий на вылов рыбы (например, с 1 января 2020 г. на 10 лет на реке Янцзы³¹). Данная мера направлена на решение экологических проблем крупнейших рек.

Между тем далеко не все азиатские страны переходят на экологическую модель ведения сельского хозяйства. Например, во Вьетнаме по-прежнему показатели сельскохозяйственной деятельности зависят от использования химических веществ, что приводит к загрязнению почв, вод, атмосферного воздуха, в аквакультуре и животноводстве широко используются антибиотики, практикуется хищническая вырубка лесов. Ситуация осложняется климатическими изменениями. При этом на государственном уровне экологический вред от сельскохозяйственной деятельности³² отрицается.

Аналогичная ситуация с применением химических удобрений складывается и в иных странах субрегиона Большого Меконга (Камбоджа, Лаос, Мьянма, Таиланд, Гуанси-Чжуанский автономный округ и провинция Юньнань (КНР))³³, что приводит к ухудшению экологии.

Таким образом, по сравнению со странами Европы, в Азии процессы экологизации сельскохозяйственной деятельности замедлены или не идут вовсе, экономические интересы преобладают над экологическими.

Важнейшую роль в экологизации сельского хозяйства играют цифровые технологии³⁴. Среди инструментов цифрового сельского хозяйства можно назвать беспроводную скоростную передачу данных через широкополосный доступ к сети Интернет, удаленное управление воздушной и наземной агротехникой и робототехникой, обработку больших данных, спутниковую навигацию, электронную картографию, цифровой мониторинг и обработку земель и др.³⁵

В заключение можно сделать несколько выводов.

1. Экологизация сельскохозяйственной деятельности и обеспечение безопасности сельскохозяйственной продукции в контексте национальной продовольственной безопасности должна быть признана направлением государственной политики, основанной на достижении ЦУР – 2030. При определении государственной политики необходимо учитывать риски, связанные с современными экологическими проблемами, в частности климатические изменения.

2. Решение экологических проблем требует перехода к модели зеленой экономики, в том числе и в сфере сельского хозяйства. Такую модернизацию сельского хозяйства можно наблюдать в большинстве европейских и развитых азиатских государствах. Но в отдельных странах Азии по-прежнему применяется устаревшая модель ведения сельского хозяйства, что приводит к существенному загрязнению окружающей среды.

3. Экологизация сельского хозяйства и обеспечение безопасности сельскохозяйственной и пищевой продукции должны признаваться целью всех интеграционных сообществ, поскольку интеграция позволяет объединить усилия и ресурсы.

4. Необходимо более активное внедрение цифровых технологий, позволяющих минимизировать причиняемый экологический вред, что требует значительных инвестиций как от государства, так и от частного бизнеса, поэтому возможен механизм государственно-частного партнерства.

5. Правовое регулирование экологизации сельского хозяйства носит полисистемный характер, в силу того что охватывается нормами как аграрного (продовольственного) права, так и права об охране окружающей среды. Поэтому модель правового регулирования в рассматриваемой сфере общественных отношений представляет собой систему политико-правовых (стратегических) и нормативных правовых актов, предусматривающих обеспечение продовольственной безопасности и достижение показателей продовольственной независимости, исходя не только из объема продовольствия, но и его безопасности как для здоровья человека, так и для окружающей среды.

6. Применение инновационных технологий в сельскохозяйственной деятельности, в том числе и геномных, требует совместных научных исследований.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/> (дата обращения: 30.08.2021).
- ² Михайлов В. М., Яковлев А. Ю. Осуществление регионального протекционизма в аквакультуре в зарубежных странах // Упр. 2020. Т. 8, № 3. С. 68.
- ³ Михайлушкин П. В., Баранников А. А. Современные приоритеты аграрной политики развитых стран мира // Науч. журн КубГАУ. 2013. № 90 (6). URL: <http://ej.kubagro.ru/2013/06/pdf/06.pdf> 1 (дата обращения: 30.08.2021).
- ⁴ Там же.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Кормишкина Л. А., Кормишкин Е. Д., Семенова Н. Н. Роль Европейского Союза в обеспечении глобальной продовольственной безопасности // Фундамент. исследования. 2015. № 11. С. 168.
- ⁷ Там же. С. 169.
- ⁸ Ревенко Л., Пантелеева О., Исаченко Т. Вопросы обеспечения продовольственной безопасности в Европе // Современ. Европа. 2019. № 2. С. 137.
- ⁹ Воронина Н. П. Правовая модель кооперативов «нового типа» в странах Центральной и Восточной Европы // Право и политика. 2013. № 11. С. 1557–1569.
- ¹⁰ Михайлушкин П. В., Баранников А. А. Современные приоритеты аграрной политики развитых стран мира.
- ¹¹ Доклад ФАО «Состояние мирового рыболовства и аквакультуры. Меры по повышению устойчивости». URL: <https://doi.org/10.4060/ca9229ru> (дата обращения: 10.01.2021).
- ¹² Козлов А. И., Козлова Т. В., Бубырь И. В., Демчук А. Э. Некоторые аспекты развития аквакультуры. С. 140. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-aspekty-razvitiya-akvakultury> (дата обращения: 10.01.2021).
- ¹³ Богачев А. И. Роль рыболовства и аквакультуры в обеспечении продовольственной безопасности: мировой аспект // Вестн. сельск. развития и соц. политики. 2017. № 4 (16). С. 3.
- ¹⁴ Михайлов В. М., Яковлев А. Ю. Осуществление регионального протекционизма в аквакультуре в зарубежных странах. С. 64.
- ¹⁵ Костюнина Г. М. АСЕАН: достижение целей устойчивого развития и экологическое сотрудничество // Россия и Азия. 2019. № 3. С. 47.
- ¹⁶ Голубков М. А. Концепция продовольственной безопасности АСЕАН в условиях процесса формирования Экономического сообщества // Рос. внешнеэконом. вестн. 2016. № 4. С. 12.
- ¹⁷ Там же. С. 18–19.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Дерюгина И. В. XXI век. Инновационные подходы к развитию сельского хозяйства в странах Востока // Восточн. аналитика. 2017. № 1-2. С. 31.
- ²⁰ Викторов А. Г. Тенденции развития глобального рынка трансгенных растений и проблемы экологической безопасности // Физиология растений. 2016. Т. 63, № 1. С. 44.
- ²¹ Вартанова М. Л. Глобальные тренды продовольственной политики и их влияние на демографическое развитие // Эконом. отношения. 2019. Т. 9, № 4. С. 2880.
- ²² Викторов А. Г. Тенденции развития глобального рынка трансгенных растений и проблемы экологической безопасности. С. 48–49.
- ²³ Воронина Н. П. Применение биотехнологий в сельском хозяйстве: законодательные и правоприменительные проблемы // Право и экономика: стратегии регионального развития : сб. материалов I Регион. форума с междунар. участием (23–24 марта 2021 г.) / сост. Ю. А. Пеганова. Вологда, 2021. С. 142–151; Voronina N. P. Ensuring Environmental Safety of the Arctic Region: The Case of Genomic Technologies. URL: https://www.researchgate.net/publication/349627298_Ensuring_Environmental_Safety_of_the_Arctic_Region_The_Case_of_Genomic_Technologies (дата обращения: 30.08.2021).
- ²⁴ Шеламова Н. А. Современные мировые тенденции развития сельского хозяйства на основе его «экологизации» // Учен. зап. Тамбов. регион. отд-ния Волын. эконом. общества России. 2014. Т. 15, № 1-2. С. 45.
- ²⁵ Voronina N. P., Znor Zh. P. Legal regulation of green agriculture in Russia: current state and prospects of development. URL: https://www.researchgate.net/publication/349627298_Ensuring_Environmental_Safety_of_the_Arctic_Region_The_Case_of_Genomic_Technologies (дата обращения: 30.08.2021).
- ²⁶ Шеламова Н. А. Современные мировые тенденции развития сельского хозяйства на основе его «экологизации». С. 45–46.
- ²⁷ Там же. С. 46.
- ²⁸ Там же. С. 47.
- ²⁹ Кобец П. Н. Зарубежный опыт совершенствования обеспечения продовольственной безопасности как одной из важнейших основ обеспечения национальной безопасности государства (на примере Японии) // Нац. безопасность и стратег. планирование. 2021. № 2. С. 18.
- ³⁰ Кравченко А. А., Сергеева О. О. Состояние продовольственной безопасности Южной Кореи, Китая, Японии // Соц.-эконом. науки и гуманитар. исследования. 2015. № 7. С. 36.
- ³¹ Чунина А. Е., Синицина Д. Г., Коноплева В. С. Современные тенденции развития рыбопромышленного комплекса в России и за рубежом // Современная наука: от теории к практике : моногр. Пенза, 2020. С. 137–138.
- ³² Бурова Е. С. Аграрный сектор Вьетнама на перепутье дорог: достижения, проблемы и перспективы // Независимый Вьетнам: национальные интересы и ценности : сб. ст. М., 2021. С. 111–112.
- ³³ Она же. Интеграционные процессы и развитие аграрного сектора стран субрегиона Большого Меконга // Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2020. Т. 22, № 2. С. 48.
- ³⁴ Воронина Н. П. Цифровое сельское хозяйство России: направления совершенствования правового регулирования // Jus publicum et privatum. 2020. № 4. С. 18–21; Voronina N. P., Znor Zh. P. Digitalization of agriculture: problems of legal support // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS. 2019. Vol. 79. Pp. 948–953.
- ³⁵ Шабалина Л. В., Щербина А. Ю. К вопросу об использовании цифровых технологий в обеспечении продовольственной безопасности и борьбе с бедностью в мире // Современная мировая экономика: вызовы и реальность : сб. материалов III Междунар. науч.-практ. конф. Донецк, 2020. С. 190.

¹ URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/> (дата обращения: 30.08.2021).

² Mihajlov V. M., Yakovlev A. Yu. Osushchestvlenie regional'nogo protekcionizma v akvakul'ture v zarubezhnykh stranah // Upr. 2020. Т. 8, № 3. С. 68.

³ Mihajlushkin P. V., Barannikov A. A. Sovremennye prioritety agrarnoy politiki razvitykh stran mira // Nauch. zhurn KubGAU. 2013. № 90 (6). URL: <http://ej.kubagro.ru/2013/06/pdf/06.pdf> 1 (дата обращения: 30.08.2021).

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Kormishkina L. A., Kormishkin E. D., Semenova N. N. Rol' Evropejskogo Soyuza v obespechenii global'noj prodovol'stvennoj bezopasnosti // *Fundament. issledovaniya*. 2015. № 11. S. 168.

⁷ Там же. S. 169.

⁸ Revenko L., Panteleeva O., Isachenko T. Voprosy obespecheniya prodovol'stvennoj bezopasnosti v Evrope // *Sovremen. Evropa*. 2019. № 2. S. 137.

⁹ Voronina N. P. Pravovaya model' kooperativov «novogo tipa» v stranah Central'noj i Vostochnoj Evropy // *Pravo i politika*. 2013. № 11. S. 1557–1569.

¹⁰ Mihajlushkin P. V., Barannikov A. A. Sovremennye priority agrarnoj politiki razvityh stran mira.

¹¹ Doklad FAO «Costoyanie mirovogo rybolovstva i akvakul'tury. Mery po povysheniyu ustojchivosti». URL: <https://doi.org/10.4060/ca9229ru> (data obrashcheniya: 10.01.2021).

¹² Kozlov A. I., Kozlova T. V., Bubyr' I. V., Demchuk A. E. Nekotorye aspekty razvitiya akvakul'tury. S. 140. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-aspekty-razvitiya-akvakul'tury> (data obrashcheniya: 10.01.2021).

¹³ Bogachev A. I. Rol' rybolovstva i akvakul'tury v obespechenii prodovol'stvennoj bezopasnosti: mirovoj aspekt // *Vestn. sel'sk. razvitiya i soc. politiki*. 2017. № 4 (16). S. 3.

¹⁴ Mihajlov V. M., Yakovlev A. YU. Osushchestvlenie regional'nogo protekcionizma v akvakul'ture v zarubezhnyh stranah. S. 64.

¹⁵ Kostyunina G. M. ASEAN: dostizhenie celej ustojchivogo razvitiya i ekologicheskoe sotrudnichestvo // *Rossiya i Aziya*. 2019. № 3. S. 47.

¹⁶ Golubkov M. A. Konceptiya prodovol'stvennoj bezopasnosti ASEAN v usloviyah processa formirovaniya Ekonomicheskogo soobshchestva // *Ros. vneshneekonom. vestn.* 2016. № 4. S. 12.

¹⁷ Там же. S. 18–19.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Deryugina I. V. XXI vek. Innovacionnye podhody k razvitiyu sel'skogo hozyajstva v stranah Vostoka // *Vostochn. analitika*. 2017. № 1-2. S. 31.

²⁰ Viktorov A. G. Tendencii razvitiya global'nogo rynka transgennyh rastenij i problemy ekologicheskoy bezopasnosti // *Fiziologiya rastenij*. 2016. T. 63, № 1. S. 44.

²¹ Vartanova M. L. Global'nye trendy prodovol'stvennoj politiki i ih vliyanie na demograficheskoe razvitie // *Ekonom. otnosheniya*. 2019. T. 9, № 4. S. 2880.

²² Viktorov A. G. Tendencii razvitiya global'nogo rynka transgennyh rastenij i problemy ekologicheskoy bezopasnosti. S. 48–49.

²³ Voronina N. P. Primenenie biotekhnologij v sel'skom hozyajstve: zakonodatel'nye i pravoprimeritel'nye problemy // *Pravo i ekonomika: strategii regional'nogo razvitiya* : sb. materialov I Region. foruma s mezhdunar. uchastiem (23–24 marta 2021 g.) / sost. YU. A. Peganova. Vologda, 2021. S. 142–151; Voronina N. P. Ensuring Environmental Safety of the Arctic Region: The Case of Genomic Technologies. URL: https://www.researchgate.net/publication/349627298_Ensuring_Environmental_Safety_of_the_Arctic_Region_The_Case_of_Genomic_Technologies (data obrashcheniya: 30.08.2021).

²⁴ SHelamova N. A. Sovremennye mirovyje tendencii razvitiya sel'skogo hozyajstva na osnove ego «ekologizacii» // *Uchen. zap. Tambov. region. otd-niya Vol'n. ekonom. obshchestva Rossii*. 2014. T. 15, № 1-2. S. 45.

²⁵ Voronina N. P., Znorzh Zh. P. Legal regulation of green agriculture in Russia: current state and prospects of development. URL: https://www.researchgate.net/publication/349627298_Ensuring_Environmental_Safety_of_the_Arctic_Region_The_Case_of_Genomic_Technologies (data obrashcheniya: 30.08.2021).

²⁶ SHelamova N. A. Sovremennye mirovyje tendencii razvitiya sel'skogo hozyajstva na osnove ego «ekologizacii». S. 45–46.

²⁷ Там же. S. 46.

²⁸ Там же. S. 47.

²⁹ Kobec P. N. Zarubezhnyj opyt sovershenstvovaniya obespecheniya prodovol'stvennoj bezopasnosti kak odnoj iz vazhnejshih osnov obespecheniya nacional'noj bezopasnosti gosudarstva (na primere Yaponii) // *Nac. bezopasnost' i strateg. planirovanie*. 2021. № 2. S. 18.

³⁰ Kravchenko A. A., Sergeeva O. O. Sostoyanie prodovol'stvennoj bezopasnosti YUzhnoj Korei, Kitaya, Yaponii // *Soc.-ekonom. nauki i gumanitar. issledovaniya*. 2015. № 7. S. 36.

³¹ CHunina A. E., Sinicina D. G., Konopleva V. S. Sovremennye tendencii razvitiya rybopromyshlennogo kompleksa v Rossii i za rubezhom // *Sovremennaya nauka: ot teorii k praktike* : monogr. Penza, 2020. S. 137–138.

³² Burova E. S. Agrarnyj sektor V'etnama na pereput'e dorog: dostizheniya, problemy i perspektivy // *Nezavisimyj V'etnam: nacional'nye interesy i cennosti* : sb. st. M., 2021. S. 111–112.

³³ Ona zhe. Integracionnye processy i razvitie agrarnogo sektora stran subregiona Bol'shogo Mekonga // *Aziatsko-tihookeanskij region: ekonomika, politika, pravo*. 2020. T. 22, № 2. S. 48.

³⁴ Voronina N. P. Cifrovoe sel'skoe hozyajstvo Rossii: napravleniya sovershenstvovaniya pravovogo regulirovaniya // *Jus publicum et privatum*. 2020. № 4. S. 18–21; Voronina N. P., Znorzh Zh. P. Digitalization of agriculture: problems of legal support // *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS*. 2019. Vol. 79. Pp. 948–953.

³⁵ SHabalina L. V., SHCHerbina A. YU. K voprosu ob ispol'zovanii cifrovyyh tekhnologij v obespechenii prodovol'stvennoj bezopasnosti i bor'be s bednost'yu v mire // *Sovremennaya mirovaya ekonomika: vyzovy i real'nost'* : sb. materialov III Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Doneck, 2020. S. 190.

Статья поступила 24.11.2021

DOI 10.46741/2713-2811-2021-5-32-34

УДК 343

Становление и развитие института приготовления к преступлению в российском уголовном праве

Э. Г. АГАСИЕВ – заместитель прокурора г. Череповца, доцент кафедры социальных коммуникаций и медиа Череповецкого государственного университета

В статье проводится детальный анализ становления и развития института приготовления к преступлению в России. Автор приходит к выводу, что развитие законодательства о приготовлении к преступлению охватывает следующие пять основных этапов (периодов): 1) X–XVIII вв.; 2) 1845–1921 гг.; 3) 1922–1959 гг.; 4) 1960–1995 гг.; 5) 1996 г. – настоящее время.

Ключевые слова: уголовное законодательство; приготовление к преступлению; уголовная ответственность; наказание за неоконченные преступления; история развития уголовного законодательства.

12.00.08 – Уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право.

Для цитирования: Агасиев Э. Г. Становление и развитие института приготовления к преступлению в российском уголовном праве. *Ius publicum et privatum: семейной научно-практический журнал частного и публичного права*, 2021, № 5 (15), с. 32–34, DOI 10.46741/2713-2811-2021-5-32-34.

Formation and development of the institution of preparation for a crime in Russian criminal law

E. G. AGASIEV – Deputy Prosecutor of Cherepovets, Associate Professor of the Department of Social Communications and Media of the Cherepovets State University

The author has carried out a detailed analysis of the formation and development of the domestic institution of preparation for a crime. Based on the results of the analysis it was concluded that the development of legislation on preparation for a crime is inextricably linked with the following five main stages (periods): 1) X–XVIII centuries; 2) 1845–1921; 3) 1922–1959; 4) 1960–1995; 5) 1996 – up to the present.

Key words: criminal legislation; preparation for a crime; criminal liability; punishment for unfinished crimes; the history of the development of criminal legislation.

12.00.08 – Criminal law and criminology, penal law.

For citation: Agasiev E. G. Formation and development of the institution of preparation for a crime in Russian criminal law. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2021, no. 5 (15), pp. 32–34, DOI 10.46741/2713-2811-2021-5-32-34.

Несмотря на то что УК РФ был принят в 1996 г., в него уже неоднократно вносились изменения. При этом нормы УК РФ, посвященные институту неоконченного преступления (гл. 6 УК РФ), не подвергались пересмотру и не дополнялись на всем протяжении действия российского уголовного закона. В этой связи может показаться, что данные нормы (по мнению законодателя и правоприменителя) являются эффективны-

ми, стабильными и продуманными, однако ситуация обстоит прямо противоположным образом. Проведенный анализ судебной практики по рассматриваемой категории дел показал, что в части квалификации приготовительных действий накопилось значительное число проблем, связанных в том числе с отсутствием понимания сущности приготовления, критериев разграничения приготовления и покушения и других аспек-

тов анализируемой темы. Не в полной мере используются возможности института неоконченного преступления при реализации курса на гуманизацию уголовно-правовой политики. О сложившейся в этой сфере обстановке свидетельствуют и статистические данные.

Так, за последние десять лет в общем числе зарегистрированных преступлений на преступления, оконченные на стадии приготовления и покушения, приходится не более 4 % (более 5 % наблюдается в 2011, 2014 и 2015 гг.)¹. Научного обоснования такой динамики не дается, однако ежегодно на данной стадии пресекается от 87 тыс. до 112 тыс. преступлений. При этом хотелось бы обратить внимание на то, что рост зарегистрированных приготовлений к совершению преступлений возник в связи сформировавшейся практикой квалификации действий по преступлениям в сфере незаконного оборота наркотиков.

До настоящего времени остается малоисследованным вопрос соотношения нормы Общей части УК РФ о приготовлении к преступлению (ч. 1 ст. 30) с соответствующими усеченными составами Особенной части УК РФ. Так, некоторые преступления против общественной безопасности (ст. 205–205.5, 208–210 УК РФ) считаются в силу особого конструирования норм Особенной части оконченными в момент совершения действий, которые с позиции норм Общей части можно рассматривать как приготовление к преступлению. При этом норма ч. 1 ст. 30 УК РФ при квалификации действий (бездействий) по перечисленным статьям Особенной части не применяется.

Поднятые вопросы подтверждают необходимость изучения института приготовления к преступлению. По нашему мнению, успешность их разрешения зависит от исследования исторических аспектов становления и развития института приготовления в российском уголовном праве.

Представляется, что развитие законодательства о приготовлении к преступлению условно можно разделить на следующие этапы (периоды):

1. X–XVIII вв. Анализ законодательных актов рассматриваемого периода, прежде всего древнерусских памятников права, Русской Правды², позволяет заключить, что на данном этапе впервые обозначилось стремление законодателя к назначению наказания за умысел, приготовление и покушение на преступное деяние. Конечно, сложно было закрепить указанные право-

вые институты в нормативных правовых актах того времени ввиду несовершенства юридической техники, однако обнаружение умысла и неоконченные деяния рассматривались как оконченные составы и подлежали наказанию, причем без проведения дифференциации ответственности. В результате этого покушение, являющееся неоконченным преступлением, по санкции приравнивалось к оконченному преступлению.

2. 1845–1922 гг. С принятием Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.³ на законодательном уровне было регламентировано понятие приготовления к преступлению, а также стала проводиться дифференциация ответственности за неоконченное преступление. Приготовление, в отличие от покушения на преступление, не являлось, по общему правилу, уголовно наказуемым. Ответственность за него наступала в особо предусмотренных случаях. Таким образом, законодатель рассматриваемого периода не только установил виды неоконченного преступления (приготовление и покушение), но и определил степень наказания в зависимости от отдаленности от оконченного преступления. Так, за приготовление к преступлению было установлено более мягкое наказание, чем за покушение на преступление.

3. 1922–1959 гг. Данный период связан с экспериментами законодателя в области регламентации приготовления к преступлению. Так, по УК РСФСР 1922 г.⁴ к уголовной ответственности можно было привлечь только за покушение на преступление, а за приготовление наказывали в том случае, если оно являлось самостоятельным преступлением (самим по себе наказуемым действием). В соответствии с УК РСФСР 1926 г. приготовление и покушение на преступление не разграничивались и не противопоставлялись друг другу. Согласно ст. 19 УК РСФСР приготовление к преступлению «преследуется так же, как совершенное преступление»⁵. Иными словами, наказание за приготовление к преступлению назначалось, как и за данный вид преступления. Советский закон не содержал указаний на обязательность смягчения наказания за приготовление по сравнению с наказуемостью оконченного преступления и устанавливал принцип факультативного смягчения наказания за неоконченную преступную деятельность.

4. 1960–1995 гг. Данный период характеризуется тем, что соответствующие нормы содержались в двух статьях Уголовного кодекса 1960 г. (ст. 15, 16), где раскрывалось

понятие приготовления к преступлению, определялась наказуемость таких деяний. Законодатель серьезно доработал норму о приготовлении к преступлению за счет указания на умышленное создание условий при приготовлении к преступлению. При назначении наказания суду необходимо было учитывать характер и степень общественной опасности действий, совершенных виновным, степень осуществления преступного намерения и причины, в силу которых преступление не было доведено до конца.

5. 1996 г. – настоящее время. Текущий этап ознаменован введением в УК РФ 1996 г. целой главы, посвященной неоконченному преступлению, в которой содержится

ся понятие приготовления к преступлению, а также определены правила квалификации и условия наступления уголовной ответственности.

Важно отметить, что выделенные периоды наглядно иллюстрируют поиск законодателем оптимального способа изложения уголовного законодательства, посвященного нормам о приготовлении к преступлению. Этапы развития рассматриваемого института, как правило, связаны с определенными вехами в формировании законодателем концепции приготовления к преступлению и принятием крупных нормативно-правовых актов, регламентирующих соответствующие общественные отношения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: URL: <https://мвд.рф/reports/item/23447482/> (дата обращения: 19.03.2021).

² Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. Т. 1 / под общ. ред. О. И. Чистякова. М., 2014.

³ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных / под ред. М. М. Сперанского. СПб., 1845.

⁴ Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917–1952 гг. М., 1953. С. 110.

⁵ Чернокозинская С. В. Приготовление к преступлению: понятие, основание и принципы криминализации, влияние на квалификацию преступления и наказание : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005. С. 35–36.

¹ См.: URL: <https://мвд.рф/reports/item/23447482/> (дата обращения: 19.03.2021).

² Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov : v 9 t. T. 1 / pod obshch. red. O. I. Chistyakova. M., 2014.

³ Ulozhenie o nakazaniyah ugovolnyh i ispravitel'nyh / pod red. M. M. Speranskogo. SPb., 1845.

⁴ Sbornik dokumentov po istorii ugovolnogo zakonodatel'stva SSSR i RSFSR 1917–1952 gg. M., 1953. S. 110.

⁵ Chernokozinskaya S. V. Prigotovlenie k prestupleniyu: ponyatie, osnovanie i principy kriminalizacii, vliyanie na kvalifikaciyu prestupleniya i nakazanie : dis. ... kand. yurid. nauk. Saratov, 2005. S. 35–36.

Статья поступила 10.12.2021

О некоторых проблемах применения ст. 72 УК РФ и возможных путях их решения

С. Н. БЕЛОВА – начальник организационно-научного отдела
ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук

Ю. Н. СТРОГОВИЧ – старший научный сотрудник НИЦ-1 Научно-
исследовательского института ФСИН России;

В статье на основе анализа отдельных норм законодательства в сфере уголовной юстиции рассматриваются причины, вызывающие неоднозначное и противоречивое применение положений ст. 72 Уголовного кодекса Российской Федерации о зачете в срок лишения свободы времени содержания под стражей в иностранных государствах лиц, выданных в Российскую Федерацию для уголовного преследования или исполнения приговора. Авторами сформулированы меры по решению данной проблемы.

Ключевые слова: правоприменение; законодательство; экстрадиция; наказание; содержание под стражей; зачет срока.

12.00.08 – Уголовное право и криминалистика, уголовно-исполнительное право.

Для цитирования: Белова, С. Н., Строгович, Ю. Н. О некоторых проблемах применения ст. 72 УК РФ и возможных путях их решения. *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*, 2021, № 5 (15), с. 35–40, DOI 10.46741/2713-2811-2021-5-35-40.

On some problems in the application of Art. 72 of the Criminal Code of the Russian Federation and possible ways of solving them

S. N. BELOVA – Head of the Organizational and Scientific Department
of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary
Service of Russia, PhD. of Law

Yu. N. STROGOVICH – Senior Researcher of the Research Center-1
of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia;

Based on the analysis of certain provisions of the legislation in the field of criminal justice, the article examines the reasons for the ambiguous and contradictory application of the provisions of Art. 72 of the Criminal Code of the Russian Federation on offsetting into the term of imprisonment the time of detention in foreign states of persons extradited to the Russian Federation for criminal prosecution or execution of a sentence. The authors formulated measures to solve this problem.

Key words: law enforcement; legislation; extradition; punishment; detention; offset of the term.

12.00.08 – Criminal law and forensics, penal law.

For citation: Belova, S. N., Strogovich, Yu. N. About some problems in the application of Art. 72 of the Criminal Code of the Russian Federation and possible ways of solving them. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2021, no. 5 (15), pp. 35–40, DOI 10.46741/2713-2811-2021-5-35-40.

Настоящая статья подготовлена на основе результатов исследования проблем, возникающих в процессе применения положений уголовного и уголовно-процессуального законодательства при зачете в срок лишения свободы времени содержания под стражей в иностранных государствах лиц, выданных в Российскую Федерацию для уголовного преследования или исполнения приговора.

Проблема состоит в отсутствии определенности в правовом регулировании порядка зачета времени содержания под стражей в иностранных государствах лиц, выданных в Российскую Федерацию для уголовного преследования или исполнения приговора, в срок лишения свободы. В дальнейшем, говоря о выдаче лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, наряду с термином «выдача» будем использовать термин «экстрадиция».

Вопросы, касающиеся зачета в срок лишения свободы времени содержания под стражей, в том числе при экстрадиции, регулируются нормами УК РФ и УПК РФ.

Так, в ст. 12 УК РФ очерчен круг лиц, совершивших преступление за пределами Российской Федерации и подлежащих уголовной ответственности по российскому уголовному законодательству, в отношении которых Россия вправе требовать выдачи от иностранного государства, где они пребывают, а в ст. 72 УК РФ определены правила исчисления срока наказания и зачета в этот срок времени содержания под стражей.

Статья 109 УПК РФ регламентирует вопросы, связанные со сроками содержания под стражей. Так, в частности, в срок содержания под стражей засчитывается время, в течение которого лицо содержалось под стражей на территории иностранного государства по запросу об оказании правовой помощи или о выдаче его Российской Федерации. Следует сказать, что аналогичное положение содержится также в ряде международно-правовых актов и двухсторонних международных договоров. Статья 128 УПК РФ определяет общие правила, связанные с исчислением процессуальных сроков, включая и сроки содержания под стражей.

Отметим, что Россия вправе требовать от иностранного государства выдачи ей лиц из числа российских граждан и иностранцев, обвиняемых в совершении преступления на территории Российской Федерации или осужденных судами Российской Федерации к лишению свободы и скрывшихся

от уголовного преследования или отбывания наказания на территории иностранного государства. Основные положения, касающиеся вопросов выдачи лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, закреплены в ст. 460 УПК РФ, которой, в частности, предусмотрено, что в числе документов, прилагаемых к запросу о выдаче для уголовного преследования, должна быть заверенная копия постановления судьи об избрании в отношении экстрадируемого лица в качестве меры пресечения заключения под стражу.

Анализ правовых позиций, выраженных Конституционным Судом Российской Федерации (далее – КС РФ) в своих немногочисленных решениях, позволяет констатировать, что вопрос о правилах зачета времени содержания под стражей в срок наказания, не будучи конституционно значимым, относится к прерогативе федерального законодателя и может решаться им по-разному в зависимости от конкретных условий, существующих на данном временном отрезке (в первую очередь в зависимости от условий содержания под стражей в местах принудительного содержания – исправительных учреждениях и следственных изоляторах, их соответствия как общепризнанным нормам, так и друг другу). При этом законодатель, безусловно, не только ориентируется на требования к условиям содержания, исходя из общепризнанных принципов и норм международного права, положений ратифицированных Российской Федерацией международных договоров, но учитывает также и реальную ситуацию в стране в уголовно-правовой и экономической сферах, тенденции развития.

Также отметим, что исследуемая проблема не нашла специального отражения ни в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации (далее – ВС РФ), ни в судебных решениях по конкретным делам (были проанализированы не только решения ВС РФ, но и решения судов некоторых субъектов Российской Федерации).

Следует отметить, что вопрос о правильном и единообразном понимании того, каким образом следует определять период времени содержания экстрадированных лиц под стражей в иностранных государствах и, соответственно, исчислять его продолжительность, имеет первостепенное значение не только для представителей судебного корпуса, но и для должностных лиц следственных изоляторов. В частности, в соответствии с гл. IV «Заключительные положе-

ния» Федерального закона от 15.07.1995 № 103-ФЗ (ред. от 25.04.2021) «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» начальнику места содержания под стражей предписывается в зависимости от срока содержания лица под стражей либо уведомить орган или лицо, в производстве которых находится уголовное дело (а также прокурора), либо немедленно освободить содержащегося под стражей своим постановлением.

Результаты анализа законодательства и судебной практики свидетельствуют о том, что правовое регулирование данного вопроса лишено определенности, что приводит к отсутствию единого подхода у правоприменителей.

Рассматриваемая проблема возникла сравнительно недавно – после вступления в силу 14 июля 2018 г. Федерального закона от 03.07.2018 № 186-ФЗ «О внесении изменений в ст. 72 Уголовного кодекса Российской Федерации».

Установленный до этого момента уголовным законодательством порядок предусматривал, что время содержания лица под стражей засчитывается в срок лишения свободы при назначении ему наказания из расчета один день за один день, и был определен для всех случаев содержания под стражей, независимо от того, содержалось ли лицо под стражей в Российской Федерации или за ее пределами (в одной или нескольких зарубежных странах). Напомним, что до вступления в силу УПК РФ (1 июля 2002 г.) зачет в срок наказания времени содержания лица под стражей на территории иностранного государства законодательством Союза ССР и Российской Федерации вообще не предусматривался.

В настоящий момент в силу изменений, внесенных в ст. 72 УК РФ, время содержания лица под стражей вплоть до вступления в законную силу приговора суда засчитывается в срок отбывания наказания в виде лишения свободы с применением повышенных коэффициентов кратности в зависимости от назначенного судом вида исправительного учреждения. Несмотря на то что в законе об этом прямо не сказано, очевидно, что эти новеллы касаются только тех случаев, когда речь идет о местах содержания под стражей, расположенных на территории Российской Федерации.

Действительно, поскольку в нашей стране условия содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении

преступлений по степени изоляции являются весьма строгими, во многом схожими с условиями содержания в тюрьмах, а по ряду иных показателей не соответствуют международным стандартам, цель внесения в уголовное законодательство указанных изменений состояла в том, чтобы до приведения в полном объеме условий содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых в соответствие с международными стандартами компенсировать хотя бы в определенной степени возникающие в связи с этим издержки и тем самым способствовать восстановлению прав и законных интересов лиц, осужденных к лишению свободы, которые были нарушены во время их содержания под стражей.

Иными словами, применение коэффициента кратности при зачете времени содержания под стражей в срок лишения свободы является вынужденной мерой компенсационного характера, реализуемой государством и предназначенной для определенного демпфирования отрицательных последствий невозможности в короткие сроки существенно улучшить условия содержания в местах содержания под стражей в России.

При этом данная компенсационная мера (кратность зачета) применяется и в случае выдачи иностранному государству иностранных граждан или лиц без гражданства, совершивших преступление за пределами Российской Федерации и находящихся на территории Российской Федерации, для уголовного преследования или отбывания наказания, что дополнительно свидетельствует о целенаправленной деятельности на законодательном уровне, осуществляемой Российской Федерацией в рамках своей ответственности за условия содержания подозреваемых и обвиняемых в местах содержания под стражей, находящихся в ее юрисдикции, в том числе выдаваемых из России иностранных граждан и лиц без гражданства.

Между тем в действующем законодательстве отсутствует указание на то, каким образом (с применением коэффициента кратности или из расчета один к одному) должен осуществляться зачет времени содержания под стражей экстрадируемого лица в иностранном государстве в срок лишения свободы.

Таким образом, можно констатировать наличие неопределенности в правовом регулировании, которая, без сомнения, должна быть устранена. Как известно, возмож-

ными путями преодоления последствий, связанных с неопределенностью правового регулирования, являются:

- устранение причины возникшей неопределенности, то есть изменение действующего законодательства путем исключения дефектов правовых конструкций и восполнения имеющихся пробелов в регулировании. Очевидно, что этот путь эффективен, надежен и непосредственно разрешает возникшую проблему;

- применение проблемных норм права на основе правовых позиций, выраженных КС РФ в своих решениях, когда судом оценивается как буквальное значение этих норм, так и смысл, придаваемый им официальным и иным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой;

- применение соответствующих норм с учетом разъяснений по вопросам судебной практики, которые Пленум ВС РФ дает судам по результатам анализа и обобщения судебной практики в целях обеспечения единообразного применения законодательства.

Очевидно, что наиболее рациональным способом устранения имеющейся правовой неопределенности выступает внесение необходимых изменений в действующее законодательство.

Перед тем как непосредственно перейти к предложениям по совершенствованию законодательства, обратим внимание на одно обстоятельство.

Согласно Положению о Федеральной службе исполнения наказаний, утвержденному Указом Президента Российской Федерации от 13.10.2004 № 1314 «Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний», к числу задач, решаемых ФСИН России, относится конвоирование граждан Российской Федерации и лиц без гражданства на территорию Российской Федерации в случае их экстрадиции.

Как известно, экстрадиция представляет собой достаточно сложный и длительный процесс (процедуру), который в его завершающей стадии применительно к рассматриваемой проблеме в целях определения продолжительности времени содержания под стражей можно условно разбить на три этапа:

- 1 этап – с момента задержания (взятия под стражу) подлежащего экстрадиции лица компетентными органами иностранного государства и до момента передачи его уполномоченному представителю Российской Федерации¹ (далее – уполномоченный

представитель), под которым мы будем понимать специально назначенный караул. Периоды времени, в течение которых лицо по тем или иным причинам освобождалось из-под стражи, не учитываются;

- 2 этап – с момента передачи на территории иностранного государства (в пограничном пункте аэропорта, железнодорожного вокзала или иного стационарного объекта транспортного сообщения государства выдачи) экстрадируемого лица представителями иностранного государства уполномоченному представителю и до момента прибытия на территорию Российской Федерации (прилета в аэропорт назначения при следовании воздушным транспортом или пересечения государственной сухопутной границы Российской Федерации при следовании иными видами транспорта). Данный этап не является обязательным, он возможен в случаях: 1) передачи экстрадируемого лица в пограничном пункте аэропорта или железнодорожного вокзала иностранного государства, 2) транзитной перевозки выданного лица по территории третьих стран железнодорожным или иным наземным транспортом;

- 3 этап – с момента либо передачи экстрадируемого лица уполномоченному представителю на пограничном переходе сухопутной границы Российской Федерации (когда отсутствует второй этап процесса экстрадиции), либо прибытия на территорию Российской Федерации (при наличии второго этапа процесса экстрадиции) и до передачи экстрадируемого лица уполномоченным представителем должностному лицу следственного изолятора (далее – СИЗО), в котором в дальнейшем это лицо будет содержаться.

Следует отметить, что в процессе конвоирования экстрадируемого лица с момента его приема уполномоченным представителем и до момента передачи в СИЗО (второй и третий этапы) указанное лицо, во-первых, находится под юрисдикцией Российской Федерации (даже пребывая при этом на территории иностранного государства, например, при транзитной перевозке) и, во-вторых, считается содержащимся под стражей на основании вынесенного ранее российским судом постановления. Поэтому представляется вполне обоснованным, что указанный период времени (суммарная продолжительность второго и третьего этапов) в любом случае следует засчитывать в срок лишения свободы по правилам, установленным нормами ст. 72 УК РФ в дей-

ствующей ныне редакции, то есть с применением соответствующих коэффициентов кратности.

Что касается вопроса о зачете в срок лишения свободы времени содержания под стражей в иностранном государстве экстрадированного лица (продолжительность первого этапа), то вполне обоснованно можно полагать, что в данном случае коэффициенты кратности не применимы и зачет времени следует осуществлять из расчета один к одному (день содержания под стражей за день лишения свободы).

Действительно, с момента задержания и заключения под стражу экстрадируемого лица на территории иностранного государства вплоть до его передачи уполномоченному представителю указанное лицо находится, по сути, под юрисдикцией иностранного государства. Следовательно, именно это государство несет полную ответственность за соблюдение установленных его национальным законодательством условий содержания под стражей, соответствие этих условий общепризнанным нормам международного права и международным стандартам и, как следствие, жизнь и здоровье содержащегося под стражей экстрадируемого лица.

При этом у Российской Федерации отсутствует обязанность каким-либо образом компенсировать лицам, выданным в Российскую Федерацию для уголовного преследования или исполнения приговора, вред, причиненный нарушениями, допущенными в их отношении неисполнением иностранным государством в должной мере своих международных обязательств, в том числе и по причине ненадлежащих условий содержания в местах принудительного содержания.

Такой подход исключает возможность необоснованного получения привилегий лицами, содержащимися под стражей на территории иностранных государств и выданными в Российскую Федерацию для уголовного преследования или исполнения приговора, согласуется с общеправовыми принципами справедливости и равенства всех перед законом и не нарушает сложившийся в сфере уголовной юстиции баланс публичных и частных интересов.

Таким образом, в целях устранения неопределенности правового регулирования предлагается внесение в УК РФ и УПК РФ изменений, содержащих:

– дополнение ст. 72 УК РФ новой ч. 3.4, предусматривающей, что *время содержания лица под стражей на территории иностран-*

ного государства по запросу об оказании правовой помощи или о выдаче его Российской Федерации до передачи его уполномоченному представителю федерального органа исполнительной власти, осуществляющему правоприменительные функции, функции по контролю и надзору в сфере исполнения уголовных наказаний в отношении осужденных, функции по содержанию лиц, подозреваемых либо обвиняемых в совершении преступлений, и подсудимых, находящихся под стражей, их охране и конвоированию, засчитывается в срок лишения свободы из расчета один день за один день;

– изменение наименования ст. 460 УПК РФ на «Запрос о выдаче лица, находящегося на территории иностранного государства» и дополнение этой статьи ч. 6: «Порядок исполнения решения иностранного государства о выдаче Российской Федерации на основании ее запроса лица для уголовного преследования или исполнения приговора определяется нормативным правовым актом, утверждаемым федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере исполнения уголовных наказаний, совместно со Следственным комитетом Российской Федерации и федеральными органами исполнительной власти, в состав которых входят органы предварительного следствия, по согласованию с Генеральной прокуратурой Российской Федерации».

Внесение в ст. 72 УК РФ вышеуказанных содержательных изменений потребует некоторых правок технического характера.

Дополнение ст. 460 УПК РФ ч. 6 предусматривает, что конкретизация порядка исполнения решения иностранного государства о выдаче Российской Федерации лица для уголовного преследования или исполнения приговора, то есть фактическая реализация процесса экстрадиции в Российскую Федерацию на ее завершающей стадии, предусматривающая осуществление определенных процедур, связанных с приемом экстрадируемого лица, оформлением соответствующих документов, в том числе позволяющих четко отграничить срок пребывания лица под стражей на территории иностранного государства от иных сроков содержания под стражей, осуществляется межведомственным нормативным правовым актом, согласованным с Генеральной прокуратурой Российской Федерации. Это позволит более детально регламентировать

отдельные процедурные вопросы, связанные с выдачей Российской Федерации лица для уголовного преследования или испол-

нения приговора. Что же касается изменения наименования ст. 460 УПК РФ, то оно носит корреспондирующий характер.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О совершенствовании деятельности по обеспечению выполнения международно-правовых обязательств Российской Федерации : распоряжение ФСИН России от 25.10.2007 № 356-р. Доступ из справ.-правовой системы «Эталон Плюс».

¹ O sovershenstvovanii deyatel'nosti po obespecheniyu vypolneniya mezhdunarodno-pravovyh obyazatel'stv Rossijskoj Federacii : rasporyazhenie FSIN Rossii ot 25.10.2007 № 356-r. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Etalon Plyus».

Статья поступила 19.11.2021

Военное право как внешний фактор, влияющий на систему уголовно-правовых норм, обеспечивающих воинский правопорядок

В. П. БОДАЕВСКИЙ – заведующий кафедрой уголовного права Крымского филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук, доцент

В статье рассматриваются вопросы влияния на системообразующие функции военно-уголовного права такого внешнего фактора, как военное право. Анализируются межотраслевые связи сопоставляемых систем, отражающие закономерности функционирования военно-уголовного права. Автор приходит к выводу об обоснованности мнения тех ученых, которые считают утверждение о двойной отраслевой принадлежности военно-уголовного права недостаточно убедительным и не имеющим правовых оснований. Приводятся доводы в пользу того, что обратное означало бы отрицание базовых и общепризнанных положений юридической науки о самостоятельности уголовного права в системе отраслей права.

Ключевые слова: межотраслевые связи; нормативное предписание; военно-уголовное право; военное право; бланкетная правовая норма.

12.00.08 – Уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право.

Для цитирования: Бодаевский В. П. Военное право как внешний фактор, влияющий на систему уголовно-правовых норм, обеспечивающих воинский правопорядок. *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*, 2021, № 5 (15), с. 41–50, DOI 10.46741/2713-2811-2021-5-41-50.

Military law as an external factor affecting the system of criminal law norms that ensure military law and order

V. P. BODAEVSKY – Head of the Department of Criminal Law of the Crimean Branch of the Russian State University of Justice, PhD. of Law, Associate Professor

The article examines the influence of such external factor as military law on the system-forming functions of military criminal law. Intersectoral relations of the systems being compared are analyzed, reflecting the regularities of the functioning of military criminal law. The author comes to the conclusion about the validity of the opinion of those scientists who consider the assertion of the dual branch affiliation of military criminal law to be insufficiently convincing and lacking legal basis. Arguments are given that the opposite would mean a denial of the basic and generally recognized provisions of legal science on the independence of criminal law in the system of branches of law.

Key words: intersectoral relations; regulatory prescription; military criminal law; military law; blanket legal norm.

12.00.08 – Criminal law and criminology, penal law.

For citation: Bodaevsky V. P. Military law as an external factor affecting the system of criminal law norms that ensure military law and order. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2021, no. 5 (15), pp. 41–50, DOI 10.46741/2713-2811-2021-5-41-50.

Уголовное право как система правовых норм характеризуется не только множественностью взаимосвязей между составляющими ее элементами, но и непрерывным взаимодействием с внешней средой. Понимание процесса этого взаимодействия

позволяет оценить состояние функционирования уголовного права, выявить элементы его системы, которые не отвечают объективным потребностям общества, либо, наоборот, обнаружить недостаток тех или иных элементов. Данное взаимодействие можно представить как свойство правовых норм, заключающееся в их релевантности объективной необходимости, а для законодательства – как оценку эффективности действующей формы. По мнению А. И. Бойко, уголовное право должно обладать этим свойством, поскольку при взаимодействии с внешней средой оно вынуждено подстраиваться под нее в целях самосохранения и решения социальных задач¹.

Доктрина уголовного права предусматривает множество внешних факторов, релевантных как к системе уголовного права в целом², так и к его подсистеме, обеспечивающей уголовно-правовую охрану воинского правопорядка (далее – военно-уголовное право), среди которых выделяется наиболее активный к указанной подсистеме – военное право. Именно с ним у военно-уголовного права прослеживаются самые тесные межотраслевые связи.

Как отмечает О. К. Зателепин, особенность военно-уголовного права заключается в том, что оно, будучи по содержанию неотъемлемой составной частью уголовного права, во многом обусловлено военным правом. Многие правовые нормы последнего по отношению к военно-уголовному праву являются первичными. Характер и своеобразие такой взаимосвязи определяют концептуальный подход к конструированию и применению «воинских» уголовно-правовых норм³, что, по нашему мнению, вызывает необходимость исследования соотношения военно-уголовного и военного права, а также бланкетности уголовного закона.

Учитывая все многообразие связей между структурными элементами указанных систем, мы не ставим перед собой задачу проведения полного анализа каждой из них, а акцентируем внимание только на наиболее значимых связях, которые отражают закономерности функционирования военно-уголовного права. К таким связям отечественная наука уголовного права относит генетические и функциональные, а также обусловленные их действием иерархические, координационные, адаптационные и гомеостатические связи⁴.

Генетические связи, как указывается в специальной юридической литературе, могут возникать не только внутри системы уго-

ловно-правовых норм, но и с нормами иной отраслевой принадлежности (например, так считают А. А. Головина и В. М. Сырых)⁵. Общеизвестно, что по своей сути они относятся к связям происхождения. Однако в юридической литературе нет единого мнения касательно их проявления и классификации. Так, Д. А. Липинский, А. А. Мусаткина и Е. В. Чуклова предложили условно делить генетические связи на отдаленные и ближайшие. Отдаленные генетические связи определяются через особенности генезиса правовых систем, а ближайшие – через особенности их функционирования. Причем последние, с точки зрения сторонников данной позиции, могут быть прямыми и обратными, то есть в первом случае имеет место прямое воздействие одной системы на другую, а во втором – действует обратная связь между ними⁶. На наш взгляд, данная классификация генетических связей представляется не совсем удачной, поскольку в таком случае они отождествляются с функциональными и создается впечатление, что происхождение помимо прямого своего развития имеет и обратное, которое с позиции общеправового подхода объективно невозможно. Если функциональные связи принадлежат к числу многовекторных, указывающих на взаимозависимость исследуемых объектов, при которой изменение одних объектов вызывает определенное изменение других и наоборот, то генетические связи относятся к односторонним и развиваются всегда от прошлого к будущему, тем самым указывая на порождение одним объектом другого⁷. Однако мы считаем, что нельзя отрицать взаимодействие этих связей, так как генетические связи чаще всего вызывают появление функциональных.

Как представляется, именно последний подход является более убедительным и может быть взят за основу при исследовании генетических и функциональных связей в интересующем нас контексте.

Проявление генетических связей четко прослеживается при анализе генезиса системы военно-уголовных норм, который показывает, что на заре своего существования рассматриваемая система выделилась из военного права. Примером этому могут служить предписания такого памятника военного права, как Устав ратных, пушкарских и других дел, касающихся довоенной науки (1621 г.). Данный нормативно-правовой акт содержал информацию об устройстве и управлении войсками, дисциплинарной и уголовной ответственности за соверше-

ние воинских правонарушений, сведения по тактике и артиллерии, а также процессуальные предписания⁸. Окончательное выделение системы военно-уголовного права получило оформление в Артикуле воинском 1716 г., что подтверждается, как правильно отметил Я. Н. Ермолович, изложением в нем «всех составов преступлений, совершенных военнослужащими по службе: как специальных воинских, выражающихся в нарушении порядка прохождения военной службы, так и общеуголовных». После издания он стал применяться как общеуголовный закон, поскольку был полнее и совершеннее действующего уголовного законодательства⁹. Последующее развитие системы военно-уголовных норм было направлено на усиление взаимосвязи общеуголовного и военно-уголовного права, в том числе путем выведения ряда деяний из специальных воинских преступлений и закрепления их в общеуголовном законодательстве.

Надо отметить, что и в настоящее время военное право некоторых стран (Великобритании, Германии, США, Франции и др.) включает в себя как правовые нормы своей функциональной направленности (военно-правовые), так и военно-уголовные. Подтверждением этому могут служить такие нормативно-правовые акты, как Единый кодекс военной юстиции США (1950 г.), Наставление для военных судов США (1969 г.), Закон Великобритании о Вооруженных силах (2006 г.), Кодекс военной юстиции Франции (2006 г.), Закон ФРГ об ответственности за воинские преступления (1957 г., в ред. от 1974 г.)¹⁰.

Наиболее выраженной формой проявления функциональных связей является уголовно-правовая охрана общественных отношений, регулируемых военным правом. Эти отношения, как указал В. В. Кудашкин, в теории военного права получили название «военные отношения»¹¹. Законодатель для их выражения включил в содержание всех военно-уголовных норм военно-правовые термины, что обуславливает при реализации указанных норм применение соответствующих норм военного права. Изложенное позволяет утверждать, что при создании военно-уголовных норм, независимо от того, относятся ли они к регулятивным или охранительным, используется бланкетность как прием законодательной техники¹², которая через понятийный аппарат военно-уголовных норм определяет специфику их генетических и функциональных связей с военным правом. Например, Общая часть УК РФ опе-

рирует такими терминами или терминологическими оборотами, как «военнослужащие», «воинские части», «военная служба», «воинское звание», «военнослужащий, проходящий военную службу по призыву либо по контракту», «воинские должности рядового и сержантского состава», «установленный законом срок службы по призыву», «денежное довольствие», «повышение в должности», «повышение в воинском звании» и другими.

В Особой части УК РФ при описании понятия преступлений против военной службы используются, например, такие терминологические сочетания, как «порядок прохождения военной службы», «граждане, пребывающие в запасе», «прохождение военных сборов», а при декларировании законодательства военного времени – «военное время», «боевая обстановка». При описании составов преступлений против военной службы используются термины, касающиеся практически всех составляющих воинского правопорядка мирного времени. В частности, в содержание ст. 332 УК РФ включены следующие термины: «подчиненный», «приказ», «начальник», «установленный порядок отдания приказа», «военная служба». Как отмечает О. К. Зателепин, во всех элементах составов преступлений гл. 33 УК РФ, кроме субъективной стороны, повсеместно используются военно-правовые термины. К типично бланкетным он относит военно-уголовные нормы с диспозициями, указывающими на соответствующие нарушения военного права, например, ст. 340–352 УК РФ, связанные с нарушением различных специальных правил (несения боевого дежурства, караульной службы, пограничной службы и т. д.)¹³. Всякий раз при уяснении содержания той или иной военно-уголовной нормы правоприменитель должен обратиться и к соответствующей военно-правовой норме.

Рассматривая функциональные связи военно-уголовного права, следует отметить, что в юридической литературе уже длительное время идет полемика относительно того, что в первичной составляющей системы права может излагаться бланкетным способом: 1) только диспозиция правовой нормы (Н. А. Лопашенко¹⁴, А. В. Наумов¹⁵ и др.); 2) любой элемент нормы права (И. А. Михайлова¹⁶); 3) норма права в целом (Н. С. Боровиков¹⁷, Л. Д. Гаухман¹⁸ и др.); 4) диспозиция статьи закона (А. В. Сельский¹⁹) и т. д.

По нашему мнению, более убедительной является вторая позиция, которая основывается на следующих аргументах.

Во-первых, о содержании любой уголовно-правовой нормы мы можем судить лишь на основании соответствующего текста уголовного закона, без этого она не имеет своего легального внешнего выражения. В науке уголовного права преобладающей является точка зрения о том, что норма данной отрасли права редко излагается полностью со всеми тремя ее элементами в одной статье. Преимущественно элементы уголовно-правовой нормы в качестве правовых предписаний расположены в разных структурных частях уголовного закона. Ряд статей Общей части УК РФ содержит предписания, предусматривающие круг условий, представляющих собой гипотезу для других элементов нормы, размещенных в Особенной части УК РФ²⁰. Одно и то же предписание, закрепляющее элемент той или иной нормы, как подчеркивает В. П. Коняхин, может выполнять полностью или частично разные функции (гипотезы, диспозиции или санкции). Например, охранительные предписания статей Особенной части УК РФ кроме диспозиции и санкции могут содержать часть гипотезы, а регулятивные предписания статей Общей части УК РФ кроме гипотезы содержат часть диспозиции, дополняющей диспозицию, содержащуюся в охранительном предписании статьи Особенной части УК РФ²¹. Во-вторых, что касается военно-уголовного законодательства, то гипотезой закрепленных в нем правовых норм выступают военно-правовые предписания, предусмотренные ч. 2 ст. 11, ч. 2 ст. 12, ч. 3 ст. 331 УК РФ. А нормы, закрепленные в ст. 48, ч. 4 ст. 49, ч. 5 ст. 50, ст. 51, ч. 6 ст. 53, ч. 7 ст. 53.1, ч. 3 ст. 54, ст. 55, п. «л» ч. 1 ст. 63, ст. 72, 73, 79–81 УК РФ, относятся к санкциям, поскольку дополняют своим содержанием санкции Особенной части УК РФ²². Все перечисленные предписания содержат военно-правовые термины, что указывает на бланкетный способ их изложения. Следовательно, утверждение о том, что только диспозиция уголовно-правовой нормы является бланкетной, на наш взгляд, необходимо признать безосновательным. Когда в военно-уголовной норме все ее элементы содержат военно-правовые термины, она является бланкетной в целом.

В теории уголовного права встречается мнение, что уголовно-правовые нормы, изложенные бланкетным способом, классифицируются как комплексные правовые нормы. В свою очередь институты, подотрасли и отрасли, которые они образуют, также являются комплексными, что означает их двойную принадлежность²³. Этот под-

ход нельзя назвать новым. Например, в начале XIX в. представители нормативистской школы уголовного права Э. Беллинг, К. Биндинг, А. Цу Дона отстаивали позицию, согласно которой уголовно-правовые нормы предусмотрены не только в других отраслях права, но и в догматах религии, культуры, нравственности и даже некоего миропорядка. Так, К. Биндинг по этому поводу писал, что уголовный закон не содержит своих запретов, а предусматривает только санкцию за нарушение норм других нормативных актов. Позднее данная точка зрения нашла свое отражение в трудах таких ученых, как Я. Брайнин, В. Смирнов, Н. Томашевский и др.²⁴

Применительно к соотношению военного и военно-уголовного права это мнение высказывали, например, Х. М. Ахметшин²⁵, Я. Н. Ермолович²⁶ и П. И. Романов²⁷. Согласно их позиции, которая в настоящее время является преобладающей среди военных юристов, военно-уголовное право представляет собой составную часть как военного права (военного законодательства), так и уголовного права (уголовного законодательства), поскольку уголовно-правовой запрет вытекает из нарушения норм военного права. Так, Х. М. Ахметшин в свое время указывал, что «нормы той или иной отрасли права, включенные в систему военного права, не образуют отрасль права (например, военно-уголовное право, военно-административное право и т. п.), а являются лишь частью норм данной комплексной отрасли права, регуливающей общественные отношения в области военной деятельности государства. Поэтому указанные нормы могут быть названы нормами военного законодательства с определением их предметного содержания». Следовательно, по мнению ученого, понятие военно-уголовного законодательства Российской Федерации представляется вполне обоснованным²⁸. В свою очередь, Я. Н. Ермолович приводит пример, что «при квалификации нарушения уставных правил караульной службы требуется обращение к Уставу гарнизонной и караульной служб, который содержит диспозицию уголовно-правовой нормы. В то же время гипотеза и санкция нарушения уставных правил караульной службы содержатся в Уголовном кодексе». По его мнению, это свидетельствует о двойной принадлежности военно-уголовного права²⁹.

Кроме изложенной позиции в доктринах уголовного и военного права существуют как минимум еще два подхода.

Так, сторонники второго подхода (например, он отражен в работах А. В. Кудашкина³⁰) не исключают в ближайшем будущем возникновения двойной отраслевой принадлежности военно-уголовного права, но в настоящее время отмечают лишь тесную его взаимосвязь с военным правом.

Третий подход (его отстаивает, например, С. Н. Шарапов³¹) исключает возможность двойной отраслевой принадлежности военно-уголовного права.

На наш взгляд, третий подход представляется более обоснованным, так как обратное означало бы, что уголовное право и его составная часть – военно-уголовное право – производны от иных отраслей права, что ведет к отрицанию базовых и общепризнанных положений юридической науки о самостоятельности уголовного права в системе отраслей права. Обратное сводит уголовное право преимущественно к его карательным свойствам (к санкции) и не учитывает при этом основополагающую, первичную категорию данной отрасли права – преступление, его нормативное закрепление в уголовном законе. Как правильно заметил по данному поводу Н. И. Панов, нелогичность такой позиции проявляется и в том, что единый первичный элемент системы уголовного права – правовая норма – искусственно разрывается на части: диспозиция ее (в том числе и гипотеза, как утверждают некоторые сторонники рассматриваемого подхода) формируется в регулятивных отраслях права и только санкция устанавливается уголовным правом³². В этом случае напрашивается вывод, что уголовное право, по сути, не имеет правовых норм с собственным объектом регулирования, единой направленностью и предназначением. Данная позиция концептуально противоречит фундаментальным положениям доктрины уголовного права: о его предмете, системе, источниках, уголовной ответственности, запрете применения уголовного закона по аналогии, а также категориям «преступление», «состав преступления», «квалификация преступлений» и др., смысл которых зависит от определения правовой нормы, правильного установления ее запретов и дозволений³³. Наконец, критикуемая позиция противоречит предписаниям ст. 1, ч. 2 ст. 2 и ст. 3 УК РФ, согласно которым преступность и наказуемость деяния устанавливаются исключительно уголовным законом. Кроме того, военное право так же, как и другие регулятивные отрасли права, содержит систему правовых

норм, закрепленных не только в законах, но и в подзаконных правовых актах. В вышеприведенном Я. Н. Ермоловичем примере о несении гарнизонной и караульной служб автор указывает, что диспозиция уголовно-правовой нормы содержится в соответствующем уставе, утвержденном указом Президента Российской Федерации от 10.11.2007 № 1495 (ред. от 12.07.2021), за нарушение предписаний которого может наступить уголовная ответственность, согласно ст. 342 УК РФ «Нарушение уставных правил караульной службы» и ст. 344 УК РФ «Нарушение уставных правил несения внутренней службы и патрулирования в гарнизоне». Как в общей теории права, так и в доктрине уголовного права общепризнанным считается мнение, что диспозиция составляет основу, ядро правовой нормы³⁴ (кроме так называемой отправной, учредительной нормы)³⁵. В диспозиции законодатель, собственно, и закрепляет объективную сторону состава преступления³⁶.

В соответствии с п. «о» ст. 71 Конституции Российской Федерации уголовное законодательство находится в исключительном ведении Российской Федерации, исходя из чего ст. 8 Федерального закона от 13.06.1996 № 64-ФЗ (ред. от 13.07.2015) «О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации» сделана оговорка о том, что внесение изменений в УК РФ осуществляется отдельными федеральными законами. Эти изменения не могут быть включены в тексты федеральных законов, изменяющих другие законодательные акты Российской Федерации или содержащих самостоятельный предмет правового регулирования, за исключением текстов федеральных законов, вносящих изменения в УПК РФ. Следовательно, критикуемая позиция не имеет не только теоретических, но и нормативно-правовых оснований.

Итак, анализ генетических и функциональных связей военно-уголовного и военного права прямо указывает на то, что исследуемые системы правовых норм тесно взаимодействуют между собой и не могут развиваться без нормального обоюдного функционирования. Элементы системы военного права можно представить в виде инфраструктуры военно-уголовного права. С одной стороны, они не образуют систему последнего (у них есть свои цели, задачи, функции, принципы и источники), с другой – элементы системы военного права включены в ткань военно-уголовного права, без них военно-уголовные нормы не могут нормаль-

но функционировать. В свою очередь, без уголовно-правовой охраны общественных отношений, регулируемых нормами военного права, невозможно в полной мере обеспечить реализацию этих правовых норм. Данное утверждение отражает двухсторонний характер рассматриваемых внешних функциональных связей: военное законодательство влияет на предписания уголовного и наоборот.

В теории права существует мнение, согласно которому функциональные связи включают в себя координационные и субординационные связи (к сторонникам данной позиции можно отнести, например, А. П. Чиркова³⁷, Д. А. Липинского и Н. В. Макареико³⁸), так как все они выражают пространственную упорядоченность и согласованность объектов³⁹. Однако достаточно распространенным является и другой подход, в рамках которого обосновывается, что все эти связи имеют самостоятельное значение (в частности, его отстаивают С. С. Алексеев⁴⁰, А. И. Кокарев⁴¹ и др.). Мы не будем вдаваться в данную полемику, поскольку это тема заслуживает отдельного исследования. Вместе с тем необходимо раскрыть некоторые детали особенности иерархических (субординационных) и координационных связей военно-уголовного и военного права.

Как уже было замечено, взаимодействие рассматриваемых систем нормативных предписаний имеет место и в иерархических (субординационных) связях, которые указывают на «подчиненность норм, иерархически низших, высшим»⁴². Однако в данном случае необходимо оговориться, что речь идет не о подчиненности одной отрасли другой, а об учете иерархии формальных источников военного права, к которым отсылает уголовный закон. Также отметим, что бланкетность придает закрепленным в УК РФ правовым нормам, охраняющим воинский правопорядок, специальный характер в сравнении с нормами иных институтов этого закона, что вызывает внутренние субординационные связи между ними: специальная правовая норма имеет преимущество перед общей. Этот базовый уровень иерархических (субординационных) связей подробно рассмотрен в диссертационной работе А. А. Петрова, в теории права он получил название сущностно-содержательного⁴³.

Военное законодательство, на что обратил внимание А. В. Кудашкин, можно представить в виде определенной иерархической системы, которая основывается на

Конституции Российской Федерации, международных договорах, ратифицированных Российской Федерацией, и включает конституционные федеральные законы, федеральные законы и подзаконные акты (указы Президента Российской Федерации, постановления Правительства Российской Федерации, а также ведомственные нормативные правовые акты, издаваемые в пределах своих полномочий министром обороны Российской Федерации, руководителями других федеральных органов исполнительной власти, в которых законом предусмотрена военная служба). Таким образом, все общественные отношения в сфере обороны регулируются исключительно федеральным законодательством⁴⁴.

По подсчетам И. И. Суханова, всего в Российской Федерации действует более 300 нормативно-правовых актов различной юридической силы, регулирующих общественные отношения, связанные с исполнением воинской обязанности и прохождением военной службы, а по вопросам статуса военнослужащих действует более 400 таких актов⁴⁵. К наиболее важным из них относят: Конституционный федеральный закон Российской Федерации от 30.01.2002 № 1-ФКЗ «О военном положении», федеральные законы от 28.03.1998 № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» (базовый закон для правового регулирования воинской обязанности и военной службы), от 27.05.1998 № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» (базовый закон, определяющий правовое положение военнослужащих), от 03.04.1995 № 40-ФЗ «Об органах федеральной службы безопасности в Российской Федерации», от 10.01.1996 № 5-ФЗ «О внешней разведке», от 27.05.1996 № 57-ФЗ «О государственной охране», от 31.05.1996 № 61-ФЗ «Об обороне», от 03.07.2016 № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» и др., указы Президента Российской Федерации от 16.09.1999 № 1237 «Вопросы прохождения военной службы», от 10.11.2007 № 1495 «Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных сил Российской Федерации» и др.

Основными видами нормативно-правовых актов военного управления являются приказы, директивы, положения, наставления, инструкции, предписания, указания, приказание⁴⁶.

Иерархичность военного законодательства при применении предписаний уголовного закона учитывается исходя из правила о том, что нормативно-правовые акты более

высокой юридической силы конкретизируются предписаниями актов меньшей силы и не должны противоречить им⁴⁷. Однако в случае возникновения иерархической коллизии она преодолевается путем применения предписаний нормативно-правовых актов с более высокой юридической силой с учетом их предметности⁴⁸.

Суть координационных связей, как отметил М. С. Жук, заключается в том, что элементы сопоставляемых систем дополняют друг друга своим содержанием⁴⁹. Это дополнение, на что правильно указывает В. А. Навроцкий, обретает свое практическое значение не только в признании соответствующего деяния преступлением, но и в том, что если нормативные предписания других отраслей законодательства, регламентирующие общественные отношения, охраняемые уголовным законом, фактически устанавливают правомерность того или иного деяния, то его уголовная противоправность исключается, поскольку поведение не может быть одновременно правомерным и противоправным⁵⁰. В то же время, согласно доктрине уголовного права, в отношении предписаний иных отраслей права, которые признают преступлением соответствующее деяние, необходимо учитывать требования ч. 2 ст. 2 и ч. 1 ст. 3 УК РФ.

В случае если то или иное общественно опасное деяние признается военным законодательством преступлением, но этот факт не находит своего отражения в уголовном законе, а соответственно, отсутствуют координационные связи, данное деяние не может признаваться и уголовно наказуемым. В частности, такая возможность вытекает из предписаний ч. 1 ст. 28 федерального закона «О статусе военнослужащих», где закреплено, что военнослужащий или гражданин, призванный на военные сборы, в зависимости от характера и тяжести совершенного им правонарушения привлекается к различным видам юридической ответственности, в том числе и уголовной. Перечень этих правонарушений приведен в ч. 2 ст. 28.5 данного закона. Вместе с тем составы некоторых из них в действующем УК РФ не закреплены. Например, уголовный закон не устанавливает ответственность за отсутствие военнослужащего, проходящего военную службу по контракту, в воинской части без уважительных причин более четырех часов подряд в течение установленного ежедневного служебного времени, даже если подразделение в его отсутствие не выполнило поставленную задачу.

Большое значение во взаимодействии военно-уголовного и военного права приобретают адаптационные и гомеостазные связи. В предшествующих своих работах мы проводили соответствующее исследование⁵¹ и пришли к выводу, что адаптация в уголовном праве означает приспособление уголовного закона к окружающим факторам. В рассматриваемом нами аспекте таким фактором выступает содержание предписаний военного законодательства. Данная связь вызывает необходимость конструирования военно-уголовных предписаний таким образом, чтобы не вносить в них каких-либо корректив в последующем при изменении предписаний военного законодательства. Это позволяет сохранить идентичность системы военно-уголовных норм и ее функциональное предназначение. В свою очередь, для обеспечения стабильности и сбалансированности вышеназванной системы действуют гомеостазные связи, проявляющиеся в разграничении сферы применения уголовно-правовых норм (например, ст. 346 УК РФ относит к преступлениям против военной службы умышленное уничтожение или повреждение военного имущества, а ст. 167 УК РФ – умышленное уничтожение или повреждение имущества).

Таким образом, подводя итоги, можно представить соотношение военного и военно-уголовного права как влияние или прямое воздействие наиболее активного внешнего фактора в виде, соответственно, военно-правовых норм на системообразующие функции системы уголовно-правовых норм, обеспечивающих охрану воинского порядка. Это влияние находит свое проявление во множестве связей между указанными нормами, среди которых выделяются генетические и функциональные связи, порождающие, в свою очередь, иерархические, координационные, адаптационные и гомеостазные. Они и отражают закономерности функционирования военно-уголовного права. Действие этих связей обусловлено применением бланкетного способа изложения военно-уголовных норм, суть которых раскрывается с помощью норм военного права, что придает первым специальный характер по сравнению с общеуголовными и детерминирует действие внутренних субординационных связей – преимущество в применении первых по отношению ко вторым. Кроме того, исследование указанных межотраслевых связей позволило сделать вывод об обоснованности мнения тех ученых, кото-

рые считают утверждение о двойной отраслевой принадлежности военно-уголовного права неубедительным и не имеющим правовых оснований, так как обратное означало бы, что уголовное право и, следовательно, его составная часть – военно-уголовное право – производны от иных отраслей права, что ведет к отрицанию базовых и обще-

признанных положений юридической науки о самостоятельности уголовного права в системе отраслей права. Также критикуемое утверждение противоречит предписаниям ст. 1, ч. 2 ст. 2 и ст. 3 УК РФ, согласно которым преступность и наказуемость деяния устанавливаются исключительно уголовным законом.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Бойко А. И. Системная среда уголовного права : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008. С. 5.
- ² Гринберг М. С. Уголовное право как феномен культуры // Правоведение. 1992. № 2. С. 57–62; Бойко А. И. Системная среда уголовного права. С. 5–6; Кулыгин В. В. Этнокультура уголовного права : моногр. / под ред. А. В. Наумова. М., 2002.; Тер-Акопов А. А. Духовность в механизме преступного поведения // История развития уголовного права и ее значение для современности : материалы науч.-практ. конф. М., 2006. С. 549, 556; Суwegeина Н. А. Преступление и наказание как проблема христианской этики // Гос-во и право. 1995. № 8. С. 58; Карпец И. И. Уголовное право и этика. М., 1985.
- ³ Зателепин О. К. Уголовно-правовые аспекты кодификации военного законодательства: проблемы соотношения военного и уголовного законодательства // Рос. воен.-правовой сб. 2004. № 2. URL: <http://voenprav.ru/doc-2910-1.htm> (дата обращения: 10.09.2021).
- ⁴ Пикуров Н. И. Взаимосвязь уголовного права с отраслями публичного права // Энциклопедия уголовного права. Т. 1. Понятие уголовного права / отв. ред. В. Б. Малинин. 2-е изд. СПб., 2008. С. 480–502; Зателепин О. К. Уголовно-правовые аспекты кодификации военного законодательства: проблемы соотношения военного и уголовного законодательства; Актуальные проблемы уголовного права: курс лекций / под ред. О. С. Капинус; рук. авт. кол. К. В. Образнев. М., 2015. С. 91–102.
- ⁵ Формирование и развитие отраслей права в исторической и современной правовой реальности России : в 12 т. / под общ. ред. Р. Л. Хачатурова. М., 2020. Т. 1. Теоретико-методологические аспекты образования отраслей российского права. С. 77; Проблемы теории государства и права : учеб. / под ред. В. М. Сырых. М., 2008. С. 273.
- ⁶ Липинский Д. А., Мусаткина А. А., Чукова Е. В. О генетических, координационных и субординационных связях процессуальной ответственности // Юрид. исследования. 2019. № 10. С. 90–92.
- ⁷ Блауберг И. В., Юдин Э. Г. Становление и сущность системного подхода. М., 1973. С. 189.
- ⁸ Ермолович Я. Н. Теоретико-правовые основы военно-уголовной политики в Российской Федерации : моногр. М., 2012. С. 71; Устав ратных, пушкарских и других дел, касающихся до военной науки: в 2 ч. СПб.
- ⁹ Военно-уголовное право : учеб. / под ред. В. В. Ершова, В. В. Хомчика. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2020. С. 67; Ермолович Я. Н. Теоретико-правовые основы военно-уголовной политики в Российской Федерации. С. 320.
- ¹⁰ Уголовное право зарубежных государств : учеб. / под ред. А. А. Арямова. М., 2018. С. 289; Schlueter D. A. The Court – Martial: A Historical Survey // Military Law Review. 1980. Vol. 87; Armed forces Act 2006. URL: www.legislation.gov.uk/ukrga/2006/52 (дата обращения: 10.09.2021); Ordonnance n 2006-637 du 1er juin 2006 portant refonte du code de justice militaire (partie legislative) // Journal officiel de la Republique francaise (J.O). 2006. № 127; Wehrstrafgesetz (1957). URL: www.Gesetzim-internet.de/wstrg (дата обращения: 10.09.2021).
- ¹¹ Военное право : учеб. / под ред. В. Г. Стрекозова, А. В. Кудашкина. М., 2004. С. 12.
- ¹² Бодаевский В. П. Характеристика и функциональное назначение системы уголовно-правовых норм, обеспечивающих охрану воинского правопорядка // Lex russica. 2021. Т. 74. № 4. С. 55.
- ¹³ Зателепин О. К. Уголовно-правовые аспекты кодификации военного законодательства: проблемы соотношения военного и уголовного законодательства.
- ¹⁴ Лопашенко Н. А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика. СПб., 2004. С. 104.
- ¹⁵ Наумов А. В. О бланкетности уголовного закона как о межотраслевом договоре. URL: https://studref.com/471120/pravo/blanketnosti_ugolovnogogo_zakona (дата обращения: 10.09.2021).
- ¹⁶ Михайлова И. А. Бланкетные нормы в уголовном законе и их применение органами внутренних дел : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 9.
- ¹⁷ Боровиков Н. С. Об особенностях применения бланкетных уголовно-правовых норм (по материалам изучения уголовных дел и социологического исследования) // Чер. дыры в рос. законодательстве. 2008. № 4. С. 117.
- ¹⁸ Гаухман Л. Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. М., 2001. С. 237.
- ¹⁹ Сельский А. В. Бланкетные нормы в уголовном законодательстве России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 8.
- ²⁰ Сырых В. М. Теория государства и права : учеб. М., 2001. С. 125.
- ²¹ Коняхин В. П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. СПб., 2002. С. 182–183.
- ²² Бодаевский В. П. Характеристика и функциональное назначение системы уголовно-правовых норм, обеспечивающих охрану воинского правопорядка. С. 48–53.
- ²³ Ахметшин Х. М. Военно-уголовное законодательство в системе военного права Российской Федерации // Рос. воен.-правовой сб. 2004. № 1. С. 1 URL: <http://voenprav.ru/doc-2826-1.htm> (дата обращения: 10.09.2021).
- ²⁴ Пикуров Н. И. Взаимосвязь уголовного права с отраслями публичного права // Энциклопедия уголовного права. Т. 1. Понятие уголовного права. С. 370–399; Панов Н. И., Квасневская Н. Д. Уголовно-правовая норма при бланкетной диспозиции закона об уголовной ответственности: понятие и особенности применения. URL: <http://www.allbest.ru/> (дата обращения: 10.09.2021).
- ²⁵ Ахметшин Х. М. Военно-уголовное законодательство в системе военного права Российской Федерации. С. 2.
- ²⁶ Ермолович Я. Н. Теоретико-правовые основы военно-уголовной политики в Российской Федерации. С. 336.
- ²⁷ Романов П. И. Военное право как отрасль советского законодательства, учебная и научная дисциплина // Вопросы теории военного законодательства и практики его применения. М., 1974. С. 22–43.
- ²⁸ Ахметшин Х. М. Военно-уголовное законодательство в системе военного права Российской Федерации. С. 2.
- ²⁹ Ермолович Я. Н. Теоретико-правовые основы военно-уголовной политики в Российской Федерации. С. 336.
- ³⁰ Военное право : учеб. / под ред. В. Г. Стрекозова, А. В. Кудашкина. С. 13.

- ³¹ Шарапов С. Н. Военно-уголовное право в системе отечественного права // Воен.-уголов. право. 2007. № 3. С. 113–121; Он же. Военно-уголовное законодательство: новая дефиниция старого термина // Воен. право. 2009. Вып. № 1. URL: <http://www.voennoeprav.ru/node/3347> (дата обращения: 10.09.2021).
- ³² Панов Н. И., Квасневская Н. Д. Уголовно-правовая норма при бланкетной диспозиции закона об уголовной ответственности: понятие и особенности применения.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Сырых В. М. Теория государства и права. С. 122–123; Теория государства и права : курс лекций / под ред. Н. И. Мазутова и А. В. Малько. М., 1999. С. 317.
- ³⁵ Бодаевский В. П. Характеристика и функциональное назначение системы уголовно-правовых норм, обеспечивающих охрану воинского правопорядка. С. 48–49.
- ³⁶ Российское уголовное право. Общая часть : учеб. для бакалавров / под ред. В. В. Воробьева, Ю. В. Грачевой. М., 2019. С. 105.
- ³⁷ Чирков А. П. Ответственность в системе права : учеб. пособие. Калининград, 1996. С. 52–69.
- ³⁸ Липинский Д. А., Макареико Н. В. Генетические, координационные и субординационные связи юридической ответственности государства // Advances in Law Studies. 2019. № 2. С. 6–10.
- ³⁹ Кириенко М. С. Система Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2013. С. 121.
- ⁴⁰ Алексеев С. С. Структура советского права. М., 1975. С. 242.
- ⁴¹ Кокарев А. И. К вопросу о соотношении координационных и функциональных связей уголовного и уголовно-процессуального законодательства // Право и образование. 2008. № 2. С. 78.
- ⁴² Черданцев А. Ф. Системообразующие связи права // Сов. гос-во и право. 1974. № 8. С. 12.
- ⁴³ Петров А. А. Иерархические коллизии в праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 7–8.
- ⁴⁴ Военное право : учеб. / под ред. В. Г. Стрекозова, А. В. Кудашкина. С. 15.
- ⁴⁵ Суханов И. И. Основы военного права : учеб.-метод. пособие выпускнику УВЦ СФУ. Красноярск, 2014. С. 8.
- ⁴⁶ Там же. С. 10.
- ⁴⁷ Кузьмин И. А. О координационных, субординационных и генетических связях юридической ответственности с системой права и системой законодательства // Юрид. исследования. 2019. № 10. С. 102.
- ⁴⁸ Бодаевский В. П. Квалификация преступлений по коллизионным нормам // Энциклопедия уголовного права. Т. 32. Квалификация преступлений под ред. В. Б. Малинина. СПб., 2020. С. 712; Кузнецова Н. Ф. Проблемы квалификации преступлений : лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / науч. ред. и предисл. В. Н. Кудрявцева. М., 2007. С. 132.
- ⁴⁹ Жук М. С. Институты российского уголовного права: понятие, система и перспективы развития : автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук. Краснодар, 2013. С. 15.
- ⁵⁰ Навроцкий В. О. Основы кримінально-правової кваліфікації : навчальний посібник. Київ, 2006. С. 402–403.
- ⁵¹ Бодаевский В. П. Характеристика и функциональное назначение системы уголовно-правовых норм, обеспечивающих охрану воинского правопорядка. С. 56.
- ¹ Bojko A. I. Sistemnaya sreda ugovornogo prava : avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 2008. S. 5.
- ² Grinberg M. S. Ugolovnoe pravo kak fenomen kul'tury // Pravovedenie. 1992. № 2. S. 57–62; Bojko A. I. Sistemnaya sreda ugovornogo prava. S. 5–6; Kulygin V. V. Etnokul'tura ugovornogo prava : monogr. / pod red. A. V. Naumova. M., 2002.; Ter-Akopov A. A. Duhovnost' v mekhanizme prestupnogo povedeniya // Istoriya razvitiya ugovornogo prava i ee znachenie dlya sovremennosti : materialy nauch.-prakt. konf. M., 2006. S. 549, 556; Surovegina N. A. Prestuplenie i nakazanie kak problema hristianskoj etiki // Gos-vo i pravo. 1995. № 8. S. 58; Karpec I. I. Ugolovnoe pravo i etika. M., 1985.
- ³ Zatelepin O. K. Ugolovno-pravovye aspekty kodifikacii voennogo zakonodatel'stva: problemy sootnosheniya voennogo i ugovornogo zakonodatel'stva // Ros. voen.-pravovoj sb. 2004. № 2. URL: <http://voenprav.ru/doc-2910-1.htm> (data obrashcheniya: 10.09.2021).
- ⁴ Pikurov N. I. Vzaimosvyaz' ugovornogo prava s otraslyami publicnogo prava // Enciklopediya ugovornogo prava. T. 1. Ponyatie ugovornogo prava / otv. red. V. B. Malinin. 2-e izd. SPb., 2008. S. 480–502; Zatelepin O. K. Ugolovno-pravovye aspekty kodifikacii voennogo zakonodatel'stva: problemy sootnosheniya voennogo i ugovornogo zakonodatel'stva; Aktual'nye problemy ugovornogo prava: kurs lekcij / pod red. O. S. Kapinus; ruk. avt. kol. K. V. Obrazhnev. M., 2015. S. 91–102.
- ⁵ Formirovanie i razvitie otraslej prava v istoricheskoy i sovremennoj pravovoj real'nosti Rossii : v 12 t. / pod obshch. red. R. L. Hachaturova. M., 2020. T. 1. Teoretiko-metodologicheskie aspekty obrazovaniya otraslej rossijskogo prava. S. 77; Problemy teorii gosudarstva i prava : ucheb. / pod red. V. M. Syryh. M., 2008. S. 273.
- ⁶ Lipinskij D. A., Musatkina A. A., CHuklova E. V. O geneticheskikh, koordinacionnyh i subordinacionnyh svyazyah processual'noj otvetstvennosti // YUrid. issledovaniya. 2019. № 10. S. 90–92.
- ⁷ Blauberg I. V., YUdin E. G. Stanovlenie i sushchnost' sistemnogo podhoda. M., 1973. S. 189.
- ⁸ Ermolovich YA. N. Teoretiko-pravovye osnovy voenno-ugolovnoj politiki v Rossijskoj Federacii : monogr. M., 2012. S. 71; Ustav ratnyh, pushkarskih i drugih del, kasayushchihysya do voennoj nauki: v 2 ch. SPb.
- ⁹ Voенно-уголовное право : учеб. / под ред. В. В. Ершова, В. В. Homchika. 2-е изд., перераб. i dop. M., 2020. S. 67; Ermolovich YA. N. Teoretiko-pravovye osnovy voenno-ugolovnoj politiki v Rossijskoj Federacii. S. 320.
- ¹⁰ Ugolovnoe pravo zarubezhnyh gosudarstv : ucheb. / pod red. A. A. Aryamova. M., 2018. S. 289; Schlueter D. A. The Court – Martial: A Historical Survey // Military Law Review. 1980. Vol. 87; Armed forces Act 2006. URL: www.legislation.gov.uk/ukpga/2006/52 (data obrashcheniya: 10.09.2021); Ordonnance n 2006-637 du 1er juin 2006 portant refonte du code de justice militaire (partie legislative) // Journal officiel de la Republique francaise (J.O). 2006. № 127; Wehrstrafgesetz (1957). URL: www.Gesetzeim-internet.de/wstrg (data obrashcheniya: 10.09.2021).
- ¹¹ Voенное право : учеб. / под ред. В. Г. Стрекозова, А. В. Кудашкина. М., 2004. С. 12.
- ¹² Bodaevskij V. P. Harakteristika i funkcional'noe naznachenie sistemy ugovornopravovyh norm, obespechivayushchih ohranu voinskogo pravoporyadka // Lex russica. 2021. T. 74. № 4. S. 55.
- ¹³ Zatelepin O. K. Ugolovno-pravovye aspekty kodifikacii voennogo zakonodatel'stva: problemy sootnosheniya voennogo i ugovornogo zakonodatel'stva.
- ¹⁴ Lopashenko N. A. Osnovy ugovornopravovogo vozdejstviya: ugovornoe pravo, ugovornyj zakon, ugovornopravovaya politika. SPb., 2004. S. 104.
- ¹⁵ Naumov A. V. O blanketnosti ugovornogo zakona kak o mezhotraslevom dogovore. URL: https://studref.com/471120/pravo/blanketnosti_ugolovnogozakona (data obrashcheniya: 10.09.2021).
- ¹⁶ Mihajlova I. A. Blanketnye normy v ugovornom zakone i ih primenenie organami vnutrennih del : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2009. S. 9.

- ¹⁷ Borovikov N. S. Ob osobennostyah primeneniya blanketnyh ugovolno-pravovyh norm (po materialam izucheniya ugovolnyh del i sociologicheskogo issledovaniya) // *CHer. dyry v ros. zakonodatel'stve*. 2008. № 4. S. 117.
- ¹⁸ Gauhman L. D. Kvalifikaciya prestuplenij: zakon, teoriya, praktika. M., 2001. S. 237.
- ¹⁹ Sel'skij A. V. Blanketnye normy v ugovolnom zakonodatel'stve Rossii : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2010. S. 8.
- ²⁰ Syryh V. M. Teoriya gosudarstva i prava : ucheb. M., 2001. S. 125.
- ²¹ Konyahin V. P. Teoreticheskie osnovy postroeniya Obshchey chasti rossijskogo ugovolnogo prava. SPb., 2002. S. 182–183.
- ²² Bodaevskij V. P. Harakteristika i funkcional'noe naznachenie sistemy ugovolno-pravovyh norm, obespechivayushchih ohranu voinskogo pravoporyadka. S. 48–53.
- ²³ Ahmetshin H. M. Voenno-ugolovnoe zakonodatel'stvo v sisteme voennogo prava Rossijskoj Federacii // *Ros. voen.-pravovoj sb.* 2004. № 1. S. 1 URL: <http://voenprav.ru/doc-2826-1.htm> (data obrashcheniya: 10.09.2021).
- ²⁴ Pikurov N.I. Vzaimosvyaz' ugovolnogo prava s otraslyami publicnogo prava // *Enciklopediya ugovolnogo prava*. T. 1. Ponyatie ugovolnogo prava. S. 370–399; Panov N. I., Kvasnevskaya N. D. Ugolovno-pravovaya norma pri blanketnoj dispozicii zakona ob ugovolnoj otvetstvennosti: ponyatie i osobennosti primeneniya. URL: <http://www.allbest.ru/> (data obrashcheniya: 10.09.2021).
- ²⁵ Ahmetshin H. M. Voenno-ugolovnoe zakonodatel'stvo v sisteme voennogo prava Rossijskoj Federacii. S. 2.
- ²⁶ Ermolovich YA. N. Teoretiko-pravovye osnovy voenno-ugolovnoj politiki v Rossijskoj Federacii. S. 336.
- ²⁷ Romanov P. I. Voennoe pravo kak otrasl' sovetского zakonodatel'stva, uchebnaya i nauchnaya disciplina // *Voprosy teorii voennogo zakonodatel'stva i praktiki ego primeneniya*. M., 1974. S. 22–43.
- ²⁸ Ahmetshin H. M. Voenno-ugolovnoe zakonodatel'stvo v sisteme voennogo prava Rossijskoj Federacii. S. 2.
- ²⁹ Ermolovich YA. N. Teoretiko-pravovye osnovy voenno-ugolovnoj politiki v Rossijskoj Federacii. S. 336.
- ³⁰ Voennoe pravo : ucheb. / pod red. V. G. Strekozova, A. V. Kudashkina. S. 13.
- ³¹ SHarapov S. N. Voenno-ugolovnoe pravo v sisteme otechestvennogo prava // *Voen.-ugolov. pravo*. 2007. № 3. S. 113–121; On zhe. Voenno-ugolovnoe zakonodatel'stvo: novaya definiciya starogo termina // *Voen. pravo*. 2009. Vyp. № 1. URL: <http://www.voennoepravo.ru/node/3347> (data obrashcheniya: 10.09.2021).
- ³² Panov N. I., Kvasnevskaya N. D. Ugolovno-pravovaya norma pri blanketnoj dispozicii zakona ob ugovolnoj otvetstvennosti: ponyatie i osobennosti primeneniya.
- ³³ Tam zhe.
- ³⁴ Syryh V. M. Teoriya gosudarstva i prava. S. 122–123; Teoriya gosudarstva i prava : kurs lekcij / pod red. N. I. Mazutova i A. V. Mal'ko. M., 1999. S. 317.
- ³⁵ Bodaevskij V. P. Harakteristika i funkcional'noe naznachenie sistemy ugovolno-pravovyh norm, obespechivayushchih ohranu voinskogo pravoporyadka. S. 48–49.
- ³⁶ Rossijskoe ugovolnoe pravo. Obshchaya chast' : ucheb. dlya bakalavrov / pod red. V. V. Vorob'eva, YU. V. Grachevoj. M., 2019. S. 105.
- ³⁷ CHirkov A. P. Otvetstvennost' v sisteme prava : ucheb. posobie. Kaliningrad, 1996. S. 52–69.
- ³⁸ Lipinskij D. A., Makarejko N. V. Geneticheskie, koordinacionnye i subordinacionnye svyazi juridicheskoj otvetstvennosti gosudarstva // *Advances in Law Studies*. 2019. № 2. S. 6–10.
- ³⁹ Kirienko M. S. Sistema Osobnoy chasti Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii : dis. ... kand. jurid. nauk. CHelyabinsk, 2013. S. 121.
- ⁴⁰ Alekseev S. S. Struktura sovetского prava. M., 1975. S. 242.
- ⁴¹ Kokarev A. I. K voprosu o sootnoshenii koordinacionnyh i funkcional'nyh svyazej ugovolnogo i ugovolno-processual'nogo zakonodatel'stva // *Pravo i obrazovanie*. 2008. № 2. S. 78.
- ⁴² CHerdancev A. F. Sistemoobrazuyushchie svyazi prava // *Sov. gos-vo i pravo*. 1974. № 8. S. 12.
- ⁴³ Petrov A. A. Ierarhicheskie kollizii v prave : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2006. S. 7–8.
- ⁴⁴ Voennoe pravo : ucheb. / pod red. V. G. Strekozova, A. V. Kudashina. S. 15.
- ⁴⁵ Suhanov I. I. Osnovy voennogo prava : ucheb.-metod. posobie vypuskniku UVC SFU. Krasnoyarsk, 2014. S. 8.
- ⁴⁶ Tam zhe. S. 10.
- ⁴⁷ Kuz'min I. A. O koordinacionnyh, subordinacionnyh i geneticheskikh svyazyah juridicheskoj otvetstvennosti s sistemoy prava i sistemoy zakonodatel'stva // *YUrid. issledovaniya*. 2019. № 10. S. 102.
- ⁴⁸ Bodaevskij V. P. Kvalifikaciya prestuplenij po kollizionnym normam // *Enciklopediya ugovolnogo prava*. T. 32. Kvalifikaciya prestuplenij pod red. V. B. Malinina.SPb., 2020. S. 712; Kuznecova N. F. Problemy kvalifikacii prestuplenij : lekciy po speckursu «Osnovy kvalifikacii prestuplenij» / nauch. red. i predisl. V. N. Kudryavceva. M., 2007. S. 132.
- ⁴⁹ ZHuk M. S. Instituty rossijskogo ugovolnogo prava: ponyatie, sistema i perspektivy razvitiya : avtoref. dis. ... d-ra. jurid. nauk. Krasnodar, 2013. S. 15.
- ⁵⁰ Navroc'kij V. O. Osnovi kriminal'no-pravovoi kvalifikacii : navchal'nij posibnik. Kiiv, 2006. S. 402–403.
- ⁵¹ Bodaevskij V. P. Harakteristika i funkcional'noe naznachenie sistemy ugovolno-pravovyh norm, obespechivayushchih ohranu voinskogo pravoporyadka. S. 56.

Статья поступила 18.10.2021

О концепции создания Российского пенитенциарного клуба

И. В. ДВОРЯНСКОВ – главный научный сотрудник научно-исследовательского института ФСИН России, профессор кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор

В статье раскрываются процесс создания Российского пенитенциарного клуба, вопросы, обсуждавшиеся на первом (учредительном) заседании, его предназначение, миссия, основные направления деятельности. Особое внимание уделяется такому аспекту, как создание научных школ. Дается историческая справка о пенитенциарных традициях Вологодской земли, где и состоялось открытие Российского пенитенциарного клуба.

Ключевые слова: Российский пенитенциарный клуб; ученые-пенитенциаристы; дискуссионная площадка; научные школы; преемственность поколений; исторические традиции; развитие отечественной пенитенциарной науки.

12.00.08 – Уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право.

Для цитирования: Дворянсков И. В. О концепции создания Российского пенитенциарного клуба. *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*, 2021, № 5 (15), с. 51–53, DOI 10.46741/2713-2811-2021-5-51-53.

On the concept of foundation the Russian penitentiary club

I. V. Dvoryanskov – Chief Researcher of the Research Institute of the Federal Penal Service of Russia, Professor of the Department of Penitentiary Law and Organization of Educational Work with Convicts at the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. of Law, Professor

The article is devoted to the foundation of the Russian Penitentiary Club. The process of its foundation, the issues discussed at the first (constituent) meeting, its purpose, mission, main activities are disclosed. Particular attention is paid to such an area of activity as the creation of scientific schools. A historical information is given about the penitentiary traditions on the Vologda land, where the opening of the Russian Penitentiary Club took place.

Key words: Russian Penitentiary Club; penitentiary scholars; discussion platform; scientific schools; the continuity of generations; historical traditions; development of domestic penitentiary science.

12.00.08 – Criminal law and criminology, penal law.

For citation: Dvoryanskov I. V. On the concept of foundation the Russian penitentiary club. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2021, no. 5 (15), pp. 51–53, DOI 10.46741/2713-2811-2021-5-51-53.

10 декабря 2021 г. произошло важное историческое событие: в рамках международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система России в современных условиях развития общества: от парадигмы наказания к исправлению и ресо-

циализации», проводившейся на базе ВИПЭ ФСИН России, состоялось учредительное заседание Российского пенитенциарного клуба. Примечательно, что организовано оно было в культурно-просветительском и духовном центре «Усадьба Брянчаниновых»

(с. Покровское, Грязовецкий район, Вологодская область), что придало событию особую атмосферу связи поколений и преемственности традиций.

На первом заседании Российского пенитенциарного клуба выступили главный научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, профессор кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными юридического факультета ВИПЭ ФСИН России доктор юридических наук, профессор И. В. Дворянсков и ведущий аналитик ОВРЛС УФСИН России по Кировской области почетный работник ФСИН России генерал-майор внутренней службы в отставке В. И. Никитеев.

В мероприятии также приняли участие гости конференции и сотрудники ВИПЭ ФСИН России. Выступавшие рассказали присутствующим об идее создания Российского пенитенциарного клуба и исторических традициях тюремного дела в России в свете новой стратегии национальной безопасности страны.

Основным предназначением Российского пенитенциарного клуба должно стать предоставление неформальной площадки для тематических встреч ведущих ученых-пенитенциаристов, обмена опытом и знаниями, обсуждения актуальных проблем пенитенциарной науки и практики. В этом его ключевое отличие от других научно-представительских мероприятий: форумов, конференций, круглых столов, семинаров и пр. Известно, что самые интересные идеи и возможность обмена опытом возникают именно в неформальной атмосфере дружеского общения.

Миссия Российского пенитенциарного клуба состоит в объединении ученых-пенитенциаристов и практиков для совершенствования правоприменительной практики, профессиональной консолидации усилий, направленных на развитие уголовно-исполнительной системы.

Предполагается, что участниками заседаний Российского пенитенциарного клуба станут ведущие ученые-пенитенциаристы, представители правоохранительных органов, органов государственной власти, общественных организаций, сотрудники и работники высших учебных заведений и иные заинтересованные лица.

В качестве основных направлений деятельности Российского пенитенциарного клуба были определены:

– организация культурно-научных мероприятий, направленных на оказание

содействия в работе пенитенциарных служб;

– повышение престижа службы в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации;

– содействие в реализации Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2030 г.;

– сохранение исторической памяти об этапах и особенностях развития отечественного уголовного и уголовно-исполнительного права, уголовно-исполнительной системы, формирование у молодого поколения активной жизненной позиции;

– воспитание нетерпимости к противоправному поведению, коррупции, насилию;

– популяризация неукоснительного соблюдения законности и норм служебной этики, безупречного исполнения служебного долга;

– выработка законотворческих инициатив, предложений;

– взаимодействие с органами исполнительной власти, общественными, духовно-просветительскими организациями в рамках достижения поставленных целей;

– изучение, обобщение и распространение положительного опыта работы пенитенциарных учреждений;

– развитие пенитенциарных научных школ.

На последнем пункте необходимо остановиться особо. В настоящий период, к сожалению, наблюдается низкий уровень консолидации и научной кооперации ученых-пенитенциаристов. Как правило, специалисты объединяют усилия в рамках одного учебного или научного заведения, где они работают. И даже там зачастую отсутствуют преемственность поколений и динамичное развитие научных школ. Этому в немалой степени способствует снижение престижа науки у молодого поколения, которое не видит перспектив роста в случае выбора научной карьеры. Вместе с тем с завидной регулярностью получают ученые степени люди, не ставящие себе целью занятие наукой, а удовлетворяющие личные амбиции или получающие дополнительные привилегии за счет нового статуса. В итоге механизм воспроизводства научных кадров работает вхолостую. В этой связи развитие научных школ представляется сверхважной задачей. Вокруг определенной концепции (научной идеи) должны объединяться единомышленники. Научная школа – это своего рода профессиональное сообщество ученых, сплоченных общей идеей и системой подходов

к ее реализации. Создание научной школы или ряда школ именно в рамках Российского пенитенциарного клуба представляется довольно перспективным направлением деятельности, призванным способствовать возрождению отечественной пенитенциарной науки, аккумулярованию лучших и талантливых специалистов независимо от места их работы и ведомственной принадлежности. Как известно, в споре рождается истина. На дискуссионных площадках клуба могут формироваться сообщества единомышленников. Схема работы клуба не предполагает множества докладов в рамках тематических заседаний, планируются выступления одного–двух докладчиков (желательно с противоположными позициями) и последующее обсуждение проблемы в режиме свободной дискуссии. В качестве итога заседания будет осуществляться подготовка общей резолюции участников, содержащей основные результаты заседания и выработанные предложения, направляемой в том числе в заинтересованные государственные органы, образовательные и научные организации. Так будет обеспечиваться связь теории с практикой.

В завершение следует сказать, что создание Российского пенитенциарного клуба именно на Вологодской земле не случайно. Вологодский край всегда играл особую роль в пенитенциарной политике Российского государства. Изначально ссылать старались в наименее обжитые территории Российской империи – в Сибирь, на Дальний Восток и даже Сахалин. Однако со временем стали активно использовать в качестве места ссылки и Вологодскую губернию, ее даже называли «подстоличной Сибирью».

Начиная с XV в. правители ссылали в Вологду своих политических оппонентов. Среди наиболее ярких имен, прошедших «вологодскую ссылку», можно назвать великого

князя Василия II Темного, патриарха Никона, революционеров Иосифа Сталина, Марию Ульянову, Анатолия Луначарского, Вячеслава Молотова, Бориса Савинкова, писателей Владимира Короленко, Алексея Ремизова, философа Николая Бердяева, Питирима Сорокина. Всего таким образом побывало в Вологде более 10 тыс. чел.

Варлам Шаламов в «Четвертой Вологде» писал: «Подобно тому как профессия дворника закреплена в Москве за татарами, подобно тому как калужане – землекопы, а ярославцы – торгоши, конвойная служба от века и века в руках вологжан. Свое место в царской империи вологжане заняли, охраняя тюремные замки и защелкивая тюремные замки». В песнях и стихах говорится, что вологодский конвой самый злой, но мы считаем, что в этой фразе отражено серьезное, честное отношение пенитенциарных сотрудников-вологжан к своим служебным обязанностям.

В состав УФСИН России по Вологодской области входит 13 пенитенциарных учреждений: два следственных изолятора, десять исправительных колоний, в том числе колония для осужденных к пожизненному лишению свободы, одно лечебно-профилактическое учреждение. Кроме того, в области действует уголовно-исполнительная инспекция, представленная 29 филиалами.

Учитывая богатую историю, опыт взаимодействия пенитенциарных учреждений Вологодчины с Русской православной церковью, общественными организациями, мы можем говорить о том, что исправительные учреждения Вологодской области осуществляют духовную и социальную реабилитацию осужденных, содействуют гуманизации уголовно-исполнительной системы, то есть развиваются в русле тенденций Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2030 г.

Статья поступила 13.12.2021

DOI 10.46741/2713-2811-2021-5-54-59

УДК 343.8

К вопросу о переполненности пенитенциарных учреждений и национальных средствах правовой защиты

Н. Н. КИРИЛОВСКАЯ – начальник кафедры государственно-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент

Переполненность пенитенциарных учреждений является сложной и многоаспектной проблемой, изучение которой не теряет своей актуальности на протяжении многих десятков лет. В статье раскрываются национальные средства правовой защиты от данного нарушения и проводится оценка их эффективности с позиции Европейского суда по правам человека. Автором сделан ряд теоретических выводов и внесены практические предложения.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система; переполненность пенитенциарных учреждений; эффективные национальные правозащитные средства; Европейский суд по правам человека.

12.00.08 – Уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право.

Для цитирования: Кириловская Н. Н. К вопросу о переполненности пенитенциарных учреждений и национальных средствах правовой защиты. *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*, 2021, № 5 (15), с. 54–59, DOI 10.46741/2713-2811-2021-5-54-59.

On the issue of prison overcrowding and domestic remedies

N. N. KIRILOVSKAYA – Head of the Department of State and Legal Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, PhD. of Law, Associate Professor

Overcrowding of penitentiary institutions is a complex and multifaceted problem, the study of which has not lost its relevance for many decades. The article reveals national remedies for this violation and assesses their effectiveness from the position of the European Court of Human Rights. The author made a number of theoretical conclusions and practical proposals.

Key words: penal system; prisons overcrowding; effective national human rights remedies; European Court of Human Rights.

12.00.08 – Criminal law and criminology, penal law.

For citation: Kirilovskaya N. N. On the issue of prison overcrowding and domestic remedies. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2021, no. 5 (15), pp. 54–59, DOI 10.46741/2713-2811-2021-5-54-59.

Переполненность пенитенциарных учреждений является серьезной проблемой многих европейских государств на протяжении многих лет. Так, согласно отчету Ежегодной статистики уголовных наказаний Совета Европы (SPACE I) на 31 января 2020 г. странами с наибольшим количеством заключенных на 100 тыс. жителей были признаны Турция (357,2), Россия (356,1), Грузия (263,8), Литва (219,7), Азербайджан (208,7),

Чехия (196,8), Польша (195,3), Словацкая Республика (193,4) и Эстония (184,4)¹. Осознавая серьезные последствия такого положения вещей, Российская Федерация определяет в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 г. намерение сократить число лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы, к 2030 г. с 250 тыс. чел. до 300 тыс. чел. Пере-

полненность в пенитенциарных учреждениях рассматривается как часть проблемы неудовлетворительных условий содержания, а с позиции Европейского суда по правам человека – как бесчеловечное унижающее достоинство обращение. Переполненность означает превышение допустимых законодательством нормативов по наполняемости пенитенциарного учреждения. Так, например, норма санитарной площади в камере следственного изолятора на одного человека составляет 4 кв. м (ст. 23 Федерального закона от 15.07.1995 № 103-ФЗ (ред. от 26.05.2021) «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»), в исправительных колониях, предназначенных для отбывания наказания осужденными мужчинами, – 2 кв. м, тюрьмах – 2,5 кв. м, исправительных колониях, предназначенных для отбывания наказания осужденными женщинами, – 3 кв. м, воспитательных колониях – 3,5 кв. м, лечебных исправительных учреждениях – 3 кв. м (ст. 99 УИК РФ). Исходя из размеров жилой площади учреждения и нормативов положенности по площади определяется лимит наполняемости учреждения. При определении переполненности важно установить следующее: соблюдает ли администрация пенитенциарного учреждения национальное законодательство относительно нормативов жилой площади; имеет ли каждый заключенный индивидуальное спальное место; позволяет ли общая площадь помещения свободно перемещаться; в течение какого времени заключенные находятся вне закрытых помещений; каковы общие условия содержания в пенитенциарных учреждениях (уединенность, температурный режим, вентиляция, сырость и т. д.). Таким образом, переполненность пенитенциарного учреждения складывается из ряда факторов: основного (расчет жилой площади на одного заключенного), дополнительных (условия материально-бытового характера) и компенсирующих (например, возможность пребывать на открытом воздухе вне стесненного помещения значительное время)².

Проблема переполненности пенитенциарных учреждений давно находится под пристальным вниманием международных органов. Так, Европейский суд по правам человека за весь период своей работы принял 2555 постановлений по данному виду нарушений, что составляет 13 % от общей массы постановлений, в отношении Российской Федерации – 916 постановлений,

или 32 %. В период с 2014 по 2020 г. в среднем 23 % всех постановлений, принимаемых ЕСПЧ, приходилось на нарушения по ст. 3 в части бесчеловечного или унижающего достоинство обращения, примерно 16 % – на жалобы, связанные с переполненностью в местах лишения свободы. Повышенное внимание к данной проблеме со стороны международных органов гарантировало ее значимость и на национальном уровне. Внутригосударственные органы, осуществляющие контроль за законностью при исполнении уголовных наказаний, особую важность придают вопросам условий содержания подозреваемых, обвиняемых, осужденных. Обращение в контролирующие органы является эффективным средством правовой защиты от данного нарушения. По мнению ЕСПЧ, национальное средство правовой защиты будет эффективным при соблюдении следующих условий: оно является доступным, понятным, прозрачным и позволяет предупредить, пресечь и восстановить нарушенное право. В Российской Федерации имеются как внесудебные, так и судебные средства правовой защиты. К числу внесудебных относятся: обращения в администрацию пенитенциарного учреждения, прокуратуру, общественную наблюдательную комиссию, к уполномоченному по правам человека и др. Судебным средством правовой защиты является обращение с гражданским или административным иском в суд. Рассмотрим более подробно имеющиеся средства правовой защиты от переполненности пенитенциарного учреждения с позиции ЕСПЧ.

Обращение в администрацию пенитенциарного учреждения ЕСПЧ считает неэффективным средством, так как субъект рассмотрения обращения не заинтересован в установлении нарушения и удовлетворении жалобы заявителя. Вынося данный вердикт, ЕСПЧ не требует от заявителя использовать данное средство защиты. Можно согласиться с доводами суда относительно отсутствия у администрации учреждения независимости при рассмотрении обращения заключенного. В то же время обращение в администрацию пенитенциарного учреждения позволит выявить проблему и при возможности решить ее в кратчайшие сроки. Данное средство следует рассматривать как первичную защиту, способ предупредить нарушение права. Такое обращение со стороны заявителя необходимо признать обязательным. Для укрепления позиции администрации следственного изолятора

в этом отношении необходимо пересмотреть полномочия начальников и наделить их правом отказа в принятии заключенного при превышении лимитов наполняемости учреждения. Данное предложение было высказано ЕСПЧ еще в 2012 г. в пилотном постановлении «Ананьев и другие против России» (§ 206) относительно следственных изоляторов. В этом случае информация о наполняемости и лимите пенитенциарного учреждения, направляемая администрацией в суд и другие заинтересованные органы, будет носить не только информационный, но и юридически значимый характер.

Обращение в прокуратуру является довольно распространенным способом защиты прав и свобод человека. Так, в 2019 г. в органы прокуратуры поступило 5 015 154 обращения (АППГ – 4 794 660), разрешено 2 041 770 обращений (АППГ – 2 016 731), из них по вопросам надзора за соблюдением законов при исполнении уголовных наказаний 47 563 (АППГ – 44 754), что составляет 2 % от всех разрешенных обращений.

Надзор за исполнением законности в пенитенциарных учреждениях является самостоятельным направлением деятельности Генеральной прокуратуры и подчиненных ей прокуратур. Надзор осуществляется как по собственной инициативе, так и по запросу. Основным регламентирующим документом выступает Приказ Генпрокуратуры России от 16.01.2014 № 6 «Об организации надзора за исполнением законов администрациями учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, следственных изоляторов при содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений».

Прокуратура как правозащитный орган обладает превентивными и восстановительными полномочиями. Статья 33 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. 01.07.2021) «О прокуратуре Российской Федерации» наделяет прокуратуру широкими компетенциями по контролю за соблюдением условий содержания в пенитенциарных учреждениях: посещение пенитенциарного учреждения, проведение опросов содержащихся там лиц, знакомство с документами и оперативными материалами, получение объяснений от должностных лиц и др. При выявлении нарушений прокурор имеет право вносить протесты, представления, возбуждать производство об административных правонарушениях и привлекать должностных лиц к дисциплинарной ответственности и др. Таким образом, действия

прокуратуры направлены в первую очередь на предупреждение и пресечение нарушений прав человека. Следует согласиться с мнением ученых о том, что эффективность деятельности прокуратуры в данном случае будет зависеть от сотрудничества с администрацией пенитенциарного учреждения. Лишь совместные усилия позволят снизить уровень переполненности пенитенциарных учреждений и обеспечат надлежащие условия содержания в них³.

Европейский суд по правам человека, оценивая эффективность прокуратуры как государственного правозащитного органа, отмечает ее независимость, самостоятельность, оперативность при пресечении данных нарушений, но при этом указывает, что недостатком процедуры ее деятельности является отсутствие возможности участия заявителя при проверке и принятии решения по его жалобе (§ 215–216 постановления по делу «Ананьев и другие против России» от 10.01.2012, § 45 постановления по делу «Бутко против России» от 12.11.2015). Однако данный механизм предусмотрен национальным законодательством, в частности п. 1.13 приказа Генпрокуратуры России № 6 закрепляет возможность участия заявителя при рассмотрении его обращения прокурором: по каждому обращению подозреваемых, обвиняемых и осужденных прокурор проводит тщательную всестороннюю проверку, в случае необходимости – с участием заявителя, предоставив ему возможность ознакомиться с информацией на изложенные в обращении доводы, данной лицами, чьи действия (бездействие) им обжалуются, и комментировать ее. Таким образом, прокурор сам оценивает необходимость участия заявителя в рассмотрении его обращения. Возможно, данный механизм прокурорами применяется не всегда, что дает право ЕСПЧ указывать на данный недостаток и оценивать обращение в прокуратуру как неэффективное средство. Для устранения такой коллизии необходимо конкретизировать норму приказа Генпрокуратуры России № 6, установив четкие условия, при которых прокурор должен привлекать заявителя к участию в рассмотрении жалобы.

В качестве независимого средства правовой защиты в отношении предупреждения и пресечения переполненности в пенитенциарных учреждениях можно рассматривать обращение к уполномоченному по правам человека. Система уполномоченных по правам человека, созданная на федеральном и региональном уровнях в конце

1990-х гг., выполняет функцию контроля за деятельностью государства и его органов по соблюдению прав и свобод человека. Согласно гл. III Федерального конституционного закона от 26.02.1997 № 1-ФКЗ (ред. от 09.11.2020) «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» уполномоченный вправе рассматривать обращения, проводить проверки по жалобам граждан, делать запросы в государственные органы и направлять им заключения по результатам проверок с рекомендациями по устранению и восстановлению нарушенных прав граждан. При поступлении обращений уполномоченные по правам человека имеют возможность без препятствий посещать учреждения уголовно-исполнительной системы, беседовать с заключенными, в случаях выявления фактов нарушений прав лиц, находящихся в пенитенциарных учреждениях, – обращаться в прокуратуру, судебные органы для защиты прав потерпевших и др. Так, например, в 2020 г. уполномоченным и его рабочим аппаратом в адрес органов прокуратуры Российской Федерации было направлено 9178 обращений, из них 9115 – в связи с рассмотрением поступивших жалоб. Большая часть – 2424 обращения – касалась вопросов защиты прав лиц, содержащихся в уголовно-исполнительной системе (26 %)⁴. Статистика обращений свидетельствует о доверии граждан к данному органу. Однако эффективность подобных обращений ЕСПЧ ставит под сомнение, связывая это с отсутствием у данного органа властных полномочий. Для укрепления статуса уполномоченных по правам человека необходимо наделить омбудсмена полномочиями не только по вынесению обязательных для государственных органов решений, но и по рассмотрению жалоб граждан на действия (бездействие) органов публичной власти, их должностных лиц, а также организаций, выполняющих общественно значимые функции⁵.

В 2008 г. в Российской Федерации созданы общественные наблюдательные комиссии (ОНК) как орган общественного контроля за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания. Обращение в ОНК является еще одним средством правовой защиты для лиц, содержащихся в переполненных помещениях исправительных учреждений. Федеральный закон от 10.06.2008 № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудитель-

ного содержания» позволяет ОНК беспрепятственно посещать места принудительного содержания; рассматривать обращения лиц, содержащихся в местах принудительного содержания; по итогам контроля представлять материалы в компетентные органы и средства массовой информации. Оценивая эффективность обращения в ОНК, ЕСПЧ указывает, что она напрямую зависит от полномочий ОНК. Поскольку данный орган не может принимать решения обязательного характера, эффективность эта незначительна (§ 44 постановления по делу «Бутко против России» от 12.11.2015, § 78–79 постановления по делу «Дирдизов против Российской Федерации» от 27.11.2012). В таком контексте решение рассматриваемой проблемы видится в укреплении правового статуса ОНК путем наделения их правом принимать юридически обязательные решения.

Эффективным средством правовой защиты, по мнению ЕСПЧ, является обращение в суд, так как именно судебные органы обладают полномочиями по восстановлению нарушенного права, в отличие от других правозащитных механизмов. Однако наличие в государстве судебной системы еще не свидетельствует о ее эффективности. В Российской Федерации в настоящее время защита права на удовлетворительные условия содержания может быть реализована в рамках как гражданского (ст. 1069, 151 и 1101 ГК РФ), так и административного производства (ст. 227.1 КАС РФ). Важной особенностью гражданского производства выступает то, что истец подает заявление о компенсации морального вреда в случаях причинения ущерба его имуществу или здоровью. Отличительной же чертой административного производства по ст. 227.1 КАС РФ является то, что истец подает заявление с требованием о присуждении компенсации за нарушение условий содержания под стражей и/или в исправительном учреждении одновременно с требованием об оспаривании решения, действия (бездействия) органа государственной власти, учреждения, их должностных лиц, государственных служащих. Обращение в суд с административным иском – это новое средство правовой защиты, которое начало действовать с 27 января 2020 г. Оценив вновь введенный правозащитный механизм, ЕСПЧ отметил, что данное средство является доступным и эффективным, и указал причины, по которым он пришел к такому выводу, изложив их в постановлении по делу «Шмелев и другие против России» от 20.03.2020:

- относительно небольшая оплата госпошлины, которая может быть уплачена в рассрочку или вообще отменена судом;
- оказание судом помощи истцу в получении доказательств;
- определение типов нарушений, при установлении которых истец имеет право на компенсацию;
- право на помощь адвоката или другого представителя по своему выбору;
- небольшие сроки рассмотрения жалобы;
- принятие судом решения о получении компенсации заявителем без наличия вины со стороны государственных органов или государственных служащих;
- возможность для суда выступить в роли превентивного средства правовой защиты путем принятия срочных мер, которые могут выражаться в вынесении решения о переводе заключенного в другое помещение или проведении медицинского освидетельствования;
- обязательность информирования суда при удовлетворении иска истца в течение месяца о принятых мерах по его исполнению со стороны ответчика, выдача исполнительного листа судом в случае неисполнения его решения;
- обязательность включения в решение суда подробных мотивировочной и резолютивной частей с указанием и обоснованием размера денежной компенсации.

Давая оценку данному средству правовой защиты, ЕСПЧ оговорился, что его позиция может измениться в случае, если практика внутригосударственных судов покажет в долгосрочной перспективе, что указанные критерии нарушаются. Анализ судебной

практики по применению нового средства правовой защиты с 2020 г. по настоящее время позволил заключить, что в российских судах отсутствует единый подход к решению данной категории дел, также можно отметить, что значительное количество решений первых инстанций подлежит пересмотру в апелляционных судах и отправке на новое рассмотрение⁶. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25.12.2018 № 47 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при рассмотрении административных дел, связанных с нарушением условий содержания лиц, находящихся в местах принудительного содержания» требует доработки в связи с принятием ст. 227.1 КАС РФ для формирования единообразной практики ее применения всеми российскими судами. Оценку реализации нового средства правовой защиты с точки зрения практики еще предстоит провести.

Подводя итог, хотелось бы отметить следующее. Переполненность в местах лишения свободы – проблема многих государств, в том числе и Российской Федерации. Можно выделить четыре основные группы факторов, влияющих на численность тюремного населения: экономические, политические, правовые, исправительные⁷. Это свидетельствует о многоаспектности проблемы, требующей внимания со стороны различных органов. Кроме того, необходимо углубление взаимодействия всех органов власти и правозащитных структур, обладающих полномочиями по контролю за обеспечением прав человека в пенитенциарных учреждениях, в решении проблемы перепополненности пенитенциарных учреждений.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ URL: https://wp.unil.ch/space/files/2021/04/210330_FinalReport_SPACE_I_2020.pdf (дата обращения: 20.04.2021).

² Первозванский В. Б., Антипов А. Н., Голик Н. М. Основные подходы к устранению необоснованных лимитов и запретов в уголовно-исполнительном законодательстве России. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnyepodhody-k-ustraneniyu-neobosnovannyh-limitov-i-zapretov-v-ugolovno-ispolnitel'nom-zakonodatel'stve-rossii> (дата обращения: 10.07.2021).

³ Шамсунов С. Х., Жилияев Р. М. К вопросу о совершенствовании законодательства, регулирующего порядок и условия содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений с учетом рекомендаций Европейского суда по правам человека // Вестн. Воронеж. ин-та ФСИН России. 2018. № 1. С. 225.

⁴ Москалькова Т. Н. Взаимодействие Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации с органами прокуратуры по вопросам защиты прав человека в уголовном процессе // Прецеденты Европ. суда по правам человека. Роль прокуратуры в защите прав человека и публич. интереса. 2021. № 9. С. 6.

⁵ 25 тезисов Уполномоченного по правам человека в РФ. URL: <https://an-babushkin.livejournal.com/1279322.html> (дата обращения: 25.07.2021).

⁶ Решение Красноярского краевого суда по делу № 33-5269/2020 от 27.05.2020. URL: https://kraevoy--krk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=doc&srv_num=1&number=11737756&delo_id=5&new=5&text_number=1 (дата обращения: 10.02.2021).

⁷ Тепляшин П. В. Неолиберальное развитие пенитенциарных систем : моногр. М., 2020. С. 72.

¹ URL: https://wp.unil.ch/space/files/2021/04/210330_FinalReport_SPACE_I_2020.pdf (дата обращения: 20.04.2021).

² Pervozvanskij V. B., Antipov A. N., Golik N. M. Osnovnye podhody k ustraneniyu neobosnovannyh limitov i zapretov v ugolovno-ispolnitel'nom zakonodatel'stve Rossii. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnyepodhody-k-ustraneniyu-neobosnovannyh-limitov-i-zapretov-v-ugolovno-ispolnitel'nom-zakonodatel'stve-rossii>

ustraneniyu-neobosnovannyh-limitov-i-zapretov-v-ugolovno-ispolnitelnom-zakonodatelstve-rossii (data obrashcheniya: 10.07.2021).

³ SHamsunov S. H., ZHilyaev R. M. K voprosu o sovershenstvovanii zakonodatel'stva, reguliruyushchego poryadok i usloviya sodержaniya pod strazhej podozrevaemyh i obvinyaemyh v sovershenii prestuplenij s uchetom rekomendacij Evropejskogo suda po pravam cheloveka // Vestn. Voronezh. in-ta FSIN Rossii. 2018. № 1. S. 225.

⁴ Moskal'kova T. N. Vzaimodejstvie Upolnomochennogo po pravam cheloveka v Rossijskoj Federacii s organami prokuratury po voprosam zashchity prav cheloveka v ugolovnom processe // Precedenty Evrop. suda po pravam cheloveka. Rol' prokuratury v zashchite prav cheloveka i publich. interesa. 2021. № 9. S. 6.

⁵ 25 tezisev Upolnomochennogo po pravam cheloveka v RF. URL: <https://an-babushkin.livejournal.com/1279322.html> (data obrashcheniya: 25.07.2021).

⁶ Reshenie Krasnoyarskogo kraevogo suda po delu № 33-5269/2020 ot 27.05.2020. URL: https://kraevoy--krk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=doc&srv_num=1&number=11737756&delo_id=5&new=5&text_number=1 (data obrashcheniya: 10.02.2021).

⁷ Teplyashin P. V. Neoliberal'noe razvitie penitenciarnyh sistem : monogr. M., 2020. S. 72.

Статья поступила 18.10.2021

DOI 10.46741/2713-2811-2021-5-60-65

УДК 343.8

Зарубежный опыт ресоциализации осужденных женщин, отбывающих лишение свободы с детьми

О. Е. КУРЕНКОВА – начальник кафедры организации психологической службы в уголовно-исполнительной системе психологического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат педагогических наук, доцент;

С. Н. ШИШИГИНА – научный сотрудник организационно-научного отдела ВИПЭ ФСИН России

Авторы статьи обращаются к практике социальной работы с осужденными женщинами, имеющими детей, в исправительных учреждениях зарубежных стран и делают вывод о целесообразности использования этого богатого положительного опыта в качестве эффективного средства ресоциализации, по результатам чего формируют рекомендации по совершенствованию российского уголовно-исполнительного законодательства в отношении осужденных женщин с детьми.

К л ю ч е в ы е с л о в а : осужденные матери; исправительные учреждения; социальная работа; социальные контакты; социальная помощь; ресоциализация; сопровождение.

12.00.08 – Уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Куренкова О. Е., Шишигина С. Н. Зарубежный опыт ресоциализации осужденных женщин, отбывающих лишение свободы с детьми. *Ius publicum et privatum* : сетевой научно-практический журнал частного и публичного права, 2021, № 5 (15), с. 60–65, DOI 10.46741/2713-2811-2021-5-60-65.

Foreign experience of resocialization of convicted women, serving imprisonment with children

O. E. KURENKOVA – Head of the Department of Organization of Psychological Service in the Penitentiary System of the Psychology Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, PhD. of Pedagogics, Associate Professor;

S. N. SHISHIGINA – Researcher of Organizational and Scientific Department of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia

The authors of the article refer to the practice of social work with convicted women with children in correctional institutions of foreign countries, describe the methods of social work to support contacts of convicted mothers with children in isolation. The rich foreign experience of social support of convicted women serving sentences with children in various forms confirms the appropriateness of its use as an effective means of their resocialization.

Key words: convicted mothers; correctional institutions; social work; social contacts; social assistance; resocialization; support.

12.00.08 – Criminal law and criminology, penal law.

For citation: Kurenkova O. E., Shishigina S. N. Foreign experience of resocialization of convicted women, serving imprisonment with children. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2021, no. 5 (15), pp. 60–65, DOI 10.46741/2713-2811-2021-5-60-65.

Современный этап развития пенитенциарной практики связан с реализацией дифференцированного подхода к исполнению уголовного наказания, и соответственно, к социальной работе с осужденными. Специфичность ее организации в условиях исправительных учреждений (далее – ИУ) обуславливает необходимость поиска эффективных средств воздействия на индивидуальную трудную жизненную ситуацию осужденного с учетом его особенностей.

Обращение к проблемам ресоциализации лишенных свободы осужденных женщин, имеющих малолетних детей, обусловлено тем, что при организации исполнения наказания и социального сопровождения в ИУ особенности этой категории осужденных учитываются не в полной мере. В то же время статистические данные позволяют утверждать, что рассматриваемая категория осужденных достаточно многочисленна. По состоянию на 1 мая 2021 г. в учреждениях уголовно-исполнительной системы России содержится 39 227 женщин, в том числе 29 604 – в исправительных колониях, лечебных исправительных учреждениях, лечебно-профилактических учреждениях, воспитательных колониях и 9623 – в следственных изоляторах и помещениях, функционирующих в режиме следственного изолятора. При женских колониях имеется 13 домов ребенка, в которых проживает 355 детей¹.

Незначительная доля осужденных женщин (около 8 %) указывает на ряд проблем, существующих при исполнении наказания в виде лишения свободы: отсутствие женских исправительных колоний в ряде субъектов Российской Федерации, сложности в организации домов ребенка, фрагментарность социального сопровождения осужденных матерей. Все это препятствует эффективной ресоциализации и ставит перед сотрудниками ИУ новые задачи, требующие поиска современных и работающих инструментов индивидуального воздействия на трудную жизненную ситуацию осужденной.

Международные нормы исполнения наказания и социального сопровождения осужденных женщин представлены в Бангкокских правилах ООН², принятых Генеральной Ассамблеей, где указано, что потребности осужденных женщин в значительной мере не удовлетворены. Особенно это касается поддержания контактов с членами семьи, в том числе с детьми. Вместе с тем данный нормативный документ гласит, что контакты заключенных женщин с семьями, а также с детьми, опекунами, юридическими пред-

ставителями их детей одобряются и поощряются всеми разумными способами (совместное проведение свободного времени, нахождение детей при матерях в ИУ, свидания с участием детей и др.). В Конвенции о контактах, связанных с детьми³, содержится соответствующее понятие: это пребывание ребенка в ограниченный период вместе с родителями или встреча с ними, а также любая форма общения с ними. Ограничение или запрет на такой контакт может быть применено исключительно в интересах ребенка.

Следует отметить, что право на контакт с ребенком заключенной женщины предусматривает процесс непрерывного взаимодействия матери и ребенка, сопровождающийся комплексом мер, обеспечивающих его и определяющих его как совокупность прав и обязанностей всех субъектов, включенных в него. Рассмотрим далее применяемые в ИУ различных стран способы социальной работы по сопровождению контактов осужденных матерей с детьми в условиях изоляции.

В ряде зарубежных государств дети осужденных матерей передаются близким родственникам либо направляются в специальные приюты, в других установлен запрет на пребывание детей в тюрьмах (Норвегия, Китай).

Тюрьма Аранхуэс в Испании считается первым в мире ИУ, где находятся семьи преступников, проживающие в специальных комплексах⁴. Персонал пенитенциарного учреждения обеспечивает помещения для встреч родителей и детей всем необходимым, в том числе развивающим инвентарем и игрушками, а осужденных родителей обучают воспитывать детей и дают им возможность жить вместе в среде, более комфортной, чем стандартная тюремная камера. По достижении ребенком трехлетнего возраста его направляют для дальнейшего проживания к родственникам. Такая практика позволяет минимизировать травмирование психики ребенка и способствует реабилитации осужденных.

В исправительных учреждениях Германии создаются специализированные автономные тюремные блоки, имеющие ясли, сад, детские площадки, подъемники детских колясок на жилые этажи, а также комнаты для матери и ребенка. Здесь осужденные могут находиться до достижения ребенком школьного возраста. В Дании и Греции совместное проживание матери и ребенка возможно, даже когда женщина приговорена к одиночному заключению⁵.

Однако в большинстве стран оптимальной формой содержания детей вместе с осужденными матерями признаны дома матери и ребенка. Они занимают пограничное положение: с одной стороны, это учреждения системы социальной защиты детей, а с другой – специальные учреждения пенитенциарной системы. Именно поэтому их функции двойственны: они обеспечивают условия исполнения наказания для заключенных женщин в соответствии с требованиями законодательства и предоставляют кров и необходимое попечение матерям и их детям⁶.

Несколько иная практика сложилась в тюрьме штата Карнатака в Индии, где организованы ясли и детские сады для детей, находящихся в заключении вместе с родителями. Эти же ясли посещают и дети сотрудников ИУ, и дети горожан, живущих рядом с тюрьмой. Такой гуманитарный проект помогает сгладить проблемы социальной изоляции детей, живущих в тюрьме, предоставляя им возможность поддерживать широкие социальные контакты и общаться с детьми из соседних кварталов⁷. В Италии расширению социального круга детей осужденных женщин способствует создание при тюрьмах материнских блоков, в которых уход за детьми осуществляют патронажные сестры⁸. В исправительном учреждении Хиндельбанк в Швейцарии создано отделение подготовки осужденных женщин к освобождению, которое включает группу матери и ребенка на шесть мест⁹. Здесь женщины воспитывают своих детей до трех лет, а сотрудники отделения исправительного учреждения (педагоги, социальные педагоги, социальные и медицинские работники) помогают им в этом.

Сотрудники выполняют специфические задачи, которые осужденные матери решить не могут (или это им запрещено):

- организуют экскурсии за пределами исправительного учреждения, чтобы дети могли участвовать в общественной жизни и усваивать ее правила и нормы;

- в сфере социальных отношений – находятся рядом с детьми в качестве опекунов, сопровождая их за пределами ИУ;

- в вопросах здоровья и физического ухода – сопровождают заболевших детей к врачам, доставляют лекарства и обеспечивают соответствующее питание (в том числе контролируют кормление и каждый коллективный прием пищи);

- в сфере ухода и опеки – выполняют родительские обязанности в отсутствие осужденных матерей¹⁰.

Этот перечень профессиональных функций показывает, насколько ограничена материнская автономия и велика зависимость осужденных матерей от персонала ИУ в вопросах как питания и сохранения здоровья, так и ухода за детьми и их поддержки.

Помимо ухода за детьми в ряде зарубежных ИУ воспитатели оказывают осужденным матерям помощь в организации игр и упражнений для детей, проводят лекции и семинары на педагогические темы. Регулярно организуются беседы по поводу взаимоотношений с ребенком с участием матери, воспитателя и психолога¹¹.

Одним из оптимальных инструментов социальной работы в зарубежных пенитенциарных системах признаны исправительные и образовательные программы (или программы ресоциализации). Для осужденных беременных женщин и женщин, отбывающих наказание совместно с детьми, они также разрабатываются.

Только в десяти штатах США созданы детские программы тюремного заключения¹² – в таких ИУ младенцы не разлучены со своими матерями. Осужденных женщин в рамках программы консультируют, а также формируют у них родительскую компетентность. Отбывая наказание совместно с детьми, осужденные женщины обязаны посещать занятия по развитию и воспитанию детей¹³. Такие курсы дополняют программу получения общего образования.

Отметим также, что в рамках подобных программ в США создаются так называемые семейные лечебные центры¹⁴, где женщины, осужденные за совершение ненасильственных преступлений и имеющие детей, при поддержке персонала могут не только совершенствовать собственные родительские навыки, но и сформировать позицию отказа от продолжения преступной деятельности.

Имеются в американской практике и реализуемые христианскими благотворительными организациями программы для осужденных женщин, находящихся в разлуке со своими детьми¹⁵. Они помогают справиться с негативными чувствами, подобрать оптимальную стратегию совладания, найти занятие, позволяющее осужденной матери переключить эмоции и разум в период отбывания наказания.

Представляет интерес специфика организации свиданий матерей с детьми¹⁶. В ряде зарубежных ИУ созданы семейные уголки, где размещены фотографии матерей и их детей, письма, рисунки, записки и др. Создание такой атмосферы интимности

и спокойствия содействует укреплению отношений между матерью и ребенком. Осужденным матерям разрешается также записывать на аудиовизуальные носители сказки на ночь для своих детей и посылать их им.

Во всех пенитенциарных учреждениях для женщин в Великобритании работает профильная трехгодичная программа «Преобразование жизни»¹⁷, основанная на взаимодействии органов государственной власти, местного самоуправления, благотворительных фондов, неправительственных организаций Англии, Уэльса, Шотландии и Северной Ирландии. Участие в программе позволяет осужденным получить социальную поддержку, особенно в ситуации семейной дисфункции, обусловленной попаданием в ИУ супруги/матери.

В ФРГ особенной мерой социальной защиты осужденных женщин, имеющих детей, выступает формирование первоначального капитала за счет ежемесячных отчислений в размере 4/7 дохода осужденной, в том числе за счет алиментов, которым она может распорядиться только после освобождения из ИУ для обеспечения и организации жизни – своей и ребенка¹⁸.

Иногда содержание осужденных женщин совместно с детьми рассматривается в качестве особого средства их ресоциализации и даже определяет построение особенных пенитенциарных моделей. Обратимся к опыту исправительного учреждения Финляндии «Ваная»¹⁹, где осужденные женщины содержатся совместно с детьми до трех лет. Они обязаны готовить еду для своих детей, гулять с ними, стирать, читать им книги, играть (это особая форма трудовой занятости осужденных). Забота о ребенке и ответственность за него – особые средства ресоциализации осужденных женщин и обучения их жизни по нормам социума. Выполнение родительских обязанностей контролируют сотрудники учреждения. В Канаде в провинции Британская Колумбия создано профильное исправительное учреждение для осужденных женщин. Здесь они проживают вместе со своими детьми в отдельных домах с удобствами на неогороженной территории максимально удаленно от цивилизации. Общение с детьми и развитие материнской позиции призвано изменить и мировосприятие женщины, и ее поведение²⁰.

Множество программ для осужденных женщин, отбывающих наказание совместно с детьми, предлагается благотворительными организациями. Так, в ИУ штата Вашингтон реализуются проект «SchroederandBells», гарантирующий оказание длительной эмоциональной и физической поддержки беременным осужденным, а также программа для родителей, ориентированная на формирование в исправительном учреждении безопасной и защищенной среды для осужденных матерей и детей (женщинам разрешено общаться со своими новорожденными для приобретения необходимых навыков воспитания и развития детей)²¹. В исправительно-трудовом центре «Покателло» (штат Айдахо) реализуется недельная программа для заключенных женщин и их детей, включающая проведение консультаций и развлекательных мероприятий²².

Таким образом, зарубежный опыт в сфере реализации осужденными к лишению свободы женщинами материнских прав представляет научный интерес и может быть использован в практике пенитенциарных учреждений России. Ряд норм в связи с этим целесообразно включить в действующее российское уголовно-исполнительное законодательство:

– во-первых, предлагаем наряду с функционированием в исправительных учреждениях домов ребенка предусмотреть возможность нормативного закрепления в ч. 1 ст. 100 УИК РФ иных форм совместного содержания осужденных матерей с детьми, например отдельных материнских блоков (изолированных участков), комнат совместного проживания матери и ребенка;

– во-вторых, следует пересмотреть предельный возраст нахождения ребенка совместно с матерью в исправительном учреждении, увеличив его с трех до шести лет, при условии создания соответствующих условий содержания, ухода, воспитания и обучения ребенка и внести соответствующие изменения в ч. 3 ст. 100 УИК РФ.

Кроме того, считаем целесообразным в рамках реализации общественного воздействия расширить практику привлечения благотворительных организаций к решению вопросов ресоциализации осужденных женщин, имеющих детей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы. URL: <http://фсин.пф/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (дата обращения: 03.06.2021).

² URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bangkok_rules.shtm (дата обращения: 05.05.2018).

- ³ URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=26506#02022363236802156> (дата обращения: 05.05.2018).
- ⁴ Психологическое сопровождение материнства в исправительных учреждениях. URL: https://studref.com/680989/pravo/psihologicheskoe_soprovozhdenie_materinstva_ispravitelnyh_uchrezhdeniyah (дата обращения: 04.02.2021).
- ⁵ Стеничкин Г. Социально-правовое значение отсрочки отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей // Вестник уголов.-исполнит. системы. 2003. № 4. С. 49.
- ⁶ Отт М. Малолетние дети с матерями в заключении. Этнографическое исследование. Условия развития в (открытой и закрытой) тюремной системе. Отчет о пилотном исследовании в домах матери и ребенка в учреждениях исполнения наказания открытого и закрытого типов. Франкфурт-на-Майне, 2012. URL: https://www.pedocs.de/volltexte/2012/5768/pdf/Ott_2012_Kleinstkinder_mit_ihren_Muettern_in_Haft_D_A.pdf (дата обращения: 26.02.2021).
- ⁷ Психологическое сопровождение материнства в исправительных учреждениях.
- ⁸ Стеничкин Г. Социально-правовое значение отсрочки отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей.
- ⁹ Шмид М., Огрохина Е. А. Об особенностях исполнения наказания в виде лишения свободы и принудительных мер уголовно-правового характера в отношении женщин в Швейцарии // Вестн. ин-та: преступление, наказание, исправление. 2015. № 1. С. 78–83.
- ¹⁰ Отт М. Малолетние дети с матерями в заключении. Этнографическое исследование. Условия развития в (открытой и закрытой) тюремной системе. Отчет о пилотном исследовании в домах матери и ребенка в учреждениях исполнения наказания открытого и закрытого типов.
- ¹¹ Марухно Е. Ю., Латышева Л. А., Борзенко Ю. А. Право на возможность формирования безопасной привязанности ребенка к осужденной матери, отбывающей наказание в виде лишения свободы в зарубежных пенитенциарных учреждениях // Вестн. Кузбас. ин-та. 2020. № 4 (45). С. 161–172.
- ¹² Беременность в тюрьме: 6 шокирующих фактов о рождении за решеткой. URL: <http://crimefeed.com/2015/06/6-things-youll-experience-giving-birth-prison> (дата обращения: 02.04.2018).
- ¹³ Марухно Е. Ю., Латышева Л. А., Борзенко Ю. А. Право на возможность формирования безопасной привязанности ребенка к осужденной матери, отбывающей наказание в виде лишения свободы в зарубежных пенитенциарных учреждениях.
- ¹⁴ Заключение женщин в США. URL: https://ru.qaz.wiki/wiki/Incarceration_of_women_in_the_United_States#Care_after_childbirth (дата обращения: 04.02.2021).
- ¹⁵ Онищенко И. С. Исполнение наказания в виде лишения свободы в отношении женщин, имеющих малолетних детей : дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2019.
- ¹⁶ Новиков А. В., Кулакова С. В., Слабская Д. Н. Пенитенциарное материнство. Экспертное мнение, заключение и выводы // Вопр. рос. и междунар. права. 2018. Т. 8, № 9А. С. 195–204.
- ¹⁷ Алфимова О. А. Реализация наказания в виде лишения свободы в отношении заключенных женщин за рубежом (на примере США и Великобритании) // Вестн. Кузбас. ин-та. 2016. № 4 (29). С. 19–25.
- ¹⁸ Онищенко И. С. Исполнение наказания в виде лишения свободы в отношении женщин, имеющих малолетних детей.
- ¹⁹ Гусева С. И. Женская преступность в Финляндии // Человек: преступление и наказание. 2009. № 3 (66). С. 132–135.
- ²⁰ Канадская тюрьма. URL: https://pikabu.ru/story/zhizn_voram_3345988?cid=46634146 (дата обращения: 02.04.2018).
- ²¹ Детские программы тюрьмы в других государствах. URL: https://www.cga.ct.gov/2012/rpt/2_012-R-0157.htm (дата обращения: 02.04.2018).
- ²² Перинатальные потребности беременных женщин, взятых под стражу. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC2409166/> (дата обращения: 04.02.2021).

¹ Kratkaya karakteristika ugovolno-ispolnitel'noj sistemy. URL: <http://fsin.rf/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (дата обращения: 03.06.2021).

² URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bangkok_rules.shtm (дата обращения: 05.05.2018).

³ URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=26506#02022363236802156> (дата обращения: 05.05.2018).

⁴ Psihologicheskoe soprovozhdenie materinstva v ispravitel'nyh uchrezhdeniyah. URL: https://studref.com/680989/pravo/psihologicheskoe_soprovozhdenie_materinstva_ispravitelnyh_uchrezhdeniyah (дата обращения: 04.02.2021).

⁵ Stenichkin G. Social'no-pravovoe znachenie otsrochki otbyvaniya nakazaniya beremennym zhenshchinam i zhenshchinam, imeyushchim maloletnih detej // Vedomosti ugovol.-ispolnit. sistemy. 2003. № 4. S. 49.

⁶ Ott M. Maloletnie deti s materyami v zaklyuchenii. Etnograficheskoe issledovanie. Usloviya razvitiya v (otkrytoj i zakrytoj) tyuremnoj sisteme. Otchet o pilotnom issledovanii v domah materi i rebenka v uchrezhdeniyah ispolneniya nakazaniya otkrytogo i zakrytogo tipov. Frankfurt-na-Majne, 2012. URL: https://www.pedocs.de/volltexte/2012/5768/pdf/Ott_2012_Kleinstkinder_mit_ihren_Muettern_in_Haft_D_A.pdf (дата обращения: 26.02.2021).

⁷ Psihologicheskoe soprovozhdenie materinstva v ispravitel'nyh uchrezhdeniyah.

⁸ Stenichkin G. Social'no-pravovoe znachenie otsrochki otbyvaniya nakazaniya beremennym zhenshchinam i zhenshchinam, imeyushchim maloletnih detej.

⁹ Shmid M., Ogrohina E. A. Ob osobennostyah ispolneniya nakazaniya v vide lisheniya svobody i prinuditel'nyh mer ugovolno-pravovogo haraktera v otnoshenii zhenshchin v SHveycarii // Vestn. in-ta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2015. № 1. S. 78–83.

¹⁰ Ott M. Maloletnie deti s materyami v zaklyuchenii. Etnograficheskoe issledovanie. Usloviya razvitiya v (otkrytoj i zakrytoj) tyuremnoj sisteme. Otchet o pilotnom issledovanii v domah materi i rebenka v uchrezhdeniyah ispolneniya nakazaniya otkrytogo i zakrytogo tipov.

¹¹ Maruhno E. YU., Latsysheva L. A., Borzenko YU. A. Pravo na vozmozhnost' formirovaniya bezopasnoj privyazannosti rebenka k osuzhdennoj materi, otbyvayushchej nakazanie v vide lisheniya svobody v zarubezhnyh penitenciarnykh uchrezhdeniyah // Vestn. Kuzbas. in-ta. 2020. № 4 (45). S. 161–172.

¹² Beremennost' v tyur'me: 6 shokiruyushchih faktov o rozhdenii za reshetkoj. URL: <http://crimefeed.com/2015/06/6-things-youll-experience-giving-birth-prison> (дата обращения: 02.04.2018).

¹³ Maruhno E. YU., Latsysheva L. A., Borzenko YU. A. Pravo na vozmozhnost' formirovaniya bezopasnoj privyazannosti rebenka k osuzhdennoj materi, otbyvayushchej nakazanie v vide lisheniya svobody v zarubezhnyh penitenciarnykh uchrezhdeniyah.

¹⁴ Zaklyuchenie zhenshchin v SSHA. URL: https://ru.qaz.wiki/wiki/Incarceration_of_women_in_the_United_States#Care_after_childbirth (дата обращения: 04.02.2021).

¹⁵ Onishchenko I. S. Ispolnenie nakazaniya v vide lisheniya svobody v otnoshenii zhenshchin, imeyushchih maloletnih detej : dis. ... kand. jurid. nauk. Ryzan', 2019.

¹⁶ Novikov A. V., Kulakova S. V., Slabskaya D. N. Penitenciarное матерinstvo. Ekspertное mnenie, zaklyuchenie i vyvody // Vopr. ros. i mezhdunar. prava. 2018. T. 8, № 9A. S. 195–204.

¹⁷ Alfimova O. A. Realizaciya nakazaniya v vide lisheniya svobody v otnoshenii zaklyuchennykh zhenshchin za rubezhom (na primere SSHA i Velikobritanii // Vestn. Kuzbas. in-ta. 2016. № 4 (29). S. 19–25.

¹⁸ Onishchenko I. S. Iсполнение nakazaniya v vide lisheniya svobody v otnoshenii zhenshchin, imeyushchih maloletnih detej.

¹⁹ Guseva S. I. Zhenskaya prestupnost' v Finlyandii // CHelovek: prestuplenie i nakazanie. 2009. № 3 (66). S. 132–135.

²⁰ Kanadskaya tyur'ma. URL: https://pikabu.ru/story/zhizn_voram_3345988?cid=46634146 (data obrashcheniya: 02.04.2018).

²¹ Detskie programmy tyur'my v drugih gosudarstvah. URL: https://www.cga.ct.gov/2012/rpt/2_012-R-0157.htm (data obrashcheniya: 02.04.2018).

²² Perinatal'nye potrebnosti beremennykh zhenshchin, vzyatykh pod strazhu. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC2409166/> (data obrashcheniya: 04.02.2021).

Статья поступила 15.06.2021

DOI 10.46741/2713-2811-2021-5-66-70

УДК 343.3

Статья 280 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности»: проблемы применения и пути их решения

В. Н. УШАКОВ – студент 3 курса факультета подготовки специалистов для судебной системы Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия

В статье проанализированы проблемы, возникающие при применении ст. 280 Уголовного кодекса Российской Федерации, устанавливающей ответственность за совершение публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности. На сегодняшний день данная норма уголовного закона сконструирована сугубо просто: наименование и содержание диспозиции части 1 полностью совпадают. Представляется, что в ней отсутствует необходимое понятийное содержание, что порой приводит к неправомерному привлечению к уголовной ответственности. Автором предложены возможные пути решения возникающих проблем, в частности речь идет о необходимости внесения изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс об административных правонарушениях. Рассмотрена судебная практика привлечения к ответственности, приводится статистика совершения преступлений по данной норме.

Ключевые слова: публичные призывы; экстремизм; проблемы; уголовная ответственность; уголовный кодекс; экстремистская деятельность; внесение изменений.

12.00.08 – Уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право.

Для цитирования: Ушаков В. Н. Статья 280 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности»: проблемы применения и пути их решения. *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*, 2021, № 5 (15), с. 66–70, DOI 10.46741/2713-2811-2021-5-66-70.

Article 280 of the Criminal Code of the Russian Federation "Public calls to extremist activities": application problems and solutions

V. N. USHAKOV – 3rd Year Student of the Faculty of Training Specialists for Judicial System of the East Siberian Branch of the "Russian State University of Justice"

In this article the author analyzes the problems arising in the law enforcement sphere when applying Art. 280 of the Criminal Code of the Russian Federation, which establishes responsibility for making public appeals extremist activities. Today this provision of the criminal law looks purely simple (the name and content of the disposition of part 1 completely coincide). According to the author the norm lacks the necessary conceptual content, which sometimes leads to illegal bringing to criminal responsibility. The author proposes possible solutions to emerging problems, in particular, the introduction of amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Administrative Offenses. The judicial practice of bringing to responsibility and statistics of crimes committed according to this norm are presented.

Key words: public appeals; extremism; problems; criminal responsibility; Criminal Code; extremist activity; amendments.

12.00.08 – Criminal law and criminology, penal law.

For citation: Ushakov V. N. Article 280 of the Criminal Code of the Russian Federation "Public calls to extremist activities": application problems and solutions. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2021, no. 5 (15), pp. 66–70, DOI 10.46741/2713-2811-2021-5-66-70.

Экстремизм (в переводе с латинского «крайний, чрезмерный») является существенной угрозой национальной безопасности, суверенитету, а также политической и социальной стабильности любого государства мира. Приверженность к крайним взглядам сначала отдельных людей, затем вовлечение в общую идею большого количества граждан зачастую приводят к массовым беспорядкам, несанкционированным митингам, недоверию к действующей власти, что в дальнейшем выливается в проблемы, имеющие более серьезные последствия, подобные тем, которые Россия узнала во время революции 1917 г. Не так давно подобные события произошли на территории Украины, а также в Белоруссии, где, к счастью, были успешно нейтрализованы.

Для подобных проявлений подавления в зачаточном виде государство предусматривает различные меры сдержек и противовесов. Так, УК РФ установлена ответственность за деяния, связанные с экстремистской деятельностью, или, как их еще называют, преступления экстремистской направленности. На это направлены ст. 280–282.3 УК РФ, а также целый ряд статей антитеррористического характера, в той или иной мере относящихся к рассматриваемой тематике. Также ответственность за правонарушения подобного рода закреплена и в КоАП РФ.

В данной статье мы рассмотрим ст. 280 УК РФ, которой предусматривается ответственность за публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности. Заметим, что на сегодняшний день она выглядит сугубо просто, поскольку название статьи и диспозиция части 1 полностью совпадают.

Очень полезным и одновременно неудобным является то, что в примечании к ст. 282.1 УК РФ дано понятие преступлений экстремистской направленности. К таковым следует относить преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной, религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, а также отягчающее наказание обстоятельство, закрепленное п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ, и те преступления, которые предусмотрены соответствующими статьями УК РФ.

Понятие экстремистской деятельности несколько шире. Оно установлено Федеральным законом от 25.07.2002 № 114-ФЗ (ред. от 01.07.2021) «О противодействии экстремистской деятельности».

При этом ни в отдельной статье, ни в качестве примечания не нашло закрепления то, что следует понимать под публичными призывами.

Как справедливо отмечает С. Н. Фридинский, призывами нужно считать целенаправленную деятельность, отличную от формально схожего выражения личного мнения в семейных, дружеских и других беседах¹. Иначе говоря, призывом является одна из форм психического воздействия на человеческое сознание и волю с целью побуждения совершить определенные действия. Именно направленность цели позволяет отграничить призывы от выражения мнения по политическим или государственным вопросам в кругу семьи. Одной из задач таких побуждений является объединение большого количества людей и последующее привлечение их к исполнению уже конкретных видов экстремистской деятельности.

Обязательным признаком, характеризующим призыв в анализируемой норме, считается публичность, которая трактуется как открытость, доступность, а также способность к восприятию неопределенным и неограниченным кругом лиц. Кроме того, публичность состоит в том, что призывы должны осуществляться в присутствии публики и быть на нее направленными.

Следует отметить, что УК РФ, изданный в книжном варианте ООО «Проспект», в ст. 280 отсылает к Постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.06.2011 № 11 (ред. от 20.09.2018) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремисткой направленности»², в частности к его п. 2, 4–6. Здесь имеется информация о том, что понимается под публичными призывами в контексте ст. 280 УК РФ: выраженные в любой форме (будь то устная, письменная или же с использованием технических средств) обращения к другим лицам с целью побудить их к осуществлению экстремистской деятельности.

Однако, чтобы с этим постановлением ознакомиться, его необходимо найти в Интернете. Конечно, можно говорить о том, что сейчас век цифровых технологий и вся законодательная база находится в открытом доступе для всех желающих. Эта точка зрения верна, так как прогресс не стоит на месте. Тем не менее до сих пор по разным причинам большое количество людей пользуются книгами в бумажном варианте, в том числе и нормативными правовыми актами. Кроме того, не следует забывать о том, что действующими стандартами закреплена воз-

возможность³, а где-то и обязанность⁴ публикации официальных документов именно на бумажном носителе.

К сожалению, немногие издательства так ответственно и скрупулезно подходят к опубликованию нормативных правовых актов, как это сделано в упомянутом случае. Руководствуясь нормами этики, не будем приводить негативные примеры. Однако те лица, которые приобрели у таких организаций некачественный товар, фактически лишены возможности быть своевременно осведомленными (сразу после покупки) о существовании постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, разъясняющего содержание той или иной статьи любого кодекса, в том числе и уголовного, и вынуждены трактовать его по-своему. Зачастую такое толкование является неверным и влечет разного рода нежелательные последствия.

Иногда неправильное понимание статьи приводит к неправомерному привлечению к ответственности. Приведем пример из судебной практики, подтверждающий это. Так, приговором Северо-Кавказского окружного военного суда Д. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 280 УК РФ. При этом в качестве обстоятельства, отягчающего наказание, выступало совершение им этого преступления по мотивам религиозной вражды. В суде апелляционной инстанции этот момент был признан неправомерным⁵, так как в ч. 2 ст. 63 УК РФ указано на невозможность учитывать повторно обстоятельство, отягчающее наказание, если оно закреплено в виде признака преступления. Действительно, в примечании к ст. 280.1 УК РФ мотив религиозной ненависти уже сам по себе представляет один из признаков преступных деяний экстремистской направленности, в результате это обстоятельство было исключено из приговора, а наказание смягчено. Данный пример иллюстрирует недостаточную эффективность закрепления понятия преступлений экстремистской направленности в качестве примечания к ст. 282.1 УК РФ.

Статистика привлечения к ответственности по данной статье не такая содержательная, по сравнению с другими деяниями, например убийством и кражей. С каждым годом она меняется и носит циклический характер, так как напрямую зависит от социальной и политической напряженности в стране. По данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, за

2020 г. по рассматриваемой статье было осуждено 147 чел. (12 чел. по ч. 1 и 135 чел. по ч. 2)⁶. Для сравнения: в 2019 г. было 2 чел. (все по ч. 2)⁷, в 2018 г. – 90 чел. (7 чел. по ч. 1 и 83 чел. по ч. 2)⁸, в 2017 г. – 5 чел. (все по ч. 2)⁹, а в 2013 г. – 53 чел. (50 чел. по ч. 1 и 3 чел. по ч. 2)¹⁰.

Основываясь на приведенных данных, можно сделать вывод, что внесенные в 2014 г. в ч. 2 ст. 280 УК РФ изменения дают свои результаты в деле выявления таких преступлений: отчетливо видна распространенность публичных призывов с использованием СМИ или сети Интернет (ранее в этой части говорилось лишь об использовании СМИ). Однако если проанализировать судебную практику, то можно увидеть, что зачастую наказанию по данной норме подвергаются и те, кто совершал призывы целенаправленно и систематически, и те, кто один раз написал нечто в грубой, некорректной форме¹¹, хотя очевидно, что эти деяния имеют разную общественную опасность.

Так, житель г. Читы периодически размещал на своем канале в социальной сети видеозаписи и аудиозаписи, содержащие призывы к массовым беспорядкам, свержению высокопоставленных должностных лиц, а также применению насилия к ним. Он был признан виновным в совершении совокупности преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 212 и ч. 2 ст. 280 УК РФ¹².

В другом случае приговором Брянского районного суда Брянской области М. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 280 УК РФ. В ходе следствия было установлено, что М. опубликовал комментарий к записи в социальной сети с призывом к совершению преступлений по мотивам религиозной вражды¹³.

Подводя итог, следует сказать о том, что уголовный кодекс на сегодняшний день недостаточно подробно описывает такое деяние, как публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности. Диспозиция ч. 1 ст. 280 остается неизменной с 2002 г. (с того времени, когда только зарождалось понимание экстремизма в России и за рубежом). Недостаточная осведомленность в части истинного толкования нормы приводит к незаконному привлечению к ответственности.

Кроме того, по ч. 2 ст. 280 УК РФ привлекаются к ответственности лица, периодически совершающие публичные призывы и реально представляющие опасность для основ конституционного строя и государ-

ственной безопасности, а также те, кто оставил комментарий к сообщению в каком-либо мессенджере. Считаем, что положения ч. 2 в существующем виде нарушают принцип справедливости, то есть соответствие наказания характеру и степени общественной опасности совершенного преступления.

По нашему мнению, для решения выявленных проблем целесообразно внести следующие изменения в законодательство Российской Федерации:

1. Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации:

1) добавить ст. 20.3.3 следующего содержания:

«20.3.3. Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности, совершенные с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет, если эти действия не содержат признаков уголовно наказуемого деяния»;

2) добавить примечание 1 к ст. 20.3.3 следующего содержания:

«1. Под публичными призывами в настоящем Кодексе следует понимать выраженные в любой форме (устной, письменной, с использованием технических средств, информационно-телекоммуникационных сетей общего пользования, включая сеть Интернет) обращения к другим лицам с целью побудить их к осуществлению экстремистской деятельности».

2. В Уголовный кодекс Российской Федерации:

1) ч. 2 ст. 280 изложить в следующей редакции:

«2. Те же деяния, совершенные с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет, лицом после привлечения к административной ответственности за аналогичное деяние»;

2) признать утратившим силу примечание 2 к ст. 282.1;

3) добавить к ст. 280 примечание 1 следующего содержания:

«1. Под преступлениями экстремистской направленности в настоящем Кодексе понимаются преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, предусмотренные соответствующими статьями Особенной части настоящего Кодекса и пунктом “е” части первой статьи 63 настоящего Кодекса»;

4) добавить к ст. 280 примечание 2 следующего содержания:

«Под публичными призывами в настоящей статье следует понимать выраженные в любой форме (устной, письменной, с использованием технических средств, информационно-телекоммуникационных сетей общего пользования, включая сеть Интернет) обращения к другим лицам с целью побудить их к осуществлению экстремистской деятельности».

По нашему мнению, предложенные изменения, разделяющие ответственность за публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности на уголовную и административную, способны значительно уменьшить количество уголовных дел по ст. 280 УК РФ. Тем самым, во-первых, будет обеспечено соответствие наказания совершенному деянию, а во-вторых, снизится репрессивность законодательства в области свободы слова, но меры сдержек и противовесов продолжат действовать. Таким образом, будут соблюдены интересы и общества, и государства.

Также считаем, что предложенные изменения в УК РФ значительно дополнят ст. 280 УК РФ и тем самым сделают представленную в ней информацию доступной, послужат повышению юридической грамотности как государственных органов, являющихся правоприменителями, так и населения Российской Федерации в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Фридинский С. Н. Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности: уголовно-правовая характеристика и вопросы квалификации // Юристъ-Правоведъ. 2008. № 4. С. 67–71.

² Бюл. Верхов. суда Рос. Федерации. 2011. № 8.

³ ГОСТ Р 7.0.97-2016. Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Организационно-распорядительная документация. Требования к оформлению документов. (утв. Приказом Росстандарта от 08.12.2016 № 2004-ст (ред. 14.05.2018)). М., 2017.

⁴ Об утверждении примерной инструкции по делопроизводству в государственных организациях : приказ Росархива (Федеральное архивное агентство) от 11.04.2018 № 44. URL: <https://docs.cntd.ru/document/542623605> (дата обращения: 14.07.2021).

⁵ Апелляционное определение от 13.09.2018 № 205-АПУ18-23 в отношении Д. URL: <http://sudrf.ru/> (дата обращения: 14.07.2021).

⁶ Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам, за 2020 г. URL: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=5669> (дата обращения: 14.07.2021).

⁷ Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам, за 2019 г. URL: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=5669> (дата обращения: 14.07.2021).

⁸ Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам, за 2018 г. URL: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=5669> (дата обращения: 14.07.2021).

⁹ Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам, за 2017 г. URL: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=5669> (дата обращения: 14.07.2021).

¹⁰ Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам, за 2013 г. URL: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=5669> (дата обращения: 14.07.2021).

¹¹ Адвокаты высказались о предложении ввести преюдицию ст. 280 УК. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/advokaty-vyskazalis-o-predlozhenii-vvesti-prejuditsiyu-st-280-uk> (дата обращения: 14.07.2021).

¹² Приговор Железнодорожного суда г. Читы от 11.02.2021. URL: <http://sudrf.ru/> (дата обращения: 14.07.2021).

¹³ URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/web/proc_32/mass-media/news?item=60978344 (дата обращения: 14.07.2021).

¹ Fridinskij S. N. Publichnye prizyvy k osushchestvleniyu ekstremistskoj deyatel'nosti: ugolovno-pravovaya karakteristika i voprosy kvalifikacii // "Urist"-Pravoved". 2008. № 4. S. 67–71.

² Byul. Verhov. suda Ros. Federacii. 2011. № 8.

³ GOST R 7.0.97-2016. Nacional'nyj standart Rossijskoj Federacii. Sistema standartov po informacii, bibliotechnomu i izdatel'skomu delu. Organizacionno-rasporyaditel'naya dokumentaciya. Trebovaniya k oformleniyu dokumentov. (utv. Prikazom Rosstandarta ot 08.12.2016 № 2004-st (red. 14.05.2018)). M., 2017.

⁴ Ob utverzhdenii primernoj instrukcii po deloproizvodstvu v gosudarstvennyh organizacijah : prikaz Rosarhiva (Federal'noe arhivnoe agentstvo) ot 11.04.2018 № 44. URL: <https://docs.cntd.ru/document/542623605> (дата обрaшчeния: 14.07.2021).

⁵ Apellyacionnoe opredelenie ot 13.09.2018 № 205-APU18-23 v otnoshenii D. URL: <http://sudrf.ru/> (дата обрaшчeния: 14.07.2021).

⁶ Otchet o chisle osuzhdennyh po vsem sostavam prestuplenij Ugolovnogogo kodeksa Rossijskoj Federacii i inyh lic, v otnoshenii kotoryh vneseny sudebnye акты po ugolovnym delam, za 2020 g. URL: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=5669> (дата обрaшчeния: 14.07.2021).

⁷ Otchet o chisle osuzhdennyh po vsem sostavam prestuplenij Ugolovnogogo kodeksa Rossijskoj Federacii i inyh lic, v otnoshenii kotoryh vneseny sudebnye акты po ugolovnym delam, za 2019 g. URL: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=5669> (дата обрaшчeния: 14.07.2021).

⁸ Otchet o chisle osuzhdennyh po vsem sostavam prestuplenij Ugolovnogogo kodeksa Rossijskoj Federacii i inyh lic, v otnoshenii kotoryh vneseny sudebnye акты po ugolovnym delam, za 2018 g. URL: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=5669> (дата обрaшчeния: 14.07.2021).

⁹ Otchet o chisle osuzhdennyh po vsem sostavam prestuplenij Ugolovnogogo kodeksa Rossijskoj Federacii i inyh lic, v otnoshenii kotoryh vneseny sudebnye акты po ugolovnym delam, za 2017 g. URL: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=5669> (дата обрaшчeния: 14.07.2021).

¹⁰ Otchet o chisle osuzhdennyh po vsem sostavam prestuplenij Ugolovnogogo kodeksa Rossijskoj Federacii i inyh lic, v otnoshenii kotoryh vneseny sudebnye акты po ugolovnym delam, za 2013 g. URL: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=5669> (дата обрaшчeния: 14.07.2021).

¹¹ Advokaty vyskazalis' o predlozhenii vvesti prejuditsiyu st. 280 УК. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/advokaty-vyskazalis-o-predlozhenii-vvesti-prejuditsiyu-st-280-uk> (дата обрaшчeния: 14.07.2021).

¹² Prigovor ZHeleznodorozhnogo suda g. CHity ot 11.02.2021. URL: <http://sudrf.ru/> (дата обрaшчeния: 14.07.2021).

¹³ URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/web/proc_32/mass-media/news?item=60978344 (дата обрaшчeния: 14.07.2021).

Статья поступила 15.06.2021

Особенности отбывания наказания в Федеративной Республике Германии осужденными к лишению свободы женщинами, имеющими детей

Е. В. ХРАБРОВА – доцент кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат педагогических наук, доцент

Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 г., утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 29.04.2021 № 1138-р, особое внимание уделяет содержанию женщин с детьми, предполагается увеличение возраста ребенка, находящегося в доме ребенка исправительного учреждения либо следственного изолятора. В некоторых зарубежных странах имеется аналогичный опыт. В частности, в Германии с осужденными к лишению свободы женщинами могут проживать дети от рождения до достижения ими дошкольного возраста. В данной статье рассматриваются особенности отбывания наказания осужденными к лишению свободы женщинами, имеющими детей, в Федеративной Республике Германии.

Ключевые слова: осужденные к лишению свободы женщины; дом ребенка; зарубежный опыт; исполнение наказания в виде лишения свободы; уголовно-исполнительное законодательство Германии.

12.00.08 – Уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право.

Для цитирования: Храброва Е. В. Особенности отбывания наказания в Федеративной Республике Германии осужденными к лишению свободы женщинами, имеющими детей. *Ius publicum et privatum : сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*, 2021, № 5 (15), с. 71–74, DOI 10.46741/2713-2811-2021-5-71-74.

Features of serving sentences in the Federal Republic of Germany by women sentenced to imprisonment with children

E. V. KHRABROVA – Associate Professor of the Department of Penal Law and Organization of Educational Work with Convicts of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, PhD. of Pedagogy, Associate Professor

The concept for the development of the penitentiary system of the Russian Federation for the period up to 2030, approved by the order of the Government of the Russian Federation dated April 29, 2021 No. 1138-r, pays special attention to the maintenance of women with children, it is planned to increase the age of a child who is in a child's home in a correctional institution or an investigative institution insulator. Some foreign countries have similar experience. In particular, in Germany, children from birth until they reach preschool age can live with women sentenced to imprisonment. This article examines the peculiarities of serving sentences by women sentenced to imprisonment with children in the Federal Republic of Germany.

Key words: women sentenced to imprisonment; child's home; foreign experience; execution of imprisonment; penal law in Germany.

12.00.08 – Criminal law and criminology, penal law.

For citation: Khrabrova. E. V. Features of serving sentences in the Federal Republic of Germany by women sentenced to imprisonment with children. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2021, no. 5 (15), pp. 71–74, DOI 10.46741/2713-2811-2021-5-71-74.

Закон Федеративной Республики Германии (далее – ФРГ) от 16.03.1976 «Об исполнении наказаний в виде лишения свободы и выражающихся в лишении свободы мерах исправления и безопасности»¹ содержит особые нормы для исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении женщин с детьми (§ 80 «Mütter mit Kinder»). В соответствии с положениями указанного закона ребенок дошкольного возраста может проживать совместно с осужденной женщиной по согласованию с администрацией исправительного учреждения и управлением по делам молодежи, если это не противоречит его благополучию.

В ФРГ целями исполнения наказания в виде лишения свободы являются формирование у осужденных социальной ответственности, которая в будущем не позволит им совершить другие правонарушения, а также защита населения от новых уголовных преступлений. Основными принципами уголовно-исполнительного законодательства признаются: минимизация последствий отбывания наказания для человека, организация жизни в пенитенциарном учреждении таким образом, чтобы она мало отличалась от жизни на свободе; направленность деятельности персонала на помощь осужденному эффективно интегрироваться в жизнь общества. В законе также указано, что сам осужденный ответственен за достижение целей наказания, а администрация учреждения должна его мотивировать и создавать условия (§ 2–4). Перечисленные цели и принципы действуют и в отношении осужденных женщин.

В настоящее время в Германии функционируют девять пенитенциарных учреждений для содержания осужденных женщин с детьми: в Баварии (два), Баден-Вюртемберге, Берлине, Гамбурге, Гессене, Мекленбурге – Передней Померании, Северном Рейне – Вестфалии и Нижней Саксонии. В общей сложности предусмотрено 90–100 мест для отбывания наказания в виде лишения свободы женщинами с детьми. Необходимо отметить, что организация работы конкретного пенитенциарного учреждения регламентируется законодательством соответствующей земли.

Например, порядок функционирования дома матери и ребенка пенитенциарного учреждения для женщин, расположенного в городе Фехте, определен уголовно-исполнительным законом Нижней Саксонии, а в отношении детей – Социальным кодексом ФРГ (т. 8 «Закон о защите детей и молодежи», § 19, 27).

Пенитенциарное учреждение имеет отделения открытого и закрытого типа. В доме матери и ребенка пенитенциарного учреждения для женщин в Фехте предусмотрено 13 мест (два из них для женщин с младенцами) в отделении открытого типа, в которое принимаются дети дошкольного возраста (от 0 до 6 лет), и 5 мест в отделении закрытого типа, где могут находиться дети младше трех лет.

В учреждении разработаны соответствующие критерии отбора:

- принимаются только те дети, для которых жизненно важно избежать разлуки с матерью, и этот факт документально подтвержден;

- мать должна быть в состоянии самостоятельно ухаживать за ребенком, воспитывать его и исполнять обязанности по обеспечению его безопасности;

- мать должна иметь намерение и возможность освободиться со своим ребенком и затем его воспитывать, а не отправить в детский дом;

- наличие документов: отчет от службы по делам детей и молодежи об особенностях развития ребенка и характеристика семейной ситуации с выводом о необходимости совместного содержания матери и ребенка в пенитенциарном учреждении; медицинская страховка на ребенка на весь период его нахождения в учреждении; справка о состоянии здоровья ребенка, отсутствии у него инфекционных заболеваний и отметка о наличии прививки от кори; для матерей молодежного возраста – характеристика от сотрудников службы по делам детей и молодежи о наличии умений и навыков по воспитанию детей; в случае совершения женщиной тяжкого преступления – решение руководства учреждения;

- минимальный срок лишения свободы должен составлять четыре месяца;

- наличие места жительства;

- в исключительных случаях при наличии указанных критериев в закрытом отделении может быть размещена женщина, заключенная под стражу (подозреваемая, обвиняемая);

- должно быть определено место жительства ребенка (семья или социальное учреждение), где он будет находиться в том случае, если мать не сможет за ним ухаживать (например, во время болезни).

Как правило, в доме матери и ребенка содержатся жители Нижней Саксонии, но в исключительных случаях могут приниматься представители других земель ФРГ (для это-

го необходимо дополнительное согласование с министерством юстиции этой земли).

В дом матери и ребенка не принимаются дети, требующие постоянного медицинского ухода вследствие инвалидности или тяжелых заболеваний, а также матери, имеющие физические и психические отклонения, не позволяющие им в полной мере заботиться о детях, или ожидающие депортации.

В данном учреждении реализуются все принципы уголовно-исполнительного законодательства и закона о защите детей и молодежи. Так, учреждение располагает территорией площадью 5 га и имеет большую игровую площадку для детей.

Цель работы дома матери и ребенка – избежать разлуки матери и ребенка во время отбывания женщиной наказания в виде лишения свободы и оказать помощь в уходе за несовершеннолетним. Реализуя принципы, закрепленные в Социальном кодексе ФРГ, персонал направляет все свои усилия на формирование и развитие эмоциональной, познавательной, социальной и практической сфер личности ребенка. Социально-педагогическая поддержка осуществляется в соответствии с индивидуальным планом, составленным с учетом уровня развития и насущных потребностей ребенка. Результаты фиксируются письменно, степень достижения цели проверяется сотрудником службы по делам детей и молодежи. Для этого не реже одного раза в полгода в доме матери и ребенка пенитенциарного учреждения проводится совещание, где обсуждаются вопросы планирования помощи и оценивается эффективность проводимых мероприятий.

Основной принцип работы персонала заключается в том, чтобы видеть в каждом ребенке личность, чье предыдущее развитие могло быть проблематичным, а поведение может иметь девиации. В связи с этим в план работы с ним включаются предложения по коррекции и терапии с целью преодоления имеющихся недостатков и недопущения дальнейших задержек развития личности.

Первоочередное внимание уделяется обеспечению интересов ребенка. В частности, каждый получает качественное медицинское обслуживание, организуются профилактические приемы, проводятся медицинские осмотры, контролируется питание, назначаются врачебные приемы специалистами в сопровождении сотрудников пенитенциарного учреждения. Все изменения фиксируются в медицинской карте ребенка.

Задача педагогического коллектива – создать условия для позитивного развития

ребенка, активизировать эмоциональное и социальное развитие и способствовать укреплению отношений между матерью и ребенком.

Персонал пенитенциарного учреждения обучает матерей ухаживать за детьми, формирует у них родительские навыки, раскрывает особенности воспитания детей разного возраста. Сначала сотрудники показывают, как это должно происходить на практике, а затем женщины самостоятельно выполняют родительские обязанности. У матерей через это не только развиваются практические навыки по обеспечению жизнедеятельности ребенка, но и формируется ответственное отношение к своим обязанностям.

Все действия, предпринимаемые сотрудниками, направлены на решение индивидуальных проблем матери и ребенка. У детей воспитываются такие качества, как уравновешенность, самостоятельность, коммуникабельность. При этом акцент делается на развитие независимой личности с социально одобряемым поведением для дальнейшей успешной осмысленной жизни.

В работе с женщиной особое внимание уделяется не только изучению мотивов преступного поведения, но и переосмыслению социальной роли матери, обретению независимости и уверенности в себе в этой сфере. Женщинам помогают осознать причины и условия, повлекшие совершение ею преступления, и взять на себя ответственность за отказ от преступной деятельности в будущем.

Приоритетными являются воспитательные (педагогические) цели. Так, в работе с ребенком особое внимание уделяется развитию его личности, формированию эмоциональной сферы через игровую деятельность, созданию ситуации социального взаимодействия, в том числе общению с братьями и сестрами с проживанием в доме матери и ребенка для поддержания семейных связей; удовлетворению особых потребностей ребенка, изучению и развитию способностей, созданию эмоционально благополучной среды. Выдается разрешение на посещение в выходные дни отцом или близким родственником ребенка один раз в месяц по желанию матери для поддержания социально полезных связей.

В воспитательной работе с матерью реализуются следующие задачи: научить распознавать потребности ребенка и правильно удовлетворять их, сформировать демократический стиль воспитания, овладеть социальными компетенциями и умением контро-

ликовать свои эмоции, навыками ухода за ребенком и ведения домашнего хозяйства, развить ответственность, помочь осознать собственные недостатки социализации и восполнить их, научить бесконфликтно общаться, сохранить и развить важные социально значимые связи за пределами пени-тенциарного учреждения, способствовать организации осмысленного активного досуга с ребенком.

Женщинам выдается определенная сумма наличных денег (она зависит от возраста ребенка) для покупки продуктов питания и средств ухода. За их целевое расходование осужденная отчитывается перед сотрудниками. При неправильном использовании денег она должна будет возместить их из личных доходов. В том случае, если женщина не хочет или по каким-то причинам не может правильно совершать покупки, она может это делать в сопровождении специалиста или получать помощь продуктами и вещами.

Кроме того, женщины совместно с детьми проходят короткие обучающие курсы по детскому массажу, детскому плаванию, физкультуре, музыке, футболу и играм с мячом, детскому творчеству, другие курсы по желанию. Таким образом, они получают полезные навыки ухода за детьми, в ходе чего

приходят к осознанию значимости этого процесса.

Женщины, имеющие особые потребности (например, очень юные мамы), получают соответствующую помощь от персонала учреждения, для них разрабатываются индивидуальные программы.

Все женщины, имеющие детей старше 6 месяцев, должны в соответствии с распорядком дня работать с 8 до 12 часов. В это время дети находятся в игровой комнате под присмотром специалистов.

Подводя итог, необходимо назвать положительные моменты, существующие в законодательстве и практике ФРГ по организации отбывания наказания осужденными женщинами, имеющими детей. Во-первых, совместно с осужденными женщинами могут проживать дети до достижения ими шести лет. Во-вторых, вся деятельность пени-тенциарного учреждения направлена на развитие личности и женщины, и ребенка, а также на формирование их социальных компетенций. В-третьих, создаются все условия для становления здоровой личностной позиции, чтобы женщина не заняла позицию потребителя, предоставляются возможности для проявления самостоятельности и ответственности, что, безусловно, будет востребовано после освобождения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ URL: www.gesetze-im-internet.de/stvollzg/BJNR005810976.html (дата обращения: 27.04.2021).

¹ URL: www.gesetze-im-internet.de/stvollzg/BJNR005810976.html (дата обращения: 27.04.2021).

Статья поступила 11.11.2021

Проблемные вопросы исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста

Ю. В. ЮРОВА – преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права юридического факультета Владимирского юридического института ФСИН России

В статье рассматриваются проблемы исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста, раскрываются особенности служебной деятельности сотрудников уголовно-исполнительных инспекций при организации контроля за подозреваемыми и обвиняемыми, в отношении которых она избрана. Обращается внимание на отсутствие у сотрудников уголовно-исполнительных инспекций возможности надлежащим образом контролировать запреты, назначаемые подозреваемым и обвиняемым при избрании меры пресечения в виде домашнего ареста, предлагаются пути выхода из сложившейся ситуации.

Ключевые слова: мера пресечения; домашний арест; уголовно-исполнительная инспекция; порядок исполнения.

12.00.08 – Уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право.

Для цитирования: Юрова Ю. В. Проблемные вопросы исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста. *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*, 2021, № 5 (15), с. 75–80, DOI 10.46741/2713-2811-2021-5-75-80.

Problematic issues of execution a preventive measure in the form of house arrest

Yu. V. YUROVA – Lecturer at the Department of Penal Law of the Law Faculty of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

The article examines the problems of the execution a preventive measure in the form of house arrest, reveals the features of the official activities of employees of penal inspectorates when organizing control over suspected and accused, for whom she was chosen. Attention is drawn to the lack of the ability of the employees of the penal inspectorates to properly control the prohibitions assigned by the suspects and the accused when choosing a preventive measure in the form of house arrest; ways out of this situation are proposed.

Key words: preventive measure; house arrest; penal inspectorate; order of execution.

12.00.08 – Criminal law and criminology, penal law.

For citation: Yurova Yu. V. Problematic issues of execution a preventive measure in the form of house arrest. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2021, no. 5 (15), pp. 75–80, DOI 10.46741/2713-2811-2021-5-75-80.

В настоящее время домашний арест является одной из наиболее распространенных мер пресечения, предусмотренных УПК РФ. Согласно официальным данным ФСИН России, по состоянию на 31 декабря 2020 г. на учете в уголовно-исполнительных инспекциях (УИИ) состоял 7921 подозреваемый (обвиняемый), в отношении которого в качестве меры пресечения был избран

домашний арест (в 2019 г. – 6709 чел., увеличение на 1212 чел., или 15,3 %; в 2018 г. – 6614 чел., увеличение на 1307 чел., или 16,5 %)¹. Приведенные цифры свидетельствуют о расширении с каждым годом рассматриваемой категории правонарушителей. Целый ряд субъектов уголовно-процессуальных и уголовно-исполнительных правоотношений задействован в работе

с подозреваемыми и обвиняемыми, в отношении которых избран домашний арест. Контроль за исполнением ими возложенных судом запретов осуществляется сотрудниками УИИ. Важно отметить, что уголовно-исполнительные инспекции относятся к учреждениям уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, исполняющим уголовные наказания и меры уголовно-правового характера, не связанные с лишением свободы.

К теме домашнего ареста обращались многие специалисты в области уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного права. Так, И. В. Сошникова и Е. Г. Обласова определяют домашний арест как совокупность запретов, реализуемых в отношении обвиняемых (подозреваемых), в частности запретов на общение с некоторыми лицами (в различных формах – устно, письменно, с использованием средств связи) или покидать определенные места (здания, участки, территории и т. д.)². Если обратиться к научным трудам А. Е. Григорьевой³, В. В. Климова⁴, А. Г. Михайловой⁵, Р. М. Муртазина⁶, можно заметить, что все исследования касаются вопроса назначения, а не исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста. О проблемах правового регулирования порядка применения и исполнения данной меры пресечения еще в 2005 г. писал В. Ю. Мельников⁷. Вместе с тем данный порядок является важным аспектом уголовно-правовой науки.

Нами было проведено исследование путем включенного наблюдения и свободного опроса десяти сотрудников, проходящих службу на различных должностях в филиалах уголовно-исполнительных инспекций разных территориальных органов, в частности УФСИН России по Республике Коми (5 сотрудников), УФСИН России по Владимирской области (4 сотрудника), УФСИН России по г. Москве (1 сотрудник).

Вопрос правового регулирования является основным в юриспруденции, однако распорядительные документы (приказы, инструкции и др.), регламентирующие порядок осуществления контроля за обвиняемыми (подозреваемыми) интересующей нас категории, появились не так давно. УПК РФ был принят федеральным законом Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ⁸, а первый межведомственный приказ, регламентирующий порядок работы сотрудников правоохранительных органов по контролю за лицами, в отношении которых избрана мера пресечения в виде домашнего ареста, по-

явился в 2016 г. Данный приказ был утвержден и подписан Министерством юстиции Российской Федерации (Минюст России), Министерством внутренних дел Российской Федерации (МВД России), Следственным комитетом Российской Федерации (СК РФ), Федеральной службой безопасности Российской Федерации (ФСБ России), Федеральной службой Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков (ФСКН России) 11 февраля 2016 г.⁹ До 2016 г. сотрудники УИИ при работе с обвиняемыми и подозреваемыми пользовались методическими рекомендациями ФСИН России, которые для сотрудников других ведомств юридической силы не имели. 31 августа 2020 г. в связи с введением в УПК РФ меры пресечения в виде запрета определенных действий, а также иными изменениями в законодательстве (например, ФСКН России вновь вступил в ряды МВД России) был разработан новый приказ, определяющий порядок контроля за подозреваемыми и обвиняемыми, – приказ Минюста России № 189, МВД России № 603, СК РФ № 87, ФСБ России № 371 «Об утверждении Порядка осуществления контроля за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением возложенных судом запретов подозреваемыми или обвиняемыми, в отношении которых в качестве меры пресечения избран запрет определенных действий, домашний арест или залог» (далее – Порядок контроля от 31.08.2020 № 189/603/87/371). Таким образом, достаточно долгое время в нашей стране не было нормативно-правового акта, определяющего порядок работы сотрудников УИИ по контролю за лицами, в отношении которых избрана мера пресечения в виде домашнего ареста.

Указанный документ, действительно, способствовал организации взаимодействия между представителями разных ведомств, работающих с обвиняемыми (подозреваемыми), однако не все затруднения сотрудников УИИ были им сняты. Остановимся на проблемных моментах более подробно.

Проанализировав типичное судебное решение об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста, можно увидеть в нем запреты, предусмотренные ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ. Если речь идет о запрете в виде выхода за пределы жилого помещения без соответствующего разрешения от органов следствия или суда, то можно заключить, что исполнение его фиксируется с помо-

щью технических средств контроля. Изучив информацию о разных видах оборудования системы электронного мониторинга подконтрольных лиц (далее – СЭМПЛ), можно прийти к выводу, что целесообразно применять как стационарное контрольное устройство, чтобы знать, когда лицо выходит за пределы места исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста (далее – место исполнения домашнего ареста), так и мобильное контрольное устройство, чтобы можно было проследить маршрут движения обвиняемого в период его отсутствия по месту жительства. Важно отметить, что не всегда в филиалах УИИ есть необходимое количество оборудования (даже один комплект), чтобы применять их ко всем подозреваемым и обвиняемым, состоящим на учете в УИИ. Но факт отсутствия необходимого количества оборудования СЭМПЛ в филиалах УИИ указали 9 из 10 опрошенных сотрудников.

Рассмотрим запрет на отправку и получение почтово-телеграфных отправлений. В качестве меры обеспечения контроля за его исполнением сотрудники УИИ направляют соответствующую информацию в главное отделение акционерного общества «Почта России» в пределах муниципального образования. Однако практически невозможно гарантировать, что обвиняемый не отправит нужное ему письмо от имени родственника, проживающего совместно с ним. Кроме того, согласно п. 46 приказа Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций России от 31.07.2014 № 234 «Об утверждении Правил оказания услуг почтовой связи»¹⁰ операторы почтовой связи обязаны оказывать содействие уполномоченным государственным органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, при проведении ими следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий.

Аналогична ситуация с запретом на использование средств связи и информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Обратим внимание на ч. 1, 5 ст. 64 Федерального закона от 07.07.2003 № 126-ФЗ «О связи»¹¹, согласно которым на операторов связи возложена функция по оказанию помощи сотрудникам правоохранительных органов при проведении ими следственных действий или оперативно-розыскных мероприятий в соответствии с нормами УПК РФ. В настоящее время создано огромное количество мессенджеров, позволяющих передавать информацию, недоступную даже правоохранительным органам. Как правило,

подозреваемые и обвиняемые проживают совместно с родственниками: родителями, супругом или супругой, детьми, в отношении которых постановлением суда никаких запретов не установлено. Сотрудники УИИ не имеют полномочий требовать от родственников обвиняемого (подозреваемого) отключения Интернета в жилом помещении, которое определено в качестве места исполнения домашнего ареста. Кроме того, важно отметить, что от обвиняемого (подозреваемого), в отношении которого избрана мера пресечения в виде домашнего ареста, сотрудники УИИ требуют отключения Интернета также не имеют права, они обязаны контролировать исполнение запрета на использование подучетными лицами. Таким образом, контроль за данным запретом можно назвать весьма условным.

Сотрудники УИИ не входят в круг уполномоченных государственных органов, наделенных функционалом для проведения оперативно-розыскной деятельности и следственных действий, в связи с чем соответствующая информация операторами связи им предоставлена быть не может.

К проблемам осуществления контроля за использованием подозреваемыми и обвиняемыми Интернета в своем исследовании обращались Е. В. Емельянова, доктор юридических наук, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации, и А. Н. Емельянова, заместитель начальника филиала № 19 УИИ УФСИН России по г. Москве¹².

Одним из возможных путей решения вопроса организации контроля за исполнением данных запретов является передача соответствующих полномочий органу предварительного следствия и осуществление его в рамках следственных действий. При наличии основания полагать, что информация содержит сведения, имеющие значение для уголовного дела, судом может быть принято решение о наложении ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотре и выемке, контроле и записи телефонных переговоров.

Перспективным решением в части организации контроля за исполнением вышеперечисленных запретов является их осуществление в рамках Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»¹³. Так, согласно ст. 6 данного закона оперативно-розыскные мероприятия, связанные с контролем почтовых отправлений, телеграфных и иных

сообщений, прослушиванием телефонных переговоров, проводятся с использованием оперативно-технических сил и средств органов ФСБ России и МВД России в порядке, определяемом межведомственными нормативными актами или соглашениями между органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность. В настоящее время, однако, такого рода межведомственные нормативные правовые акты на федеральном уровне отсутствуют. Кроме того, в очередной раз следует подчеркнуть, что мероприятия по организации контроля за обвиняемыми и подозреваемыми, проводимые сотрудниками УИИ, не относятся к оперативно-розыскным.

Рассмотрим запрет на общение с определенными лицами. Конечно, для осуществления контроля в данном случае от органов предварительного следствия требуется своевременная и полная информация о лицах, с которыми подозреваемому или обвиняемому запрещено общаться (как минимум фамилия, имя, отчество, номер телефона, место проживания). При этом даже наличие указанных сведений не гарантирует, что контроль будет осуществлен в полном объеме. Конечно, при каждой проверке обвиняемого по месту исполнения домашнего ареста у него необходимо уточнять информацию по факту взаимодействия с лицами, с которыми ему запрещено общаться. Как правило, мало кто из подучетных лиц признается в допущенном им нарушении, способном повлечь замену меры пресечения в виде домашнего ареста на заключение под стражу. Если сотрудники УИИ самостоятельно будут обращаться за информацией к лицам, нельзя исключить ситуацию, когда соучастник преступления не захочет признаваться в общении со своим сообщником. Кроме того, сотрудники органов, осуществляющих расследование уголовных дел, не всегда своевременно предоставляют в УИИ необходимые и полные сведения как об обвиняемых (подозреваемых), так и об иных фигурантах уголовного дела. Данный факт является важным обстоятельством с точки зрения осуществления контроля за исполнением вышеуказанного запрета. При проведении опроса сотрудников УИИ только 6 из 10 респондентов указали на своевременность представления сотрудниками следственных подразделений органов, ведущих предварительное расследование уголовных дел, необходимой информации.

Помимо тех, о которых речь шла выше, на практике могут возникнуть и другие про-

блемные ситуации. Например, при проведении судебного заседания на предмет решения вопроса об избрании меры пресечения суд определяет место проживания обвиняемого (подозреваемого) с его слов. Данная информация в ходе судебного заседания не проверяется, и, как правило, при вынесении постановления судья определяет местом исполнения домашнего ареста тот адрес, который обвиняемый указал в начале судебного заседания. Когда же сотрудники УИИ доставляют лицо в место исполнения меры пресечения, то может оказаться, что в квартире отсутствует электричество, что препятствует применению оборудования СЭМПЛ, являющегося основным средством, помогающим сотрудникам УИИ контролировать подучетных лиц. Следует привести пример из нашей практики. Так, в качестве места исполнения домашнего ареста обвиняемой К. был установлен частный дом, в котором отсутствовали не только электричество, но и окна, двери, крыша. В срочном порядке сотрудниками инспекции в суд были направлены документы для решения вопроса об изменении места исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста. Данная проблема возникла в связи с тем, что суд определил местом исполнения меры пресечения место регистрации обвиняемой, а не место ее жительства. Позже сотрудниками УИИ было установлено, что по адресу регистрации обвиняемой были зарегистрированы более 20 чел., дом при этом был непригоден для проживания.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что законодательный инструментарий, предоставленный сотрудникам УИИ для работы с подозреваемыми и обвиняемыми, является недостаточным. В целях решения проблем, возникающих у сотрудников УИИ при работе с обвиняемыми (подозреваемыми), в отношении которых избрана мера пресечения в виде домашнего ареста, можно предложить следующее:

1. Закрепить на федеральном или региональном уровнях порядок взаимодействия сотрудников УИИ и оперативных подразделений МВД России и ФСБ России по организации контроля за запретами на использование средств связи и информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», отправление и получение почтовых телеграфных отправок.

2. Дополнить Порядок контроля № 189/603/87/371 от 31.08.2020 определением алгоритма действий сотрудников УИИ по контролю за тем или иным запретом с чет-

ким определением периодичности данных действий и расширением полномочий сотрудников УИИ. По аналогии с п. 19 указанного порядка, где определено, что сотрудники инспекции не реже двух раз в неделю обязаны проверять обвиняемого по месту исполнения меры пресечения, а при применении к лицу технических средств надзора – не реже одного раза в неделю, определить порядок контроля за соблюдением иных запретов лицами, содержащимися под домашним арестом, например в целях организации контроля за запретом по общению с определенными людьми установить для сотрудников инспекции порядок, согласно которому они не реже одного раза в месяц обязаны посредством телефонной связи уточнять у фигурантов уголовного дела информацию о фактах общения с обвиняемым (подозреваемым), по итогам проверки приобщать в дело справку о проделанной работе; при организации контроля за запретом на посещение определенных мест или мероприятий (участия в них) предусмотреть для сотрудников инспекции ежемесячный порядок составления рапортов по проверке культурно-массовых мероприятий, проходящих на территории муниципального образования, где проживает обвиняемый, аналогичный рапорт ежемесячно должен составляться по проверке различных питейных и увеселительных заведений, если постановлением суда обвиняемому запрещено их посещение.

3. Передать полномочия по контролю за рассматриваемой категорией лиц МВД России. При этом рекомендуется осуществить передачу полномочий по исполнению не только домашнего ареста, но и запрета определенных действий и залога, при котором на обвиняемого возложены дополнительные запреты. Данное радикальное предложение обусловлено следующими обстоятельствами:

– взаимодействие между оперативными подразделениями и отделом, осуществляющим контроль за обвиняемыми и подозреваемыми, в пределах одного ведомства будет организовать гораздо легче;

– один из важных аспектов взаимодействия сотрудников УИИ и органов предварительного следствия – это осуществление доставки подозреваемых и обвиняемых для проведения следственных действий. При этом, если обратить внимание на количество служебных машин в одном отделении МВД России и сравнить его с количеством служебного автотранспорта, выделяемого на филиал УИИ (одна машина), то можно увидеть значительное преимущество МВД России. Таким образом, доставка подозреваемых и обвиняемых будет носить более организованный и срочный характер. Данное обстоятельство может способствовать ускорению процесса расследования уголовных дел;

– с учетом современных тенденций распределения обязанностей по направлениям деятельности отметим, что УИИ относятся к ФСИН России. На основании Указа Президента Российской Федерации от 02.03.2021 № 119 «О внесении изменений в Положение о Федеральной службе исполнения наказаний, утвержденное Указом Президента Российской Федерации от 13 октября 2004 г. № 1314» контроль за лицами, освобожденными из мест лишения свободы условно-досрочно, передан от сотрудников МВД России к сотрудникам уголовно-исполнительной системы, точнее сотрудникам УИИ. Кроме того, на сотрудников инспекций возложено исполнение четырех видов наказаний и трех видов мер уголовно-правового характера, реализуемых в отношении осужденных. Подобный объем работы не позволяет сотрудникам УИИ выполнять мероприятия по контролю за подучетными лицами в полном объеме.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Характеристика лиц, состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях. URL.: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka%20v%20YII/> (дата обращения: 25.09.2021).

² Сошникова И. В., Обласова Е. Г. Особенности правового регулирования домашнего ареста как меры пресечения // *Аллея науки*. 2019. Т. 3, № 1 (28). С. 683.

³ Григорьева А. Е. Вопросы теории и практики избрания следователями органов внутренних дел отдельных мер пресечения: залога и домашнего ареста : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2008. С. 15.

⁴ Климов В. В. Проблемы законности и обоснованности применения домашнего ареста в уголовном судопроизводстве России // *Вестн. Брянск. гос. ун-та*. 2010. № 2. С. 97.

⁵ Михайлова О. Г. Проблемные вопросы применения домашнего ареста // *Вестн. Барнаул. юрид. ин-та МВД России*. 2013. № 2 (25). С. 26.

⁶ Муртазин Р. М. Дискуссионные вопросы применения домашнего ареста // *Вестн. Оренбург. гос. ун-та*. 2012. № 3 (139). С. 129.

⁷ Мельников В. Ю. Проблемы применения меры пресечения – домашний арест // *Юрид. вестн. Ростов. гос. эконом. ун-та*. 2005. Т. 4, № 36. С. 54.

⁸ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон Рос. Федерации от 18.12. 2001 № 174-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52, ч. I. Ст. 4921

⁹ Об утверждении Порядка осуществления контроля за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением ими наложенных судом запретов и (или) ограничений : приказ Мин. юстиции Рос. Федерации, МВД России, Следств. комитета Рос. Федерации, ФСБ России и Федер. службы Рос. Федерации по контролю за оборотом наркотиков от 11.02.2016 № 26/67/13/105/56. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 20.09.2021).

¹⁰ Рос. газ. 31 дек. 2014. (№ 299).

¹¹ Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 28. Ст. 2895.

¹² Емельянова Е. В., Емельянова А. Н. О некоторых проблемных аспектах исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста // Организационно-правовое регулирование деятельности уголовно-исполнительной системы: теоретические и прикладные аспекты : материалы межвуз. науч.-практ. конф. Рязань, 2018. С. 91–98.

¹³ Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 33. Ст. 3349.

¹ Charakteristika lic, sostoyashchih na uchete v ugolovno-ispolnitel'nyh inspekcijah. URL.: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka%20v%20Yll/> (data obrashcheniya: 25.09.2021).

² Soshnikova I. V., Oblasova E. G. Osobennosti pravovogo regulirovaniya domashnego aresta kak mery presecheniya // Alleya nauki. 2019. T. 3, № 1 (28). S. 683.

³ Grigor'eva A. E. Voprosy teorii i praktiki izbraniya sledovatelyami organov vnutrennih del otdel'nyh mer presecheniya: zaloga i domashnego aresta : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Krasnoyarsk, 2008. S. 15.

⁴ Klimov V. V. Problemy zakonnosti i obosnovannosti primeneniya domashnego aresta v ugolovnom sudoproizvodstve Rossii // Vestn. Bryansk. gos. un-ta. 2010. № 2. S. 97.

⁵ Mihajlova O. G. Problemnye voprosy primeneniya domashnego aresta // Vestn. Barnaul. yurid. in-ta MVD Rossii. 2013. № 2 (25). S. 26.

⁶ Murtazin R. M. Diskussionnye voprosy primeneniya domashnego aresta // Vestn. Orenburg. gos. un-ta. 2012. № 3 (139). S. 129.

⁷ Mel'nikov V. YU. Problemy primeneniya mery presecheniya – domashnij arest // YUrid. vestn. Rostov. gos. ekonom. un-ta. 2005. T. 4, № 36. S. 54.

⁸ Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii : feder. zakon Ros. Federacii ot 18.12. 2001 № 174-FZ // Sобр. zakonodatel'stva Ros. Federacii. 2001. № 52 (ch. I). St. 4921

⁹ Ob utverzhenii Poryadka osushchestvleniya kontrolya za nahozhdeniem podozrevaemyh ili obvinyaemyh v meste ispolneniya mery presecheniya v vide domashnego aresta i za soblyudeniem imi nalozhennyh sudom zapretov i (ili) ogranichenij : prikaz Min. yusticii Ros. Federacii, MVD Rossii, Sledstv. komiteta Ros. Federacii, FSB Rossii i Feder. sluzhby Ros. Federacii po kontrolyu za oborotom narkotikov ot 11.02.2016 № 26/67/13/105/56. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (data obrashcheniya: 20.09.2021).

¹⁰ Рос. газ. 31 дек. 2014. (№ 299).

¹¹ Собр. zakonodatel'stva Ros. Federacii. 2003. № 28. St. 2895.

¹² Emel'yanova E. V., Emel'yanova A. N. O nekotoryh problemnyh aspektah ispolneniya mery presecheniya v vide domashnego aresta // Organizacionno-pravovoe regulirovanie deyatel'nosti ugolovno-ispolnitel'noj sistemy: teoreticheskie i prikladnye aspekty : materialy mezhvuz. nauch.-prakt. konf. Ryazan', 2018. S. 91–98.

¹³ Собр. zakonodatel'stva Ros. Federacii. 1995. № 33. St. 3349.

Статья поступила 04.10.2021

Правовое регулирование проверки сообщений о происшествиях в уголовно-исполнительной системе: современное состояние и перспективы развития

Н. В. ГРЯЗЕВА – доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Самарского юридического института ФСИН России, кандидат юридических наук

Статья посвящена исследованию нормативно-правовой регламентации проверки сообщений о происшествиях в учреждениях, обеспечивающих изоляцию от общества. Констатируется, что в нормативных правовых актах, регулирующих рассматриваемый институт, отсутствует правовое закрепление порядка, средств и сроков проведения проверок по регистрациям в Журнале регистрации информации о происшествиях. На основе анализа нормативно-правовых актов, правоприменительной практики и результатов экспертного опроса сотрудников УИС автором предлагается двухэтапный алгоритм проверки сообщений о происшествиях в учреждениях УИС. Рассматриваются средства проверки сообщений о преступлениях и происшествиях, вытекающие из специфики деятельности и обязанностей учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, и сотрудников этих учреждений. Восполнение пробелов Инструкции о приеме, регистрации и проверке сообщений о преступлениях и происшествиях в части порядка, средств и срока проведения проверок по информации, зарегистрированной в Журнале регистрации информации о происшествиях, устранил проблемы правовой регламентации проверки сообщений о происшествиях в учреждениях УИС, что будет способствовать эффективности рассматриваемой правоприменительной деятельности.

Ключевые слова: сообщение о преступлении; сообщение о происшествии; уголовно-исполнительная система; учетно-регистрационная дисциплина; орган дознания.

12.00.09 – Уголовный процесс.

Для цитирования: Грязева Н. В. Правовое регулирование проверки сообщений о происшествиях в уголовно-исполнительной системе: современное состояние и перспективы развития. *Ius publicum et privatum : сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*, 2021, № 5 (15), с. 81–84, DOI 10.46741/2713-2811-2021-5-81-84.

Legal regulation of verification reports of incidents in the penal system: current state and development prospects

N. V. GRYAZEVA – Associate Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of the Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, PhD. of Law

The article is devoted to the study of the legal regulation of verification reports of incidents in institutions that execute isolation from society. It is stated that in the normative legal acts regulating the institution in question, there is no legal fixation of the order, means and timing of checks on registrations in the Incident Information Log. Based on the analysis of regulatory legal acts, law enforcement practice and the results of an expert survey of penal institutions' employees, a two-stage algorithm for checking messages about incidents in penal institutions is proposed. Means of verification of reports of crimes and incidents arising from the specifics of the activities and responsibilities of institutions executing isolation from society and employees of these institutions are considered. Bridging the gaps of Instructions on the reception, registration and verification of reports of crimes and incidents in terms of the order, means and timing of inspections based on information registered in the Incident Information Register will eliminate the problems of legal regulation of verifying reports of incidents in penal institutions, which will contribute to the effectiveness of the considered law enforcement activity.

Key words: report of a crime; incident report; penal system; accounting and registration discipline; body of inquiry.

12.00.09 – Criminal procedure.

For citation: Gryazeva N. V. Legal regulation of verification reports of incidents in the penal system: current state and development prospects. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2021, no. 5 (15), pp. 81–84, DOI 10.46741/2713-2811-2021-5-81-84.

В настоящее время предметом длительной и оживленной дискуссии являются теоретические и прикладные аспекты приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях и происшествиях в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы (УИС). Об этом свидетельствует проведение научных изысканий по рассматриваемой теме как на монографическом уровне, так и в составе комплексных исследований.

За последние десять лет отдельные моменты становились предметом изучения в рамках подготовки кандидатских и докторских диссертаций. Так, В. В. Медведева комплексно раскрыла процедуры принятия, рассмотрения в учреждениях УИС и органах внутренних дел сообщений о преступлениях (2011 г.), А. М. Саутиев провел сравнительно-правовое исследование приема, регистрации и рассмотрения заявлений и сообщений о преступлениях и происшествиях в исправительных учреждениях ФСИН России на основе законодательства Российской Федерации и стран СНГ (2017 г.), А. А. Крымов в рамках создания единой концепции реформирования уголовно-процессуальной деятельности органов и учреждений УИС обозначил проблемы, складывающиеся в стадии возбуждения уголовного дела (2015 г.). Наряду с этим вопросы деятельности учреждений УИС, регулируемые Инструкцией о приеме, регистрации и проверке в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы сообщений о преступлениях и происшествиях, утвержденной приказом Минюста России от 11.07.2006 № 250 (далее – Инструкция), поднимались в периодических изданиях А. В. Акчуриным, И. Л. Бедняковым, С. П. Брыляковым, С. И. Гирько, Ж. Ю. Кабановой, М. С. Красильниковой, А. А. Нуждиным, И. В. Овсянниковым, Ю. Н. Спиридоновой, А. С. Шатовым и др.

Обзор работ указанных авторов, анализ содержащейся в них информации позволяет заключить, что в большинстве случаев предметом исследований выступает уголовно-процессуальная деятельность в УИС,

связанная только с проверкой сообщений о преступлениях, зарегистрированных в Книге регистрации сообщений о преступлениях (далее – КРСП). Проверка сообщений о происшествиях упоминается только в заглавии научных работ либо в тексте без отражения специфики рассматриваемой деятельности. Например, А. М. Саутиев не разграничивает деятельность, связанную с сообщениями о преступлениях и сообщениями о происшествиях, говоря об этом в целом как об уголовно-процессуальной деятельности, что представляется нам неверным¹.

О недостаточности правового регулирования рассматриваемого направления деятельности органов и учреждений УИС свидетельствует и тот факт, что из территориальных органов поступают адресованные сотрудникам образовательных и научных учреждений ФСИН России обращения с просьбой разъяснить в рамках выполнения научно-прикладных исследований отдельные вопросы, касающиеся тех аспектов деятельности сотрудников УИС, которые не урегулированы Инструкцией. Речь идет, например, о том, что нормативные документы не содержат указания на порядок проведения проверок по регистрациям в Журнале регистрации информации о происшествии (далее – ЖРИП), не установлены сроки проведения проверок по регистрациям в нем, отсутствуют разъяснения о том, что является неподтвердившейся информацией.

Инструкция не содержит средств, с помощью которых следует осуществлять проверку сообщений о происшествиях, однако в п. 29 указано, что по каждому заявлению или сообщению о преступлениях и происшествиях начальник (лицо, его замещающее) либо заместитель начальника учреждения и органа УИС обязан дать конкретным исполнителям письменные указания о рассмотрении их в соответствии с требованиями УПК РФ и Инструкции.

Для учреждений УИС любое преступление является происшествием, однако далеко не все происшествия являются уголовно наказуемыми. Полагаем, что в учреждениях УИС под происшествием понимаются замышля-

емые, подготавливаемые, совершаемые и совершенные преступления, административные правонарушения и иные события, оказывающие негативное воздействие на обеспечение режима и безопасности и нарушающие установленный порядок отбывания наказания. В связи с этим говорить о законности п. 29 Инструкции о проверке сообщений о происшествиях уголовно-процессуальными средствами и соблюдении уголовно-процессуальной формы не представляется возможным. Об этом свидетельствует и тот факт, что по результатам проверки сообщений, зарегистрированных в ЖРИП, принимаются решения, которые не предусмотрены ст. 145 УПК РФ.

В акте ежеквартальной внутренней проверки состояния учетно-регистрационной дисциплины в УИС значатся сроки рассмотрения сообщений, зарегистрированных в ЖРИП, которые аналогичны срокам рассмотрения сообщений о преступлениях, зарегистрированных в КРСП. Так, в столбце 7 фигурирует срок от 3 до 10 суток, а в столбце 8 – свыше 10 суток. Кроме того, в анализируемом акте приведена таблица, в которую заносятся сведения о нарушении установленных сроков при проверке сообщений в зависимости от источника их регистрации. Однако сроки проверки по регистрациям в ЖРИП анализируемой Инструкцией и иными нормативными актами не установлены. Кроме того, примечание к акту носит весьма спорный характер, поскольку указывает на то, что в нем должны отражаться сведения о записях в КРСП и ЖРИП, рассмотренных с нарушением УПК РФ.

Учитывая изложенное, подчеркнем, что проверка сообщений о происшествиях, прошедших регистрацию в ЖРИП, не является уголовно-процессуальной деятельностью, следовательно, ее процедура не должна регулироваться нормами УПК РФ.

Решение проблем правового регулирования рассматриваемой правоприменительной деятельности носит комплексный характер.

В первую очередь следует осуществлять регистрацию всех сообщений о преступлениях и происшествиях, поступающих в учреждения и органы УИС, в едином учетно-регистрационном документе (например, Книге регистрации сообщений о преступлениях и происшествиях), что не позволит укрывать преступления от регистрационного учета, как это и предусмотрено совместным приказом «О едином учете преступлений», по аналогии с рассматри-

ваемой деятельностью в органах внутренних дел.

Подтверждением сказанного является анализ результатов экспертного опроса сотрудников оперативного отдела, отдела режима и надзора, отдела безопасности, в соответствии с которым 70,7 % респондентов положительно и лишь 28 % отрицательно ответили на вопрос «Считаете ли вы необходимым регистрировать сообщения о преступлениях и происшествиях, совершаемых на территории учреждений УИС, в одном источнике (книге или журнале)?». Кроме того, 1,3 % опрошенных полагают, что сначала необходима регистрация в ЖРИП, а в случае установления признаков преступления следует в течение трех дней составить рапорт об обнаружении признаков преступления и перенести запись в КРСП.

Проверка сообщений о происшествиях в учреждениях УИС проводится на предмет установления наличия в них достаточных данных, указывающих на признаки совершенного деяния, нарушающего конкретные нормы права (уголовного, административного, уголовно-исполнительного), с целью ограничения преступления, административного правонарушения, нарушения режима и т. д. от иного, не нарушающего правовых норм события. Предлагаем проводить ее в два этапа и закрепить это в п. 29 Инструкции.

На первом этапе путем получения объяснений от участников, очевидцев и иных лиц, владеющих информацией о произошедшем, сбора документов, справок, характеристик и в обязательном порядке просмотра записей с камер видеонаблюдения следует выяснить обстоятельства произошедшего события: место, время, способ, обстановку, участников и очевидцев. Анализ полученной информации позволит сделать вывод о наличии или отсутствии признаков нарушения норм права. В условиях учреждений УИС необходимо учитывать риск утраты и материальных, и идеальных следов правонарушения. Полагаем, что срок проверки сообщений о происшествиях, не превышающий трех суток, будет достаточным для принятия необходимых мер по установлению обстоятельств произошедшего и составления первичной документации (объяснений, рапортов, актов и др.), что послужит надежной основой для дальнейшего законного и обоснованного использования средств соответствующего отраслевого законодательства и применения мер принуждения.

Второй этап проверки сообщений о правонарушениях в учреждениях УИС будет иметь целенаправленный характер. В случае установления признаков преступления необходимо составить соответствующий рапорт и сделать об этом отметку в едином учетно-регистрационном документе, после чего, в соответствии со ст. 144–145 УПК РФ, провести проверку и принять процессуальное решение.

Полагаем, что при осуществлении проверки сообщений о происшествиях сотрудники учреждений и органов УИС могут использовать весь арсенал оперативно-розыскных мероприятий, мер административного предупреждения (досмотр и обыск лиц, их вещей, транспортных средств), мер административного пресечения (физическую силу, специальные средства, огнестрельное оружие), мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении (доставление, административное задержание, личный досмотр, досмотр вещей, находящихся при физическом лице, досмотр транспортного средства, изъятие вещей и документов, арест товаров, транспортных средств и иных вещей), мер административных наказаний в порядке ст. 23.4 КоАП РФ, что должно быть отражено в п. 29 Инструкции.

Кроме того, в Правилах внутреннего распорядка исправительных учреждений, утвержденных приказом Минюста России от 16.12.2016 № 295, называются мероприятия, которые могут быть инструментом проверки сообщений о происшествиях. Например, в соответствии со ст. 16 правил осужденные обязаны являться по вызову администрации ИУ и давать объяснения по вопросам исполнения приговора, а также письменно по фактам нарушения установленного порядка отбывания наказания.

В ходе проверки следует изучать видеоархивы со стационарных камер видеонаблюдения, переносных видеорегистраторов, видеоархивы проведения дисциплинарных комиссий, которые являются незаменимыми источниками доказательственной информации.

В случае, если при проверке сообщения о происшествии будут выявлены признаки административного правонарушения и информация подтвердится объективными данными, следует составить необходимые процессуальные документы и принять процессуальные решения в соответствии с КоАП РФ, о чем сделать отметку в учетно-регистрационном документе.

При обнаружении признаков нарушения режима надлежит руководствоваться нормативными актами, регулирующими соответствующие правоотношения.

Относительно вопроса о том, что является неподтвердившейся информацией, считаем необходимым заметить следующее: таковой признается информация, фактически данные которой в ходе проверки сообщения о происшествии не нашли своего подтверждения либо установлено отсутствие признаков какого-либо правонарушения в произошедшем событии. Отметка о том, что информация не подтвердилась, делается в соответствующей графе учетно-регистрационного документа.

Надеемся, что восполнение указанных пробелов Инструкции в части порядка, средств и срока проведения проверок по информации, зарегистрированной в ЖРИП, разрешит проблемы правовой регламентации проверки сообщений о происшествиях в учреждениях УИС, что, в свою очередь, будет способствовать повышению эффективности правоприменительной деятельности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Саутиев А. М. Прием, регистрация и рассмотрение заявлений и сообщений о преступлениях и происшествиях в исправительных учреждениях ФСИН России (сравнительно-правовое исследование на основе законодательства Российской Федерации и стран СНГ) : дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2017. С. 42.

¹ Sautiev A. M. Priem, registraciya i rassmotrenie zayavlenij i soobshchenij o prestuplenijah i proisshestviyah v ispravitel'nyh uchrezhdenijah FSIN Rossii (sravnitel'no-pravovoe issledovanie na osnove zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii i stran SNG) : dis. ... kand. jurid. nauk. Ryazan', 2017. S. 42.

Статья поступила 13.12.2021

Криминалистическая и криминологическая характеристика преступлений

А. С. ДУГЕНЕЦ – главный научный сотрудник НИЦ-1 Научно-исследовательского института ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;

А. А. САМОЙЛОВА – ведущий научный сотрудник НИЦ-3 Научно-исследовательского института ФСИН России, кандидат юридических наук

В статье рассматриваются вопросы криминологической и криминалистической характеристики преступлений. На основе анализа ее элементов сделан вывод, что они подчинены определенному порядку. В этой связи актуальность приобретает установление статистических закономерностей в характеристиках преступлений, лиц, их совершивших, форм и методов изобличения.

Ключевые слова: преступление; преступность; криминологическая характеристика преступлений; криминалистическая характеристика преступлений; борьба с преступностью.

12.00.09 – Уголовный процесс.

12.00.08 – Уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право.

Для цитирования: Дугенец А. С., Самойлова А. А. Криминалистическая и криминологическая характеристика преступления. *Ius publicum et privatum : сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*, 2021, № 5 (15), с. 85–88, DOI 10.46741/2713-2811-2021-5-85-88.

Forensic and criminological characteristics of crimes

A. S. DUGENETS – Chief Researcher of the Scientific Research Center-1 of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia; Dsc. of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation;

A. A. SAMOILOVA – Leading Researcher of the Research Center-3 of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, PhD. of Law

The article deals with the issues of criminological and forensic characteristics of crimes. Based on the analysis of the elements of criminological and forensic characteristics of crimes it is concluded that they are subject to certain patterns. In this regard the establishment of statistical patterns in the characteristics of crimes, the persons who committed them, the forms and methods of incrimination becomes relevant.

Key words: crime; criminality; criminological characteristics of crimes; forensic characteristics of crimes; crime control.

12.00.09 – Criminal procedure.

12.00.08 – Criminal law and criminology, penal law.

For citation: Dugenets A. S., Samoilova A. A. Forensic and criminological characteristics of crimes. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2021, no. 5 (15), pp. 85–88, DOI 10.46741/2713-2811-2021-5-85-88.

На сегодняшний день накоплена обширная и интересная информация о преступности, ее состоянии, средствах и методах борьбы с ней. Однако пределы использования этих сведений нередко ограничены частными научными и практическими задачами. Результаты осуществляемых исследований, аналитических разработок часто несопоставимы, поскольку каждое ведомство пользуется своими понятийным аппаратом, системой показателей и методикой, по-своему собирает, группирует, обрабатывает и анализирует имеющиеся данные. В итоге выводы делаются на ограниченной, а порой и не очень качественной эмпирической базе, что, естественно, сказывается на уровне выдвигаемых рекомендаций, глубине познания преступности и эффективности борьбы с ней. Существующее положение дел не позволяет получить полную и развернутую картину, проникнуть в суть изучаемых явлений, установить взаимосвязи и закономерности, объективно оценить процессы, характеризующие преступность и формы борьбы с ней.

Понятия «криминалистическая характеристика» и «криминологическая характеристика» давно и прочно вошли в юридическую теорию и практику, а их самостоятельное употребление не препятствует объединению, на что еще в 1980-х гг. обратил внимание профессор К. К. Горяинов, полагая, что в реальности эти характеристики тесно взаимосвязаны и попытка их совмещенного рассмотрения может быть весьма плодотворной для познания преступности и совершенствования практики борьбы с ней¹. Данное обстоятельство находит подтверждение и в других источниках. Так, Н. П. Яблоков констатирует, что криминалистическая характеристика в значительной степени опирается на уголовно-правовые и криминологические данные, вследствие чего тесно связана с анализом соответствующих элементов преступления. Так, с учетом объекта, объективной и субъективной сторон преступления, а также криминологических данных о личности преступников и потерпевших выделяются элементы, составляющие ее суть². Таким образом, характеристика взаимосвязанных элементов преступления в криминологическом аспекте раскрывает не юридическую конструкцию, а фактический механизм преступного поведения.

Криминологическо-криминалистическая характеристика преступлений представляет собой совокупность взаимосвязанных общих и особенных признаков уголовно нака-

зуемых деяний, проявляющихся в способах, механизмах, обстановке их совершения (место, время и т. п.), причинно-следственных связях с окружающей средой, а также чертах личности преступников и потерпевших.

Анализ элементов криминологической и криминалистической характеристик преступлений позволяет сделать вывод, что они подчинены определенным закономерностям. В отношениях между элементами характеристики можно наблюдать оба вида закономерных связей – однозначную (динамическую) и вероятностную (статистическую).

При динамической связи присутствие одного элемента позволяет сделать вывод о существовании другого, и такая связь весьма очевидна. В подавляющем большинстве закономерные связи между элементами характеристик носят вероятностный характер. В данном случае установление одного элемента характеристики позволяет лишь с большей или меньшей степенью вероятности предположить, что есть другой, причем вероятность выше, если они наблюдаются совместно. В связи с этим актуальность приобретает установление статистических закономерностей в характеристиках преступлений, лиц, их совершивших, форм и методов изобличения.

Помимо теоретической значимости необходимость решения этих задач обусловлена рядом других факторов:

- во-первых, потребностями законодательной практики, например при определении отягчающих и смягчающих обстоятельств, установлении эффективности тех или иных норм, их корректировке, толковании, декриминализации «неработающих» составов и формулировании новых и т. д.;

- во-вторых, потребностями криминологической практики: для оптимального выбора следственных версий, розыска преступников, поиска доказательств при раскрытии преступлений, определения средств и методов профилактики правонарушений, а также возможного моделирования преступных ситуаций и создания эффективных типовых методик их расследования³;

- в-третьих, потребностями криминологических исследований: в целях познания механизма формирования антиобщественных взглядов и форм их реализации, влияния особенностей характеристик субъектов на способы противоправных действий, воздействия традиций, обычаев, некото-

рых пережиточных элементов субкультур на распространенность тех или иных видов противоправных посягательств, значимости последствий научно-технического прогресса, процессов урбанизации, миграции показателей уровня, интенсивности и структуры преступности и т. п.;

– в-четвертых, потребностями управленческой науки в создании на индивидуальном и массовом уровнях моделей преступного поведения, установлении причинных связей преступности с окружающей средой для последующего построения уголовно-правовых, криминалистических и криминологических прогнозов.

Установление закономерностей в криминологическо-криминалистических характеристиках преступлений требует обширной информации и надежных методов ее обработки и анализа. На сегодняшний день при всем многообразии приемов, способов и инструментов познания, источников информации, на наш взгляд, предпочтение следует отдавать статистическим данным (безусловно, не исключая применение методик, которые разработаны и эффективно используются в криминологии и криминалистике), принимая во внимание тот факт, что статистика как наука предназначена не только для изучения количественных показателей конкретных массовых процессов и явлений жизни, но и для выявления закономерностей их развития, установления связей и, как следствие, взаимосвязей⁴.

Криминология, исследуя массовые социальные явления, использует статистику для изучения состояния преступности, тенденций ее развития, детерминант, региональных различий, лиц, совершивших преступления, оценки эффективности профилактики и т. п.

В криминалистике статистический метод получил распространение в процессе экспериментов и производства различного рода экспертиз. Статистические аспекты проявления связей и закономерностей элементов криминалистической характеристики преступлений, социологические стороны применения и эффективности криминалистических приемов и средств борьбы с преступностью редко принимаются во внимание.

В известной степени такое положение обусловлено тем, что значительная часть факторов криминалистического свойства относится к так называемым несчитанным явлениям. Как правило, на основе данных ведомственной статистики, где элементы криминалистической характеристики преступлений, в частности время, место, способ совершения преступлений, учитываются по наиболее обобщенным показателям, без необходимой детализации, при отсутствии научно обоснованной системы классификации, познание закономерностей затруднено. Особенно сложно представить динамику рассматриваемых явлений, обнаружить изменения в обстоятельствах совершения преступлений, увидеть смену способов, установить воздействие на них научно-технического прогресса и т. д.

Таким образом, подводя итог сказанному, стоит отметить, что последовательный, всесторонний анализ полученной информации, входящей в криминологическую и криминалистическую характеристику, дает возможность установить определенные взаимосвязи и закономерности характеристик преступников, совершенных ими деяний, приемов их обнаружения, раскрытия и предотвращения.

Знание закономерностей обстоятельств совершения преступлений, свойств субъектов помогает правильно ориентироваться в ходе организации профилактики, предотвращения, выявления и раскрытия преступлений.

Известно, что эффективность борьбы с преступностью зависит от многих факторов, к которым относятся как сами деяния и лица, их совершающие, так и деятельность органов внутренних дел, те средства и методы, которые ими используются. Средства, методы, сроки и обстоятельства обнаружения, раскрытия и предотвращения противоправных деяний испытывают на себе влияние специфики форм и видов самих преступлений (тяжкое, групповое, одиночное, очевидное и т. п.), стадий их развития (приготовление, покушение, оконченное), свойств, присущих личности преступников (пол, возраст, профессиональные навыки, преступный опыт), условий, которые используются для осуществления преступных замыслов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Горяинов К. К. Общая характеристика преступлений. М., 1980. С. 9.

² Яблоков Н. П. Криминалистическая характеристика преступления и типичные следственные ситуации как важные факторы разработки. Методика расследования преступлений. М., 1979. С. 11–12.

³ Карасева М. Ю. Криминологическая характеристика субъекта преступления // Юрид. науки. 2007. № 1. С. 130–137.

⁴ Бурлаков В. Н. Криминологическая характеристика преступления // Рос. ежегодник уголов. права. 2007. № 1. С. 194–205.

¹ Goryainov K. K. Obshchaya harakteristika prestuplenij. M., 1980. S. 9.

² Yablokov N. P. Kriminalisticheskaya harakteristika prestupleniya i tipichnye sledstvennye situacii kak vazhnye faktory razrabotki. Metodika rassledovaniya prestuplenij. M., 1979. S. 11–12.

³ Karaseva M. YU. Kriminologicheskaya harakteristika sub"ekta prestupleniya // YUrid. nauki. 2007. № 1. S. 130–137.

⁴ Burlakov V. N. Kriminologicheskaya harakteristika prestupleniya // Ros. ezhegodnik ugodov. prava. 2007. № 1. S. 194–205.

Статья поступила 03.12.2021

Организационно-правовые аспекты оценки личности и поведения осужденных к лишению свободы

А. А. КОЛЬЕВ – доцент кафедры административно-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат экономических наук, доцент;

К. В. ШАТОВА – инспектор филиала уголовно-исполнительной инспекции по Симферопольскому району УФСИН России по Республике Крым и г. Севастополю

В статье обосновывается необходимость совершенствования мотивации осужденных к правопослушному образу жизни с учетом их поведения и личностных характеристик. Представлен анализ правового регулирования оценки личности и поведения осужденных к лишению свободы. Обозначена проблема отсутствия систематизации норм, регулирующих основания, порядок и критерии оценки осужденных, для решения которой в правовом аспекте предлагается внести изменения в УИК РФ путем дополнения ст. 9 УИК РФ новой частью или введения в кодекс новой статьи «Критерии исправления осужденных к лишению свободы». В организационном аспекте предложено внедрение методики экспресс-диагностики в целях выявления степени исправления осужденных, которая подразумевает вычисление суммы баллов по определенным критериям ежеквартально или по полугодиям. Предложенные мероприятия будут способствовать повышению эффективности оценки личности и поведения осужденных и воспитательной работы со спецконтингентом в учреждениях уголовно-исполнительной системы в целом.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система; оценка личности осужденных; оценка поведения осужденных; экспресс-диагностика степени исправления осужденных.

12.00.11 – Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность.

Для цитирования: Кольев А. А., Шатова К. В. Организационно-правовые аспекты оценки личности и поведения осужденных к лишению свободы. *Ius publicum et privatum* : сетевой научно-практический журнал частного и публичного права, 2021, № 5 (15), с. 89–94, DOI 10.46741/2713-2811-2021-5-89-94.

Organizational and legal aspects of assessing the personality and behavior of prisoners sentenced to imprisonment

A. A. KOLYEV – Associate Professor of the Department of Administrative and Legal Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, PhD. of Economics, Associate Professor;

K. V. SHATOVA – Inspector of the branch of the Penal Inspectorate in the Simferopol District of the Federal Penal Service of Russia in the Republic of Crimea and the City of Sevastopol

The article substantiates the need to improve the motivation of convicts to law-abiding behavior, taking into account the behavior and personal characteristics of convicts. The analysis of the legal regulation of the assessment of the personality and behavior of those sentenced to imprisonment is presented. The problem of the lack of systematization of the norms governing the grounds, procedure and criteria for assessing convicts is identified, for the solution of which in the legal aspect it is proposed to amend the Penal Code of the RF of

by supplementing Art. 9 of the Penal Code of the RF with a new part or supplementing the Penal Code of the RF with a new article "Criteria for the correction of those sentenced to imprisonment." In the organizational aspect it is proposed to introduce a method of express diagnostics in order to identify the degree of correction of convicts, which implies determining the amount of points according to certain criteria on a quarterly or half-year basis. The proposed measures will help to increase the effectiveness of assessing the personality and behavior of convicts and educational work with the special contingent in the institutions of the penal system as a whole.

Key words: penal system; assessment of the personality of convicts; assessment of the behavior of convicts; express diagnostics of the degree of correction of convicts.

12.00.11 – Judicial activity, prosecutorial activity, law enforcement activity and human rights work.

For citation: Kolyev A. A., Shatova K. V. Organizational and legal aspects of assessing the personality and behavior of prisoners sentenced to imprisonment. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2021, no. 5 (15), pp. 89–94, DOI 10.46741/2713-2811-2021-5-89-94.

Эффективная работа уголовно-исполнительной системы, совершенствование ее деятельности предполагают последовательную реализацию на практике всех принципов уголовно-исполнительного права. В первую очередь это принципы гуманизма при исполнении наказаний, дифференциации и индивидуализации ответственности и наказания, а также принцип справедливости, предусмотренный в ст. 6 УК РФ.

Реализация этих принципов в отношении осужденных к лишению свободы предполагает учет как положительного, так и отрицательного посткриминального (постпреступного) поведения осужденного. При позитивном поведении в отношении осужденного применяются меры поощрения, которые предусматривают определенный объем льгот, при негативном – меры взыскания, реализация которых значительно уменьшает объем этих прав.

Таким образом, поощрительные уголовно-исполнительные правоотношения в качестве непосредственного объекта имеют правомерное поведение осужденных, которое является одной из основных целей исполнения наказания. Посредством применения поощрительных норм реализуются не только вышеуказанные уголовно-исполнительные принципы, но и функции режима исправительного учреждения: регулятивная, воспитательная, а также функция социального контроля. Совершенствование уголовно-исполнительной политики обуславливает необходимость повышения эффективности мотивации осужденных к правопослушному поведению с учетом их поведения и личностных характеристик.

Важно подчеркнуть, что главным основанием поощрения является не само правомерное поведение осужденного, а его

оценка администрацией пенитенциарного учреждения, которая очень часто бывает субъективной. Однако меры поощрения в отношении осужденных способны полноценно реализовать свою функцию в уголовно-исполнительном праве только в том случае, если их применение будет основано на четких критериях, не допускающих субъективизма со стороны лиц, уполномоченных их применять. Тем не менее на сегодняшний день перечень критериев, закрепленных в УИК РФ, не закрыт, законодательно не закреплено их содержание, а анализ состояния дисциплинарной практики и дисциплины обнаруживает их неэффективность. Так, в 2020 г. было изъято следующее количество запрещенных предметов и веществ: денежных средств – 2,5 млн руб., алкоголя промышленного производства – 1503,3 л, алкоголя кустарного производства – 33 917,2 л, наркотических веществ, психотропных веществ или их аналогов – 42,6 кг, средств связи – 66,4 тыс. ед. При этом при попытке доставки изъято 2,3 млн руб., 1442,8 л спиртных напитков, 39,3 кг наркотических веществ, психотропных веществ или их аналогов, 29,5 тыс. ед. средств связи¹.

В связи с этим актуальность приобретает комплексное рассмотрение организационно-правовых аспектов оценки личности и поведения осужденных к лишению свободы. Всестороннее изучение этих вопросов необходимо для правильного использования сотрудниками УИС различных мер воздействия, выявления эффективных методов и средств работы с осужденными для формирования законопослушного способа существования как в условиях изоляции от общества, так и после освобождения.

Правовое регулирование оценки личности и поведения осужденных к лишению свободы основано на нормах УИК РФ, УК РФ, других федеральных законов (например, Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об образовании в Российской Федерации»²). Важную роль играют нормы ведомственного законодательства, в первую очередь приказа Минюста России 16.12.2016 № 295 (ред. от 29.01.2021) «Об утверждении Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений»³. При этом нельзя не отметить отсутствие систематизации норм, регулирующих основания, порядок и критерии оценки осужденных.

Деятельность администрации пенитенциарного учреждения по оценке личности и поведения осужденных является вторичной по отношению к результатам всего процесса исполнения наказания. Оценка осужденных проводится с целью выявления степени их исправления. По ее итогам к осужденному применяются меры поощрения и взыскания, а также осуществляется разработка и корректировка индивидуальной программы воспитательной работы и социальной реабилитации осужденного.

Оценка личности и поведения осужденного проводится на основании ряда критериев, часть из которых прямо закреплена в законодательстве в качестве критериев исправления осужденных: хорошее поведение, добросовестное отношение к труду и обучению, активное участие в проводимых воспитательных мероприятиях, отношение осужденного к совершенному деянию (раскаяние) и частичное или полное возмещение причиненного ущерба.

Оценка осужденных реализуется на практике в пенитенциарных учреждениях в форме проведения аттестации осужденных, которая периодически проводится специальной комиссией. Как правило, в такую комиссию входят начальник учреждения как председатель, заместители начальника учреждения, начальник оперативного отдела, начальник отдела безопасности, начальник

психологической лаборатории. Поведение осужденного оценивается по критериям признания вины, раскаяния, участия в воспитательных мероприятиях, выполнения режимных требований, отношения к труду, стремления к получению образования и т. д. По результатам работы комиссии делается вывод о том, характеризуется осужденный положительно или отрицательно, и выносится решение о целесообразности или нецелесообразности применения к нему поощрительных мер (в отношении каждого осужденного в отдельности).

Однако следует отметить, что в большинстве исправительных учреждений в ходе оценки поведения осужденных используются только формальные критерии: факт трудоустройства, наличие поощрений и отсутствие взысканий, погашение исполнительных листов, посещение воспитательных мероприятий. При этом игнорируется возможность использовать и учитывать любые характеризующие поведение осужденного обстоятельства в силу отсутствия закрепления в УИК РФ достаточного числа соответствующих критериев и единообразной методики проведения оценки. В итоге наблюдаются формализм и субъективизм в оценке осужденного. Подобный подход, который сохраняется во многих исправительных учреждениях УИС, нельзя признать приемлемым. С учетом выявленных недостатков полагаем, что существующая методика оценки личности и поведения осужденных требует совершенствования.

Проблемы оценки личности и поведения осужденных носят как правовой, так и организационный характер. В первом случае они обусловлены объективной недостаточностью законодательно закрепленных критериев оценки. Совершенствование оценки личности и поведения осужденных целесообразно осуществлять в направлении конкретизации и систематизации критериев оценки степени исправления.

В качестве решения данной проблемы предлагаем альтернативные варианты (табл. 1).

Таблица 1

Варианты изменений в УИК РФ

1 вариант	2 вариант
1	2
Дополнить ст. 9 УИК РФ новой ч. 2.1 следующего содержания: «2.1. При определении степени исправления осужденного с учетом вида отбываемого наказания учитываются соблюдение им требований режима, отношение к труду, получению среднего профессионального образования и профессиональному	Дополнить УИК РФ новой статьей «Критерии исправления осужденных к лишению свободы», которая будет устанавливать критерии и степень исправления для решения вопросов об изменении вида исправительного учреждения, замене наказания, условно-досрочном освобождении. Эту статью можно рас-

1	2
<p>обучению, а также получение осужденным основного общего и среднего общего образования, отношение осужденного к совершенному деянию, раскаяние в совершенном деянии, возмещение причиненного ущерба или иное устранение последствий вреда, причиненного в результате преступления, прохождение осужденным курса лечения от наркомании, алкоголизма, токсикомании, венерических заболеваний, психических расстройств, не исключающих вменяемости, а также его отношение к лечению»⁴</p>	<p>положить по аналогии с УИК Республики Беларусь⁵ в гл. 15 УИК РФ «Воспитательное воздействие на осужденных к лишению свободы», например, в качестве ст. 114.1 УИК РФ или в качестве ст. 175.1 УИК РФ в гл. 21 «Освобождение от отбывания наказания»</p>

Следует отметить, что в первом варианте представлен универсальный набор критериев оценки поведения осужденного, который целесообразно использовать в положениях ч. 2.2 и 2.3 ст. 78, ч. 6 ст. 97, ч. 3 ст. 108, ч. 2 ст. 109, ч. 4 ст. 112, ч. 1 ст. 113, ч. 1 ст. 134, ч. 2 ст. 120, ч. 2 ст. 122, ч. 2 ст. 124, ч. 2 ст. 127, ч. 3, 4 ст. 132, ч. 1 ст. 140, ч. 2–3.1 ст. 175, а также ч. 4.1 ст. 79 и ч. 4 ст. 80 УК РФ. Это позволит законодательно закрепить критерии исправления осужденных, на основании которых администрация исправительного учреждения будет решать вопросы о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания, изменении вида исправительного учреждения, предоставлении условно-досрочного освобождения, а также права выезда за пределы исправительного учреждения⁶.

Во втором варианте степень исправления будет определяться администрацией исправительного учреждения по результатам аттестации осужденного на основании всестороннего изучения его личности и оценки поведения в период отбывания наказания. Ставшим на путь исправления может быть признан осужденный, если он принял письменное обязательство о правоупотреблении поведением, не имеет взысканий, добросовестно относится к труду или учебе, выполнению работ по коллективному самообслуживанию, уборке и благоустройству исправительных учреждений и прилегающих к ним территорий и проявляет полезную инициативу в иной общественно полезной деятельности, а осужденный, не погасивший до постановления приговора ущерб, причиненный преступлением, – если он также принял все зависящие от него меры по возмещению ущерба. Твердо ставшим на путь исправления может быть признан осужденный, если его поведение соответствует данным критериям и свидетельствует об устойчивом стремлении к правоупотреблению поведению.

Более того, М. В. Ковалев полагает, что положение об обязанности возместить вред, причиненный преступлением, как условие изменения вида исправительного учреж-

дения должно найти отражение в ч. 1 ст. 78 УИК РФ. Для этого необходимо изложить ч. 1 ст. 78 УИК РФ в следующей редакции: «В зависимости от поведения и отношения к труду в течение всего периода отбывания наказания, возмещения вреда (полностью или частично), причиненного преступлением, осужденным к лишению свободы может быть изменен вид исправительного учреждения»⁷.

Вопрос разработки критериев исправления осужденных в настоящее время является дискуссионным. Эта тема получила отражение в работах различных авторов, таких как Т. Ф. Миняева⁸, В. С. Шубин⁹ и др.

Также в научной литературе высказываются мнения, что закрепление в законодательстве степеней исправления и их критериев в самостоятельной статье УИК РФ не решит проблемы повышения эффективности оценки поведения и личности осужденных. Например, С. Е. Илюхин отмечает, что понятия «твердо ставший на путь исправления», «доказавший свое исправление» и т. п. также недостаточно объективны, даны общими фразами, не имеют конкретных показателей. В этой связи автор считает, что критерии оценивания степени исправления осужденных в законе должны быть конкретизированы и иметь свою шкалу¹⁰.

Организационные проблемы обусловлены несовершенством процедуры и методики аттестации осужденных, которые сегодня не позволяют оценить все проявления личности в совокупности, проследить динамику личностных и поведенческих изменений. Считаем оправданным в целях выявления степени исправления осужденных предусмотреть возможность внедрения методики экспресс-диагностики, которая основывается на определении суммарного количества баллов по конкретным критериям ежеквартально или по полугодиям. Нами предлагается методика, содержащая в себе опросник, классификацию в зависимости от соотношения результатов на основе категорий степени исправления осужденных, отображение особенностей каждой степени исправления (табл. 2).

Опросник осужденных в целях выявления степени исправления

№ п/п	Список утверждений	Оценка утверждений осужденным (от 0 до 2 баллов)
1	Я с уважением отношусь к окружающей среде (готов содействовать в облагораживании природных ресурсов)	
2	Я с уважением отношусь к общественно полезному труду (трудоустроен/не трудоустроен, намерен(а) работать после освобождения)	
3	Отношения в коллективе с другими осужденными	
4	Отношение к коллективной деятельности (кружки, спортивные мероприятия и т. д.)	
5	Отношение к людям, в первую очередь представителям администрации учреждения, родственникам (0 баллов – эгоистическое, пренебрежительное, жестокое; 2 балла – уважительное, гуманное)	
6	Отношение к совершенному преступлению (0 баллов – поступил(а) как посчитал(а) нужным, в содеянном не раскаиваюсь; 2 балла – вину признаю, жалю о содеянном)	
7	Отношение к наказанию, назначенному судом (0 баллов – несправедливо; 2 балла – справедливо)	
8	Отношение к законам Российской Федерации, в том числе отношению к требованиям режима отбывания наказания (0 баллов – не намерен(а) соблюдать; 2 балла – намерен(а) соблюдать)	
9	Отношение к самому себе, к личностным качествам (0 баллов – я всегда прав(а)/никто не может мне перечить/считаю виновным в совершенном преступлении другого; 2 балла – готовность бескорыстно помогать другим/с добротой и заботой отношусь к окружающим)	
10	Отношение к своему прошлому и своему будущему (устойчивое стремление к совершенствованию)	
11	Отношение к основным средствам исправления (перевоспитания)	
12	Отношение к повышению образовательного и профессионального уровня (готовность к получению новых знаний, умений и навыков)	
13	Стремление к самовоспитанию	
14	Отношение к выданному имуществу во время отбывания наказания (0 баллов – никак не отношусь; 2 балла – отношусь бережно)	
15	Допускаю ли я срывы в своем поведении по отношению к другим осужденным, представителям администрации учреждения (0 баллов – да; 2 балла – нет)	
16	Подвержен(а) ли я отрицательному подавлению со стороны более влиятельных осужденных в криминальной среде? (0 баллов – да; 2 балла – нет)	
17	Готов(а) ли я к трудностям, ожидающим меня после освобождения, справлюсь ли я с ними, не переступив закон (0 баллов – нет; 2 балла – да)	
18	Готов(а) ли я помогать другим осужденным встать на путь исправления (0 баллов – нет; 2 балла – да)	
19	Нуждаюсь ли я в исправлении (0 баллов – нет; 2 балла – да)	
Вывод		

Строка «Вывод» заполняется представителем администрации пенитенциарного учреждения, где отбывает наказание осужденный, после подсчета суммы баллов исходя из следующих оснований:

– нулевая (исходная) степень исправления (10 баллов и меньше): осужденный не встал на путь исправления;

– первая степень исправления (11–28 баллов): осужденный в целом характеризуется положительно, положительно относится к труду, требованиям режима, воспитательной работе, но имеются посылы к криминальной среде;

– вторая степень исправления (28–34 балла): осужденный твердо встал на путь исправления, признал свою вину, проявляет инициативу в положительном направлении, активно принимает участие в самодеятельных организациях, соблюдает требования режима и удерживает других осужденных от совершения нарушений, имеет стремление к саморазвитию и самовоспитанию.

С. С. Пилюкова считает, что анализ эффективности воспитательной работы, проводимой как исправительным учреждением в целом, так и отдельно по отрядам, необходимо осуществлять на основе определения

итоговой суммы баллов всех осужденных один раз в полугодие. Кроме этого, важно учитывать следующие моменты:

– общие характеристики осужденных, набравших наибольшее/наименьшее количество баллов (пол, возраст, уровень образования, состав преступления);

– динамику (увеличение/уменьшение) индивидуальных показателей осужденных либо отсутствие динамики с объяснением возможных причин;

– сопоставление с итогами прошлых анализов, подготовку рекомендаций по совершенствованию воспитательной работы¹¹.

Основанием для проведения дополнительных воспитательных мероприятий является отрицательная динамика или ее отсутствие на протяжении года. Этот факт может

стать подтверждением невысокой результативности воспитательной работы. Также на основании математической оценки возможно изменение программы психокоррекционного воздействия.

Кроме того, анализ деятельности аттестационных комиссий во многих исправительных учреждений показал, что в ходе заседания не используется такая форма оценки, как аттестационный лист. Считаем данную практику неприемлемой и предлагаем обеспечить единообразие документооборота во всех исправительных учреждениях УИС.

Предложенные мероприятия будут способствовать повышению эффективности оценки личности и поведения осужденных и воспитательной работы со спецконтингентом в учреждениях УИС в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы (январь–декабрь 2020 г.): информ.-аналит. сб. Тверь, 2021. С. 48–51.

² Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.

³ URL: <http://www.pravo.gov.ru/document/420387264> (дата обращения: 30.09.2021).

⁴ Голодов П. В., Рудаков А. М. Критерии оценки поведения осужденных в уголовно-исполнительном законодательстве: вопросы систематизации // Вестн. ин-та: преступление, наказание, исправление. 2016. № 3 (35). С. 64–67.

⁵ URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414827 (дата обращения: 30.09.2021).

⁶ Голодов П. В., Рудаков А. М. Критерии оценки поведения осужденных в уголовно-исполнительном законодательстве: вопросы систематизации.

⁷ Ковалев М. В. Изменение вида исправительного учреждения как результат социального поведения осужденного. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izmenenie-vida-ispravitelnogo-uchrezhdeniya-kak-rezultat-sotsialnogo-povedeniya-osuzhdenno> (дата обращения: 10.10.2021).

⁸ Миняева Т. Ф. Уголовно-исполнительное право – особая отрасль права // Человек: преступление и наказание. 2021. Т. 29 (1–4), № 1. С. 32–39.

⁹ Шубин В. С. Характеристика исправления осужденного как отражение современной уголовной политики // Актуал. исследования. 2020. № 23 (26). Ч. I. С. 129–132. URL: <https://apni.ru/article/1563-kharakteristika-ispravleniya-osuzhdenno> (дата обращения: 20.10.2021).

¹⁰ Илюхин С. Е. Критерии оценки степени исправления осужденных // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. ст. всерос. науч.-практ. конф. Томск, 2020. С. 62.

¹¹ Пиюкова С. С. Оценка эффективности воспитательной работы с осужденными // Вестн. Самар. юрид. ин-та. 2017. № 3 (25). С. 104.

¹ Osnovnye pokazateli deyatel'nosti ugovolno-ispolnitel'noj sistemy (yanvar'–dekabr' 2020 g.): inform.-analit. sb. Tver', 2021. S. 48–51.

² Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii. 2012. № 53 (ch. 1). St. 7598.

³ URL: <http://www.pravo.gov.ru/document/420387264> (data obrashcheniya: 30.09.2021).

⁴ Golodov P. V., Rudakov A. M. Kriterii ocenki povedeniya osuzhdennyh v ugovolno-ispolnitel'nom zakonodatel'stve: voprosy sistemizatsii // Vestn. in-ta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2016. № 3 (35). S. 64–67.

⁵ URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414827 (data obrashcheniya: 30.09.2021).

⁶ Golodov P. V., Rudakov A. M. Kriterii ocenki povedeniya osuzhdennyh v ugovolno-ispolnitel'nom zakonodatel'stve: voprosy sistemizatsii.

⁷ Kovalev M. V. Izmenenie vida ispravitel'nogo uchrezhdeniya kak rezul'tat social'nogo povedeniya osuzhdenno. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izmenenie-vida-ispravitelnogo-uchrezhdeniya-kak-rezultat-sotsialnogo-povedeniya-osuzhdenno> (data obrashcheniya: 10.10.2021).

⁸ Minyazeva T. F. Ugolovno-ispolnitel'noe pravo – osobaya otrasl' prava // CHelovek: prestuplenie i nakazanie. 2021. T. 29 (1–4), № 1. S. 32–39.

⁹ SHubin V. S. Harakteristika ispravleniya osuzhdenno kak otrazhenie sovremennoj ugovolnoj politiki // Aktual. issledovaniya. 2020. № 23 (26). CH. I. S. 129–132. URL: <https://apni.ru/article/1563-kharakteristika-ispravleniya-osuzhdenno> (data obrashcheniya: 20.10.2021).

¹⁰ Ilyuhin S. E. Kriterii ocenki stepeni ispravleniya osuzhdennyh // Pravovye problemy ukrepleniya rossijskoj gosudarstvennosti: sb. st. vseros. nauch.-prakt. konf. Tomsk, 2020. S. 62.

¹¹ Piyukova S. S. Ocenka effektivnosti vospitatel'noj raboty s osuzhdennymi // Vestn. Samar. yurid. in-ta. 2017. № 3 (25). S. 104.

Статья поступила 01.10.2021

Условия функциональности общественных наблюдательных комиссий как субъектов общественного контроля за деятельностью учреждений уголовно-исполнительной системы Российской Федерации

Е. В. КУЗНЕЦОВА – доцент кафедры государственно-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

Е. А. КОЧЕТОВА – курсант 3 курса юридического факультета ВИПЭ ФСИН России

В статье предпринята попытка определить условия, при которых общественные наблюдательные комиссии как субъекты общественного контроля за деятельностью уголовно-исполнительной системы будут реализовывать поставленные перед ними цель и задачи. Авторы предлагают отказаться от понятия «эффективность деятельности» применительно к общественным наблюдательным комиссиям и оценивать их с позиции функциональности. Под функциональностью общественных наблюдательных комиссий предлагается понимать их способность выполнять свои функции. Выявляются следующие условия функциональности общественных наблюдательных комиссий: согласованное правовое регулирование их деятельности, оптимальный порядок формирования комиссий и подготовки их членов к деятельности, физическая доступность учреждений для посещения общественными наблюдательными комиссиями, надлежащее финансирование деятельности общественных наблюдательных комиссий.

Ключевые слова: общественный контроль за деятельностью уголовно-исполнительной системы; общественные наблюдательные комиссии; уголовно-исполнительная система; эффективность общественного контроля; функциональность общественного контроля.

12.00.11 – Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность.

Для цитирования: Кузнецова Е. В., Кочетова Е. А. Условия функциональности общественных наблюдательных комиссий как субъектов общественного контроля за деятельностью учреждений уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. *Ius publicum et privatum* : сетевой научно-практический журнал частного и публичного права, 2021, № 5 (15), с. 95–99, DOI 10.46741/2713-2811-2021-5-95-99.

Terms of functionality public oversight commissions as subjects of public control over the institutions of the penitentiary system of the Russian Federation

E. V. KUZNETSOVA – Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. of Law, Associate Professor;

E. A. KOCHETOVA – 3rd Year Student of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia

The article attempts to determine the conditions under which public supervisory commissions as subjects of public control over the penitentiary system will implement their goals and objectives. The authors propose to abandon the concept of "efficiency" in relation to public oversight commissions and evaluate them from the standpoint of functionality. It is proposed to understand the functionality of public oversight commissions as their ability to perform their functions. The authors identify the following conditions for the functionality of public oversight commissions: coordinated legal regulation of their activities, the optimal procedure for the formation of commissions and preparation of their members for activities, physical accessibility of institutions for visiting by public oversight commissions, proper funding for the activities of public oversight commissions.

Key words: public control over the penitentiary system; public oversight commissions; penitentiary system; the effectiveness of public control; public control functionality.

12.00.11 – Judicial activity, prosecutorial activity, law enforcement activity and human rights work.

For citation: Kuznetsova E. V., Kochetova E. A. Terms of functionality of public oversight commissions as subjects of public control over the institutions of the penitentiary system of the Russian Federation. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2021, no. 5 (15), pp. 95–99, DOI 10.46741/2713-2811-2021-5-95-99.

Вопросы эффективности и функциональности общественного контроля, в том числе за деятельностью уголовно-исполнительной системы, весьма актуальны на современном этапе развития общества и государства. Проблеме эффективности общественного контроля за деятельностью пенитенциарных учреждений не уделялось должного внимания в отечественной юридической науке, отсутствуют и официальные критерии оценки по аналогии с общественными советами при федеральных органах исполнительной власти, в отношении которых действуют Методика оценки и критерии эффективности деятельности общественных советов при федеральных органах исполнительной власти. В отчетах общественных наблюдательных комиссий и последующих докладах общественных палат субъектов Российской Федерации представлены в основном количественные показатели (число посещений, проведенных мероприятий, поданных жалоб, подготовленных заключений и т. п.), что свидетельствует о продуктивности общественных наблюдательных комиссий, но не об эффективности их деятельности.

Считаем, что оценка эффективности деятельности любых общественных формирований выходит далеко за пределы традиционной формулы, указывающей на соотношение затраченных усилий и полученных результатов. Более того, в ряде случаев практически невозможно измерить затраченные ресурсы, потому как они включают задействованные не только материальные средства, но и в большей степени нематериальные – время, знания, труд активистов. Предлагаем оценивать деятельность общественных наблюдательных комиссий с по-

зиции их функциональности. Под функциональностью общественных наблюдательных комиссий понимается осуществление организацией возложенной на нее правообеспечительной функции, которая выражается в контроле за соблюдением прав личности в местах принудительного содержания и содействии их реализации. При этом количественные показатели не отражают ее выполнение. Требуется принципиально иной подход к оценке функциональности субъектов общественного контроля.

Попытаемся определить условия, при которых общественные наблюдательные комиссии будут функциональны. Недостаточно просто принять нормативный акт, определить субъектов, их права и обязанности, создать общественные наблюдательные комиссии в субъектах Российской Федерации – важно, чтобы созданный механизм общественного контроля функционировал и выполнял поставленные цель и задачи.

Для обеспечения выполнения функций любым субъектом необходимо создание должных условий. Общественные наблюдательные комиссии в данном случае не являются исключением, следовательно, актуальным становится вопрос выявления возможных условий их функциональности. На наш взгляд, к таковым можно отнести:

1. Согласованное и беспробельное правовое регулирование создания и деятельности общественных наблюдательных комиссий. Федеральный закон «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» постоянно

совершенствуется, однако в ряде случаев учеными и практиками усматриваются некоторые недостатки в правовом регулировании соответствующей деятельности. Во-первых, нечетко сформулированы цель и задачи общественных наблюдательных комиссий, а ведь именно посредством целеполагания законодатель обосновывает необходимость той или иной формы деятельности. Исследователи отмечают и недостаточно продуманный механизм формирования общественных наблюдательных комиссий. Кроме того, закон закрепляет полномочия членов общественной наблюдательной комиссии, но не закрепляет полномочия комиссии в целом. Указывается на необходимость расширения перечня мест принудительного содержания, требующих общественного контроля, выделяется проблема недостаточного нормативного закрепления взаимодействия общественных наблюдательных комиссий, например, с общественными палатами субъектов Российской Федерации и др. В рамках статьи невозможно охарактеризовать все нормативные положения, требующие корректировки.

2. Оптимальный порядок формирования общественной наблюдательной комиссии. Некоторые авторы отмечают, что требования к кандидатам в члены общественной наблюдательной комиссии несколько завышены¹. Привлекают к себе внимание и такие проблемы, как недостаток времени для качественной проверки материалов на кандидатов в члены комиссии, ограничение полномочий члена тремя сроками. Члены общественных наблюдательных комиссий, продемонстрировавшие заинтересованность в своей деятельности и уже имеющие необходимый опыт, могли бы продолжать работу в дальнейшем. Кроме того, требование от общественных правозащитных организаций пятилетнего опыта работы в субъекте без каких-либо ограничений, по мнению исследователей, продемонстрировало свою несостоятельность при формировании общественных наблюдательных комиссий за деятельностью полиции. Предлагается увеличить число организаций, имеющих право выдвигать кандидатуры в состав общественных наблюдательных комиссий, путем сокращения требований к сроку деятельности². Полагаем, что проблемы, связанные с формированием общественных наблюдательных комиссий за деятельностью полиции, можно смело экстраполировать и на субъекты общественного контроля за уголовно-исполнительной

системой. Так, например, возникали сложности с формированием общественных наблюдательных комиссий в Чукотском и Ненецком автономных округах из-за недостаточного количества общественных организаций, имеющих право выдвигать членов. Это приводило к невозможности сформировать действенный состав комиссии.

3. Физическую доступность учреждений для посещения членами общественных наблюдательных комиссий. Качественное выполнение функций субъектов общественного контроля зависит от способности общественной наблюдательной комиссии и ее членов оперативно среагировать на жалобу, посетив учреждение. Понятие «физическая доступность» включает в себя территориальную расположенность учреждений, позволяющую нанести визит в максимально краткие сроки с минимальными экономическими затратами. Территория нашей страны огромна, некоторые учреждения уголовно-исполнительной системы размещены в отдаленных регионах, что является наследием советского периода развития уголовно-исполнительной системы и не способствует тому, чтобы быстро добираться в учреждение для визита, совершать посещения так часто, как это необходимо для целей общественного контроля.

Общественная палата Российской Федерации в докладе, посвященном десятилетию функционирования общественных наблюдательных комиссий в субъектах, приводит данные по размерам территории и количеству учреждений, приходящихся на одного члена комиссии в различных субъектах³. Так, в пересчете на одного члена комиссии площадь территории, на которой осуществляется общественный контроль, в Республике Саха (Якутия) в 100 раз больше, чем в Новгородской области, и в 10 тыс. раз больше, чем в Москве. Из приведенных данных видно, что физическая доступность учреждений в Якутии, Ямало-Ненецком автономном округе или Красноярском крае существенно ниже, поскольку регионы имеют значительную территорию, и наоборот, учреждения уголовно-исполнительной системы в городах федерального значения размещены компактно, что снижает временные и финансовые затраты на их посещение.

Если же брать показатель количества учреждений на одного члена общественной наблюдательной комиссии, то вновь антилидером по количественным показателям является Республика Саха (Якутия): на одного члена комиссии здесь приходится

23,8 мест принудительного содержания. Физически посетить такое количество учреждений, размещенных к тому же на отдаленных расстояниях, крайне сложно. Наоборот, в городах федерального значения на одного члена общественной наблюдательной комиссии приходится небольшое количество учреждений – от 1,8 до 5,3.

Поскольку изменить географические и климатические условия страны мы не можем, целесообразно предоставить субъектам Российской Федерации право вносить предложения о формировании состава общественной наблюдательной комиссии в количестве большем, чем предельная численность, установленная в законе (40 чел.), если того требуют те или иные условия субъекта, либо региональной общественной палате на основании инициативы общественной наблюдательной комиссии самостоятельно определять численность последней. При этом, на наш взгляд, потребуется расчет норм нагрузки на одного члена комиссии с учетом числа учреждений, лиц, содержащихся в местах принудительного содержания, повышающего критерия, обусловленного площадью и территорией региона. Эта проблема требует дальнейшего исследования.

Физическая доступность может быть также связана с готовностью администрации принимать комиссии в учреждении уголовно-исполнительной системы в то время, которое позволит наиболее удобно оценить ситуацию. Отметим, что физическая доступность пенитенциарных учреждений для осуществления общественного контроля существенно снизилась в условиях пандемии новой коронавирусной инфекции, что негативно сказывается на реализации цели общественного контроля и требует пристального внимания со стороны государства, особенно в части совершенствования нормативного регулирования на уровне федерального закона.

4. Эффективную подготовку членов общественной наблюдательной комиссии к работе по их направлению деятельности. На наш взгляд, это важное условие, поскольку член комиссии должен осознавать значимость своей деятельности, знать свои права, обязанности, ограничения, иметь представление о местах принудительного содержания региона, в котором работает, прогнозировать возможные позитивные и негативные результаты своих действий или бездействия. В настоящее время данная работа организуется в основном путем издания и распространения соответствующих мето-

дических рекомендаций и учебно-методических пособий для членов общественных наблюдательных комиссий, информирования через официальные сайты и порталы и не предполагает какого-либо синхронного, очного обучения. На наш взгляд, реализация специальной обучающей программы, например, региональными общественными палатами повысила бы эффективность деятельности комиссии, осознанность и заинтересованность ее членов в результатах своей деятельности. Целесообразна такая учеба еще на стадии формирования общественной наблюдательной комиссии: это позволит отсеять тех кандидатов, которые стремятся войти в состав комиссии для определенного общественного статуса, а не активной работы.

5. Финансирование и материальное обеспечение деятельности общественных наблюдательных комиссий. Очевидно, что общественный контроль осуществляется на безвозмездной основе: для членов комиссий их деятельность представляет собой общественную неоплачиваемую нагрузку. При этом следует отметить, что некоторые мероприятия общественных наблюдательных комиссий требуют финансовых затрат: расходы на канцелярию, почтовые расходы, средства на должное информирование о деятельности общественных наблюдательных комиссий (хостинг сайта, например), транспортные расходы, содержание помещений для заседаний комиссии, компенсация телефонных переговоров и прочее. Федеральный закон указывает на два возможных источника финансирования деятельности общественных наблюдательных комиссий: со стороны общественного объединения, выдвинувшего члена в комиссию, а также со стороны органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления. Ими может быть оказана финансовая, имущественная, консультационная, информационная и иная поддержка. В настоящее время отмечается нехватка финансовых и материальных ресурсов. В 2021 г. Минюстом России разработан проект федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» (в части совершенствования порядка формирования и деятельности общественных наблюдательных комиссий)», который предполагает, что расходы общественной наблюдательной

комиссии на осуществление ее деятельности будут покрываться, а также содействие в материально-техническом и информационном обеспечении их деятельности будет оказываться не только объединениями, выдвинувшими члена общественной наблюдательной комиссии, но и общественной палатой субъекта Российской Федерации за счет средств регионального бюджета⁴. Кроме того, указанный проект закона предполагает сокращение срока деятельности объединений, выступающих с инициативой выдвижения членов общественной наблюдательной комиссии, с 5 до 3 лет, что ранее и предлагалось исследователями. Планируется также расширение перечня объектов общественного контроля путем включения в него учреждений, исполняющих наказание в виде принудительных работ. Кроме того, предла-

гается дополнить перечень принципов деятельности общественных наблюдательных комиссий принципом их независимости и запрета вмешательства в их деятельность. Нормативное закрепление данного принципа и последовательное исполнение его на практике будут способствовать реализации общественными наблюдательными комиссиями своих функций и выступать в качестве условия их функциональности.

Предложенный нами перечень условий функциональности общественных наблюдательных комиссий не является исчерпывающим и, возможно, будет дополнен в ходе последующего изучения проблемы, в том числе после принятия и вступления в силу указанной выше инициативы по совершенствованию законодательства об общественном контроле.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Реент Я. Ю. Некоторые проблемы правового регулирования деятельности общественных наблюдательных комиссий // Человек: преступление и наказание. 2014. № 1 (84). С. 56. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-problemy-pravovogo-regulirovaniya-deyatelnosti-obschestvennyh-nablyudatelnyh-komissiy> (дата обращения: 14.10.2021).

² Ковалева И. В. Общественные наблюдательные комиссии в системе субъектов общественного контроля за деятельностью полиции в Российской Федерации // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2019. № 5. С. 123–124. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschestvennye-nablyudatelnye-komissii-v-sisteme-subektov-obschestvennogo-kontrolya-za-deyatelnostyu-politsii-v-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 18.10.2021).

³ URL: https://www.oprf.ru/files/1_2019dok/doklad_onk_28022019_1.pdf (дата обращения: 22.10.2021).

⁴ URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=117964> (дата обращения: 25.10.2021).

¹ Reent YA. YU. Nekotorye problemy pravovogo regulirovaniya deyatel'nosti obshchestvennyh nablyudatel'nyh komissij // CHelovek: prestuplenie i nakazanie. 2014. № 1 (84). S. 56. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-problemy-pravovogo-regulirovaniya-deyatelnosti-obschestvennyh-nablyudatelnyh-komissiy> (data obrashcheniya: 14.10.2021).

² Kovaleva I. V. Obshchestvennye nablyudatel'nye komissii v sisteme sub"ektov obshchestvennogo kontrolya za deyatel'nost'yu policii v Rossijskoj Federacii // Vestn. Nizhegorod. un-ta im. N. I. Lobachevskogo. 2019. № 5. S. 123–124. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschestvennye-nablyudatelnye-komissii-v-sisteme-subektov-obschestvennogo-kontrolya-za-deyatelnostyu-politsii-v-rossiyskoy-federatsii> (data obrashcheniya: 18.10.2021).

³ URL: https://www.oprf.ru/files/1_2019dok/doklad_onk_28022019_1.pdf (data obrashcheniya: 22.10.2021).

⁴ URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=117964> (data obrashcheniya: 25.10.2021).

Статья поступила 27.10.2021

DOI 10.46741/2713-2811-2021-5-100-103

УДК 347.96

Совершенствование системы организации принудительного исполнения судебных актов

В. Н. МАКОВЕЕВ – доцент кафедры инновационного менеджмента и управления проектами Института управления, экономики и юриспруденции Вологодского государственного университета, кандидат экономических наук;

Л. В. СУХАРЕВА – магистрант 2 курса Института управления, экономики и юриспруденции Вологодского государственного университета

В статье раскрываются правовые и организационные основы деятельности Федеральной службы судебных приставов. На основе анализа научных трудов отечественных ученых выделены существующие в ней проблемы. Предложены меры, направленные на совершенствование системы принудительного исполнения судебных актов и деятельности судебных приставов.

Ключевые слова: право; судебный пристав-исполнитель; исполнительное производство; Федеральная служба судебных приставов.

12.00.11 – Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность.

Для цитирования: Маковеев В. Н., Сухарева Л. В. Совершенствование системы организации принудительного исполнения судебных актов. *Ius publicum et privatum : сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*, 2021, № 5 (15), с. 100–103, DOI 10.46741/2713-2811-2021-5-100-103.

Improving the system of the compulsory execution of judicial acts

V. N. MAKOVEEV – Associate Professor of the Department of Innovative Management and Project Management of the Institute of Management, Economics and Law of the Vologda State University, PhD. of Economics;

L. V. SUKHAREVA – 2nd Year Undergraduate Student of the Institute of Management, Economics and Law of the Vologda State University

The article reveals the legal and organizational foundations of the activity of the Federal Bailiff Service. Based on the analysis of the scientific works of domestic scientists, the problems in the activities of the courts of the Russian Federation are highlighted. The proposed measures aimed at improving the system of compulsory execution of judicial acts and the activities of bailiffs.

Key words: law; bailiff; executive production; Federal bailiff service.

12.00.11 – Judicial activity, prosecutorial activity, law enforcement activity and human rights work.

For citation: Makoveev V. N., Sukhareva L. V. Improving the system of the compulsory execution of judicial acts. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2021, no. 5 (15), pp. 100–103, DOI 10.46741/2713-2811-2021-5-100-103.

Деятельность органов принудительного исполнения судебных актов направлена на принудительный порядок исполнения актов – решений и постановлений судов и постановлений административных органов – в ситуациях, когда обязанные лица уклоняются от исполнения указанных актов, и в иных случаях, когда на органы принудительного исполнения возложены соответствующие полномочия. Этим обусловлена высокая значимость сферы принудительного исполнения судебных актов как важнейшего элемента обеспечения эффективности функционирования судебной системы. С одной стороны, это должно определять стабильность данной деятельности, а с другой – обеспечивать установленный правопорядок и воздействовать на лиц, уклоняющихся от исполнения судебных актов¹.

Эффективность деятельности в сфере принудительного исполнения судебных и иных юрисдикционных актов напрямую зависит от состояния правовых норм, касающихся функционирования Федеральной службы судебных приставов (далее – ФССП РФ)².

ФССП РФ была создана Указом Президента Российской Федерации от 09.03.2004 № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти». Порядок организации и деятельности ФССП РФ определяется Федеральным законом от 21.07.1997 № 118-ФЗ «О судебных приставах» и Положением о Федеральной службе судебных приставов, утвержденным Указом Президента Российской Федерации от 13.10.2004 № 1316 «Вопросы Федеральной службы судебных приставов». ФССП РФ является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по исполнению судебных актов и актов других органов, а также обеспечению установленного порядка деятельности судов, и подведомственна Минюсту России. К основным задачам службы относятся обеспечение установленного порядка деятельности Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации, Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, судов общей юрисдикции и арбитражных судов; организация принудительного исполнения судебных актов судов общей юрисдикции и арбитражных судов, а также актов других органов, предусмотренных законодательством Российской Федерации об исполнительном производстве; управление территориальными органами ФССП РФ³.

В Публичной декларации целей и задач Федеральной службы судебных приставов на 2020 г. были заявлены следующие ключевые цели:

- обеспечение принудительного исполнения судебных актов, актов других органов и должностных лиц;
- создание условий для надлежащего обеспечения правосудия и обеспечения безопасности в судах;
- расширение способов получения информации о должнике и его имуществе за счет информационных технологий и увеличения количества контрагентов;
- совершенствование механизмов взаимодействия Федеральной службы судебных приставов с гражданами и организациями;
- обеспечение защиты прав и законных интересов граждан в сфере деятельности по возврату просроченной задолженности.

Для достижения этих целей ФССП РФ в 2020 г. реализован комплекс мер:

- продолжилась планомерная работа по формированию кадрового состава для качественного решения стоящих перед ФССП РФ задач (например, в целях совершенствования и развития кадрового состава, а также формирования его высоких профессиональных качеств в отчетном периоде в ФССП РФ применялись различные формы обучения, включая дополнительное профессиональное образование, профессиональную и служебную подготовку);
- в рамках взаимодействия ФССП РФ с Министерством юстиции Российской Федерации продолжилась работа по совершенствованию законодательства Российской Федерации (например, в соответствии с Федеральным законом от 08.06.2020 № 166-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях принятия неотложных мер, направленных на обеспечение устойчивого развития экономики и предотвращение последствий распространения новой коронавирусной инфекции» расширен перечень видов доходов, на которые не может быть обращено взыскание в рамках исполнительного производства);
- в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством на Федеральную службу судебных приставов возложены полномочия по осуществлению предварительного расследования в форме дознания, а также выполнению неотложных следственных действий по уголовным делам, по которым обязательно производство предварительного следствия (например, при ре-

ализации уголовно-правовых полномочий в 2020 г. ФССП России возбуждено 46,4 тыс. уголовных дел, из них: 44,3 тыс. – в отношении лиц, не уплативших денежные средства на содержание детей или нетрудоспособных родителей, 1,9 тыс. – о преступлениях против правосудия и 239 – в отношении лиц, злостно уклоняющихся от погашения кредиторской задолженности в крупном размере);

– продолжилась работа по профилактике коррупционных и должностных преступлений, совершаемых работниками ФССП РФ (например, возбуждено 217 уголовных дел по должностным преступлениям в отношении 201 работника территориальных органов ФССП РФ, АППГ – 245 уголовных дел в отношении 247 работников);

– осуществлялась работа, направленная на обеспечение защиты прав и законных интересов граждан в сфере деятельности по возврату просроченной задолженности (например, в ходе реализации контрольно-надзорных функций ФССП РФ в 2020 г. проведено 188 проверок юридических лиц, включенных в государственный реестр. По их результатам выдано 15 предписаний об устранении выявленных нарушений, составлено 252 протокола об административных правонарушениях, предусмотренных ч. 2 ст. 14.57 КоАП РФ).

Несмотря на достаточно активную работу по совершенствованию системы принудительного исполнения судебных актов, в этой сфере наблюдается ряд проблем. Проанализировав научные труды отечественных ученых, занимающихся вопросами совершенствования системы организации принудительного исполнения судебных актов⁴, а также данные с официального сайта ФССП РФ⁵, мы выделили следующие из них:

1. Высокая загруженность должностных лиц службы судебных приставов. Например, в 2020 г. для принудительного исполнения поступило 69,7 млн исполнительных документов, в 2019 г. – 68 млн. По сравнению с 2019 г. сохранилась тенденция увеличения количества поступивших судебных актов, оно выросло на 3,1 млн, или на 10,6 %, количество поступивших постановлений уполномоченных органов уменьшилось на 1,5 млн, или на 3,8 %. Всего на исполнении в 2020 г. находилось 110,5 млн исполнительных производств, что на 7,6 млн больше, чем в 2019 г. (102,9 млн). В общем количестве документов 56,8 млн, или 51,2%, составили акты несудебных органов и должностных лиц.

В среднем у одного судебного пристава-исполнителя в работе находилось 4,6 тыс. исполнительных производств, что в 17,2 раза превышает норму нагрузки судебного пристава-исполнителя, установленную постановлением Министерства труда и социального развития Российской Федерации и Минюста России от 15.08.2002 № 60/1 «Об утверждении норм нагрузки судебных приставов».

2. Слабая мотивация пристава-исполнителя к достижению результата (низкая заработная плата, низкий уровень иной материальной мотивации).

3. Недостаточная разработанность нормативной базы.

4. Низкий уровень информационного и материально-технического обеспечения.

Эти проблемы приводят к текучести кадров в ФССП РФ, низкому качеству и затяжному исполнению судебных решений, повышению рисков возникновения коррупционного поведения.

Можно утверждать, что неисполнимость судебных актов снижает показатели оценки эффективности правосудия, уровень доверия населения к исполнительской системе.

Для преодоления обозначенных проблем в организации принудительного исполнения судебных актов можно рекомендовать реализацию следующих мер:

1. Отнесение ФССП РФ к правоохранительным органам (это позволит законно использовать новые механизмы и возможности применения мер воздействия в отношении лиц, уклоняющихся от исполнения судебных решений, а также расширит для приставов-исполнителей перечень правовых и социальных гарантий, даст возможность получения компенсационных выплат, предусмотренных для правоохранительных органов).

2. Реализация института наставничества в ФССП РФ, а также введение централизованных курсов повышения квалификации, системы стажировки и должности помощника пристава помимо обязательного требования высшего юридического образования.

3. Разработка методических рекомендаций для судебных приставов-исполнителей, которые позволят развивать и детализировать положения Федерального закона от 21.07.1997 № 118-ФЗ «Об органах принудительного исполнения Российской Федерации».

4. Усиление взаимодействия со службами исполнения судебных актов иностранных

государств и другими органами власти и организациями.

5. Снижение входящего потока дел и нагрузки за счет вывода взысканий по административным штрафам.

6. Сокращение объема непрофильной работы пристава-исполнителя с помощью перехода к электронному уведомлению сторон.

7. Установление унифицированного формата обмена данными между ФССП РФ и другими ведомствами, что будет способствовать снижению количества сбоев в меж-

ведомственном взаимодействии и связанных с этим жалоб.

8. Рассмотрение предложения о разработке нормативно-правового регулирования системы поощрения работников ФССП РФ за окончание исполнительного производства реальным исполнением с учетом выявленных проблем.

Реализация предложенных мер будет способствовать повышению эффективности деятельности судебных приставов, улучшению качества принудительного исполнения судебных решений.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Гуреев В. А. Административно-исполнительная деятельность Федеральной службы судебных приставов – новая правовая категория // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 5. С. 17–21.

² Богданова Э. Ю. Совершенствование правового поля деятельности федеральной службы судебных приставов РФ: основные направления // Современ. общество и власть. 2018. № 4 (18). С. 159–163.

³ Ткаченко В. В. Совершенствование организации деятельности службы судебных приставов // Проблемы правоохранит. деятельности. 2018. № 4. С. 28–34.

⁴ Бакурова Н. Н. О некоторых аспектах административно-правового положения судебного пристава // Адм. право и процесс. 2013. № 2. С. 56–58; Борисов А. М., Мирзаев С. А. Проблемы исполнительного производства, связанные с принудительным взысканием административных штрафов // Практика исполнит. производства. 2017. № 1. С. 71–78; Волков С. А. Развитие института судебных приставов // Вестн. Сев.-Кавказ. гуманитар. ин-та. 2014. № 4. С. 96–101; Гуреев В. А., Гуцин В. В. Исполнительное производство : учеб. М., 2016; Гуреев В. А. Административно-исполнительная деятельность Федеральной службы судебных приставов; Он же. Меры административно-исполнительной деятельности ФССП России: формирование системного подхода // Адм. право и процесс. 2014. № 6. С. 19–25; Гусаков С. Ю. Некоторые особенности исполнительных документов // Практика исполнит. производства. 2019. № 4. С. 17–21; Курбангалеева Л. А. Новые способы исполнения судебных актов и актов уполномоченных органов // Актуальные вопросы юридических наук : материалы междунар. науч. конф. Челябинск, 2021. С. 125; Настольная книга судебного пристава-исполнителя : учеб.-практ. пособие / под ред. В. А. Гуреева, С. В. Сазанова. М., 2017; Судоустройство и правоохранительные органы : учеб. / В. Г. Бессарабов, Л. А. Воскобитова, Т. С. Дворянкина и др. ; отв. ред. Ю. К. Орлов. М., 2019; Лобанов В. И. Совершенствование управления деятельностью судебных приставов (на примере УФССП России по Свердловской области) // Аллея науки. 2017. Т. 2, № 8. С. 302–307; Богданова Э. Ю. Совершенствование правового поля деятельности федеральной службы судебных приставов; Иванищев А. А. Проблемы и пути совершенствования организационно-правовых основ деятельности судебных приставов // Юридический форум : сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. Пенза, 2020. С. 92–95; Ткаченко В. В. Совершенствование организации деятельности службы судебных приставов.

⁵ URL: <https://fssp.gov.ru> (дата обращения: 10.11.2021).

¹ Gureev V. A. Administrativno-ispolnitel'naya deyatel'nost' Federal'noj sluzhby sudebnykh pristavov – novaya pravovaya kategoriya // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. 2013. № 5. S. 17–21.

² Bogdanova E. YU. Sovershenstvovanie pravovogo polya deyatel'nosti federal'noj sluzhby sudebnykh pristavov RF: osnovnyye napravleniya // Sovremen. obshchestvo i vlast'. 2018. № 4 (18). S. 159–163.

³ Tkachenko V. V. Sovershenstvovanie organizatsii deyatel'nosti sluzhby sudebnykh pristavov // Problemy pravoohranit. deyatel'nosti. 2018. № 4. S. 28–34.

⁴ Bakurova N. N. O nekotorykh aspektah administrativno-pravovogo polozheniya sudebnogo pristava // Adm. pravo i process. 2013. № 2. S. 56–58; Borisov A. M., Mirzaev S. A. Problemy ispolnitel'nogo proizvodstva, svyazannye s prinuditel'nym vzyiskaniem administrativnykh shtrafov // Praktika ispolnit. proizvodstva. 2017. № 1. S. 71–78; Volkov S. A. Razvitiye instituta sudebnykh pristavov // Vestn. Sev.-Kavkaz. gumanitar. in-ta. 2014. № 4. S. 96–101; Gureev V. A., Gushchin V. V. Ispolnitel'noye proizvodstvo : ucheb. M., 2016; Gureev V. A. Administrativno-ispolnitel'naya deyatel'nost' Federal'noj sluzhby sudebnykh pristavov; On zhe. Mery administrativno-ispolnitel'noj deyatel'nosti FSSP Rossii: formirovaniye sistemnogo podhoda // Adm. pravo i process. 2014. № 6. S. 19–25; Gusakov S. YU. Nekotorye osobennosti ispolnitel'nykh dokumentov // Praktika ispolnit. proizvodstva. 2019. № 4. S. 17–21; Kurbangaleeva L. A. Novyye sposoby ispolneniya sudebnykh aktov i aktov upolnomochennykh organov // Aktual'nye voprosy yuridicheskikh nauk : materialy mezhdunar. nauch. konf. Chelyabinsk, 2021. S. 125; Nastol'naya kniga sudebnogo pristava-ispolnitelya : ucheb.-prakt. posobie / pod red. V. A. Gureeva, S. V. Sazanova. M., 2017; Sudoustroystvo i pravoohranitel'nye organy : ucheb. / V. G. Bessarabov, L. A. Voskobitova, T. S. Dvoryankina i dr. ; otv. red. YU. K. Orlov. M., 2019; Lobanov V. I. Sovershenstvovanie upravleniya deyatel'nost'yu sudebnykh pristavov (na primere UFSSP Rossii po Sverdlovskoy oblasti) // Alleya nauki. 2017. T. 2, № 8. S. 302–307; Bogdanova E. YU. Sovershenstvovanie pravovogo polya deyatel'nosti federal'noj sluzhby sudebnykh pristavov; Ivanishchev A. A. Problemy i puti sovershenstvovaniya organizatsionno-pravovykh osnov deyatel'nosti sudebnykh pristavov // Yuridicheskij forum : sb. st. mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Penza, 2020. S. 92–95; Tkachenko V. V. Sovershenstvovanie organizatsii deyatel'nosti sluzhby sudebnykh pristavov.

⁵ URL: <https://fssp.gov.ru> (data obrashcheniya: 10.11.2021).

Статья поступила 17.11.2021

DOI 10.46741/2713-2811-2021-5-104-108
УДК 343.982.4

Судебно-почерковедческая экспертиза: проблемы валидации и стандартизации

В. В. МАРОЧКИНА – негосударственный судебный эксперт, аспирант кафедры криминалистики, судебно-экспертной деятельности, оперативно-розыскной деятельности Российского государственного университета правосудия;

М. В. БОБОВКИН – профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Российского университета транспорта, профессор кафедры цифровой криминалистики Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана, профессор кафедры исследования документов Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя, доктор юридических наук

В статье рассматриваются актуальные проблемы, касающиеся таких аспектов, как валидация и стандартизация методик судебно-почерковедческих экспертиз. В российской судебной экспертологии (теории судебной экспертизы) эта область остается малоработанной ввиду отсутствия нормативных и методических регуляторов, описывающих концепцию соответствующих видов деятельности. В настоящее время законодатель не обязывает валидировать традиционные методики, однако все более остро встает вопрос унификации методического обеспечения, используемого при производстве и оформлении заключений экспертами различных ведомств, а также негосударственными судебными экспертами. Предпринятые попытки, направленные на достижение упорядоченности методического комплекса, не привели к ожидаемым результатам. Стандартизация должна иметь основу, которая позволит определить тот набор методических средств, который подлежит унификации. Таким инструментом мониторинга качества методического обеспечения судебно-почерковедческой экспертизы может стать валидация. Авторами предлагается концепция проверки пригодности методического обеспечения судебно-почерковедческой экспертизы, которая позволит не только усовершенствовать действующие методики, но и разработать новые методы решения назревших вопросов судебного почерковедения.

Ключевые слова: валидация; стандартизация; унификация; судебно-почерковедческая экспертиза.

12.00.12 – Криминалистика, судебно-экспертная деятельность, оперативно-розыскная деятельность.

Для цитирования: Марочкина В. В., Бобовкин М. В. Судебно-почерковедческая экспертиза: проблемы валидации и стандартизации. *Ius publicum et privatum : сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*, 2021, № 5 (15), с. 104–108, DOI 10.46741/2713-2811-2021-5-104-108.

Forensic handwriting examination: problems of validation and standardization

V. V. MAROCHKINA – Non-state Forensic Expert, Postgraduate Student of the Department of Criminalistics, Forensic Expert Activity, Operational Investigation of the Russian State University of Justice;

M. V. BOBOVKIN – Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics of the Russian University of

Transport, Professor of the Department of Digital Forensics of the N. E. Bauman Moscow State Technical University, Professor of the Department of Research of Documents of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Dsc. of Law

The article discusses topical issues related to the aspects of validation and standardization of methods of forensic handwriting examinations. In Russian forensic expertise (the theory of forensic examination) this area remains underdeveloped due to the lack of regulatory and methodological regulators describing the concept of these types of activities. Currently the legislator does not oblige to validate traditional methods, however, the issue of unifying the methodological support used in the production and execution of opinions by experts from various departments as well as by non-state forensic experts is becoming more and more acute. The attempts made to achieve the orderliness of the methodological complex did not lead to the expected results. Standardization should have a basis that will allow you to determine the set of methodological tools that are subject to unification. Validation can become such a tool for monitoring the quality of methodological support of forensic handwriting examination. The authors propose a concept for testing the suitability of the methodological support of forensic handwriting examination, which will not only improve the existing methods but also develop new methods for solving urgent issues of forensic handwriting studies.

Key words: validation; standardization; unification; forensic handwriting examination.

12.00.12 – Forensic science, forensic activity, operational searching.

For citation: Marochkina V. V., Bobovkin M. V. Forensic handwriting examination: problems of validation and standardization. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2021, no. 5 (15), pp. 104–108, DOI 10.46741/2713-2811-2021-5-104-108.

Развитие судебно-почерковедческой экспертизы происходит в русле актуальной научной картины мира, одной из важных характеристик которой является усиление роли междисциплинарных интеграционных подходов с опорой на точные аналитические результаты. Современное почерковедение тесно связано с использованием математических, логико-комбинаторных методов вкупе с комплексными исследованиями в области различных информационных, компьютерных технологий. В последнее время проводятся научные изыскания, направленные на внедрение искусственного интеллекта в почерковедческую экспертизу¹. Таким образом, границы судебного почерковедения значительно расширяются, что является позитивным моментом, однако такой «плюрализм теорий»² не всегда способствует оптимизации и формированию единых методических подходов к решению практических экспертных задач.

Оборотной стороной медали, связанной с полиморфизмом научного знания в сфере судебно-экспертной деятельности, явилось отсутствие унифицированных стандартов при производстве почерковедческой экспертизы как государственными экспертами, принадлежащими к различным экспертным ведомствам, так и негосударственными, независимыми судебными экспертами.

Проблемы, обусловленные отсутствием единообразия методик традиционных криминалистических экспертиз, уже имеют некоторую историю, поскольку возникли еще в середине 90-х гг. Известно, что в 1996 г. МВД и Минюст России совместно с Верховным Судом и Генеральной прокуратурой Российской Федерации утвердили Положение о Федеральном координационно-методическом совете по проблемам экспертных исследований. Членами совета стали руководители головных экспертных учреждений Минюста и МВД России, ведущие ученые в сфере криминалистики, судебной экспертизы, а также представители Верховного Суда и Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Итогом работы межведомственного координационно-методического совета стал «Каталог регистрационных паспортов экспертных методик исследования вещественных доказательств». Исходя из информации, размещенной на официальном сайте РФЦСЭ при Минюсте России, задачами паспортизации являются структурированное изложение экспертных методик каждого рода экспертизы, апробирование методик и их последующее оформление по стандартам технологических, технических паспортов. В итоге паспортизированные и системно изложенные методики должны служить унифицированным методическим

пособием для экспертов, а также руководством по проверке и оценке заключений лицами, осуществляющими производство по делу и не обладающими специальными познаниями. Как известно, каталог одобрен координационно-методическим советом, при этом разработанные паспорта методик носят информационно-рекомендательный характер. Однако даже наличие каталога «Почерковедческая экспертиза» не исчерпывает весь перечень методик, применяемых экспертами различных министерств, негосударственных организаций. Так, например, методика определения априорной информативности подписи для идентификации³, принцип которой заключается в делении подписи на звенья, выявлении и оценке информативности признаков при помощи модельного метода, не вошла в каталог, однако широко используется экспертами Минюста России.

В 2010 г. была предпринята еще одна попытка стандартизации работы судебных экспертов в области как традиционных криминалистических исследований, так и относительно новых видов экспертиз, например компьютерной, фоноскопической, лингвистической. Результатом ее явился сборник типовых экспертных методик исследования вещественных доказательств, подготовленный ЭКЦ МВД России⁴, изучение возможностей которого, по мнению Г. Г. Омелянюка, обнаружило наличие существенной специфики, характерной для судебно-экспертной деятельности в ЭКЦ МВД России, не согласующейся с некоторыми методическими подходами, используемыми в судебно-экспертных учреждениях системы Минюста России⁵. Кроме того, неизвестна судьба проекта федерального закона № 306504-6 «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», одобренного в первом чтении 20 ноября 2013 г. Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации, одним из назначений которого являлась ликвидация правового вакуума, образовавшегося в сфере судебно-экспертной деятельности, связанной с вопросами валидации, квалификации, стандартизации.

До сих пор методики судебно-почерковедческой экспертизы отличаются своей спецификой, исходя из принадлежности к тому или иному государственному ведомству, а также многообразием интерпретаций, используемых экспертами, относящимися к негосударственным судебно-экспертным организациям. Разобщенность методического обеспечения не только

приводит к формализации процедуры проверки заключения субъектами, назначившими экспертизу, многовариантности мнений специалистов при оценке заключения, но и влечет реальные экспертные ошибки.

Как показывает опыт, предпринятые попытки стандартизации методик судебно-почерковедческой экспертизы не дали ожидаемых результатов, поскольку не имели под собой общего научно-методического и организационно-правового фундамента, которым может стать валидация.

Наука о почерке представляет собой симбиоз знаний из области криминалистики, судебно-экспертизы, физиологии, психологии, медицины, лингвистики, математики, а также соприкасается с другими отраслями наук. Традиционно судебно-почерковедческая экспертиза является одним из самых наукоемких видов экспертиз. Неудивительно, что возникают сложности при попытках решения задач по унификации и стандартизации научно-методической базы данного вида исследования. Т. В. Аверьянова справедливо отмечала: «Всякая попытка дать в законе тот или иной перечень допустимых методов экспертного исследования обречена на провал в силу невозможности составления такого перечня и непрерывного развития и пополнения экспертных методов, что отражает процесс поступательного развития науки, откуда черпаются методы»⁶. Наша задача видится в том, чтобы предложить концепцию стандартизации, основой которой станет инструмент непрерывного мониторинга методического обеспечения и качества заключений экспертов-почерковедов. Являясь неоднократным действием по оценке пригодности, валидация позволит осуществлять постоянную проверку новых и уже действующих методов и методик, включая в себя в том числе и систему оценки менеджмента качества для экспертов лабораторий судебно-почерковедческой экспертизы. Такой подход позволит осуществлять непрерывный контроль качества экспертных исследований и обеспечивать поступательную динамику в работе по валидации и стандартизации методического обеспечения судебно-почерковедческой экспертизы в ключе общего развития теории судебного почерковедения.

Становление и развитие любой научной мысли начинаются с понятийного аппарата. В настоящее время не существует нормативного закрепления дефиниции валидации методического обеспечения судебно-почерковедческой экспертизы, поэтому нами

сформулировано авторское определение данного понятия: это процесс (алгоритм действий компетентных субъектов), направленный на демонстрацию и предоставление документальных свидетельств того, что определенная методика (метод) судебно-почерковедческой экспертизы будет постоянно обеспечивать ожидаемые от заданной методики (метода) объективные, научно обоснованные, воспроизводимые результаты.

В целях проверки функционирования методических и методологических процессов, работы технического оборудования, результатов тестирования, работы персонала применяются перспективные (проспективные), параллельные (сопутствующие), ретроспективные исследования. Учитывая особенности и специфику методического обеспечения судебно-почерковедческой экспертизы, при разработке и проверке новых методик целесообразно идти по пути перспективной валидации. При этом существующие методики, внедренные в работу, но не прошедшие в свое время валидацию в сегодняшнем понимании данного процесса, необходимо проверять методами сопутствующей и ретроспективной валидации.

Каким бы ни был метод валидации, это всегда документированная процедура, поэтому особое внимание стоит уделить разработке технологии валидации каждого вида, которая будет отражаться в протоколах валидации по конкретной методике.

Выводы, полученные по результатам валидации методики или метода, будут свидетельствовать о валидационном статусе: положительном, что обозначает способность проверяемой методики к достижению намеченных конкретных результатов, или отрицательном, что подтверждает непригодность к решению предполагаемых задач. Также возможны и альтернативные выводы в виде рекомендаций, например, по снижению аналитических требований, дальнейшей разработке, корректировке методики (метода).

В перспективе термин «валидированная методика» представляется целесообраз-

ным включить в национальный стандарт «Судебно-почерковедческая экспертиза. Термины и определения», вступивший в действие 1 сентября 2021 г.⁷ Кроме того, полагаем необходимым существенно расширить информацию научно-методического характера, содержащуюся в каталоге регистрационных паспортов «Почерковедческая экспертиза», включив в нее сведения о валидационном статусе методики.

Еще несколько лет назад валидация была инновационным явлением в сфере судебно-экспертной деятельности. Возросший уровень состязательности в судопроизводстве свидетельствует о том, что не только вновь создаваемые методы нуждаются в проверке соответствия ожидаемых результатов используемым для этого средствам, процессам, техническим операциям, оборудованию, материалам, но и традиционные методики должны пройти испытание на соответствие требованиям, предъявляемым к современному научно-методическому обеспечению. Качество экспертного исследования является ключевой характеристикой в оценке доказательств правоприменителем. Однако судебно-почерковедческая экспертиза, выступая одним из наиболее наукоемких видов исследования, связана с субъективизмом и полимофизмом методического обеспечения. Работа по стандартизации, сертификации в сфере судебно-почерковедческой экспертизы направлена как на повышение уровня экспертных исследований, так и на предоставление фактической, а не формальной возможности оценки заключения эксперта-почерковеда субъектами правоотношений. В заключение следует отметить, что дальнейшая работа по стандартизации, унификации в сфере судебного почерковедения не может быть последовательной и логичной без валидации ее методического арсенала. Данная тематика требует последующего изучения и разработки в силу прикладного характера и нацеленности на повышение качества и эффективности такого важного компонента правосудия, как судебно-почерковедческая экспертиза.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Гусакова С. М., Комаров А. С. Интеллектуальная система для решения идентификационной задачи в почерковедении // Искусств. интеллект и принятие решений. 2010. № 4. С. 49–54.

² Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М., 1986. С. 185.

³ Судебно-почерковедческая экспертиза. Особенная часть. Исследование малообъемных почерковых объектов / под науч. ред. В. Ф. Орловой. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2011. С. 392–393.

⁴ Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств. Ч. I / под ред. канд. техн. наук Ю. М. Дильдина, общ. ред. канд. техн. наук В. В. Мартынова. М., 2010. С. 189–231, 243, 454.

⁵ Омелянюк Г. Г. Концептуальные подходы к стандартизации судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации // Проблемы классификации судебных экспертиз, сертификации и валидации методического обеспе-

чения, стандартизации судебно-экспертной деятельности : материалы междунар. науч.-практ. конф. (г. Москва, 21 января 2016 г.). М., 2016. С. 209.

⁶ Аверьянова Т. В. Методы судебно-экспертных исследований и тенденции их развития : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1994. С. 263.

⁷ ГОСТ Р 59508-2021. Судебно-почерковедческая экспертиза. Термины и определения. URL: [http:// https://docs.cntd.ru/document/1200179604](http://https://docs.cntd.ru/document/1200179604) (дата обращения: 25.09.2021).

¹ Gusakova S. M., Komarov A. S. Intellektual'naya sistema dlya resheniya identifikacionnoj zadachi v pocherkovedenii // Iskusstv. intellekt i prinyatie reshenij. 2010. № 4. S. 49–54.

² Fejerabend P. Izbrannye trudy po metodologii nauki. M., 1986. S. 185.

³ Судебно-почерковедческая экспертиза. Особенная часть. Исследование малообъемных почерковых объектов / под науч. ред. В. Ф. Орловой. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2011. С. 392–393.

⁴ Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств. Ч. I / под ред. канд. техн. наук Ю. М. Дил'дина, обшч. ред. канд. техн. наук В. В. Мартынова. М., 2010. С. 189–231, 243, 454.

⁵ Omel'yanyuk G. G. Konceptual'nye podhody k standartizacii sudebno-ekspertnoj deyatel'nosti v Rossijskoj Federacii // Problemy klassifikacii sudebnyh ekspertiz, sertifikacii i validacii metodicheskogo obespecheniya, standartizacii sudebno-ekspertnoj deyatel'nosti : materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Moskva, 21 yanvarya 2016 g.). M., 2016. S. 209.

⁶ Aver'yanova T. V. Metody sudebno-ekspertnyh issledovanij i tendencii ih razvitiya : dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 1994. S. 263.

⁷ ГОСТ Р 59508-2021. Судебно-почерковедческая экспертиза. Термины и определения. URL: [http:// https://docs.cntd.ru/document/1200179604](http://https://docs.cntd.ru/document/1200179604) (дата обращения: 25.09.2021).

Статья поступила 11.10.2021

Следы – действия человека: понятие, классификация и значение в раскрытии и расследовании преступлений

ФАН ТХАНЬ ДОНГ – адъюнкт кафедры экспертно-криминалистической деятельности Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя

В статье рассматривается значение криминалистической классификации следов, на основе чего проанализированы современные классификации следов человека. Проведенный анализ позволил выделить новую группу следов – действий человека, определить ее место в классификации следов. Предложено авторское понятие «следы – действия человека», осуществлена их систематизация. Выделенная группа следов как один из источников доказательственной информации позволяет выдвигать следственные и экспертные версии в ходе осмотра места происшествия. Определено их значение для решения ситуационных задач в ходе раскрытия и расследования преступлений.

Ключевые слова: классификация следов; следы – действия человека; механизм следообразования; взаимосвязь следов; ситуационные задачи.

12.00.12 – Криминалистика, экспертно-криминалистическая деятельность, оперативно-розыскная деятельность.

Для цитирования: Фан Тхань Донг. Следы – действия человека: понятие, классификация и их значение в раскрытии и расследовании преступлений. *Ius publicum et privatum* : сетевой научно-практический журнал частного и публичного права, 2021, № 5 (15), с. 109–113, DOI 10.46741/2713-2811-2021-5-109-113.

Human actions' traces: concept, classification and their significance in the disclosure and investigation of crimes

PHAN THANH DONG – Adjunct of the Department of Forensic Expertise at the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Y. Kikot'

The article discusses the significance of the forensic classification of traces, on the basis of which modern classifications of human traces are analyzed. The analysis made it possible to identify a new group of traces – human actions, and to determine its place in the classification of traces. The author's concept of "human actions' traces" is proposed, their systematization is presented. The selected group of traces as one of the sources of evidentiary information makes it possible to put forward investigative and expert versions during the examination of the scene. Their importance for solving situational tasks in solving and investigating crimes has been determined.

Key words: classification of traces; human actions' traces; mechanism of trace formation; the relationship of traces; situational tasks.

12.00.12 – Criminalistics, forensic expert activity, operational searching.

For citation: Phan Thanh Dong. Human actions' traces: concept, classification and their significance in the disclosure and investigation of crimes. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2021, no. 5 (15), pp. 109–113, DOI 10.46741/2713-2811-2021-5-109-113.

Как известно, человек оставляет различные следы и отображения в процессе своей жизнедеятельности. Не является исключением и каждое преступление, вы-

зывающее изменения в окружающей среде, характеризующиеся различными формами и степенью выраженности. Поэтому понятие «след» является ключевым в кри-

миналистике в целом и трасологии в частности.

В широком смысле под следами понимаются любые материальные последствия преступления, изменения объекта или вещной обстановки. Это могут быть следы, возникшие в результате воздействия одного предмета на другой (например, следы взлома); объекты, оставленные (брошенные, утерянные) преступником; объекты, унесенные с места преступления (украденные вещи); части разрушенных предметов (например, осколки фарного рассеивателя); запахи и т. д.¹

К материальным следам в узком смысле относятся все известные следы, изучаемые в трасологии, такие как следы рук, ног, зубов, ногтей, крови, одежды, инструментов, орудий, а также следы-отображения, следы-предметы и следы-вещества².

О достаточной разработанности учения о следах, имеющего большое криминалистическое значение для раскрытия, расследования и предупреждения преступлений, свидетельствует многочисленная криминалистическая литература, изданная в Российской Федерации и Социалистической Республике Вьетнам, в которой полно представлены классификации следов. Основная из них, которая была разработана Г. Л. Грановским, будет рассмотрена нами далее. Что касается вьетнамских криминалистов, то прежде всего следует назвать таких ученых, как Дао Чи Ук, Фам Туан Бинь, До Кног Куанг, Гнуен Суан Ием, разрабатывавших классификации следов.

Однако в изученных нами научных публикациях редко упоминается такой вид следов, который, по нашему мнению, имеет большое значение для расследования преступлений, это так называемые следы – действия человека³. Как нам представляется, это новый особый вид следов. В сравнении с остальными видами следы – действия человека имеют много специфических характеристик, среди которых нами выделены форма их существования, особенности обнаружения, фиксации и исследования.

Традиционные следы (рук, обуви, крови, орудий и т. д.) свидетельствуют о наличии человека и его действиях на месте происшествия, однако нас интересуют такие следы человека, которые отображают определенные его действия.

Как свидетельствует практика, в большинстве случаев следы – действия человека проявляются в виде изменения первоначального состояния предмета, например

изменения состояния двери шкафа (с «закрыто» на «открыто»), переключателя (с «отключено» на «включено») и т. д. Как правило, изменение первоначального местоположения предметов часто сопровождается изменением их состояния. Следы – действия человека, выражающиеся в отсутствии определенных предметов, часто обнаруживаются на местах совершения имущественных преступлений.

Механизм образования следов – действий человека на месте происшествия обусловлен взаимодействием с материальными предметами и непосредственным силовым контактом с ними. При этом следообразующим объектом являются сам человек или предметы, с помощью которых он воздействовал на другие предметы и вещную обстановку в целом. Определение следовоспринимающего объекта при изучении следов-действий, как правило, затруднено и зависит как от форм следов, так и от особенностей следовоспринимающего объекта.

Изучение возможных форм следов человека, свидетельствующих о его действиях на месте происшествия, позволило установить следующие их виды: изменение первоначального местоположения предмета; изменение его первоначального состояния; отсутствие предмета на месте происшествия.

Исходя из проведенного анализа, следы – действия человека можно определить как особый вид следов (по количеству они могут быть как одиночными, так и групповыми), возникающий в результате непосредственного силового контакта человека с вещной обстановкой места происшествия, обусловленный материальным изменением первоначального местоположения предметов, их состояния или их отсутствием на месте происшествия, позволяющий судить о присутствии человека, механизме конкретных его действий и их последовательности для решения ситуационных задач в раскрытии и расследовании преступления.

С целью определения места следов – действий человека в классификации необходимо рассмотреть ее подробно. В 1965 г. следы были классифицированы Г. Л. Грановским по различным основаниям: собственные признаки следа, признаки образующего объекта, отображение признаков в следе, признаки механизма формирования следа⁴. Рассмотрим их применительно к изучаемой группе следов.

Так, по собственным признакам следы были разделены на видимые и невидимые. По своей сущности и характеристикам сле-

ды-действия относятся к видимым следам (например, изменение местоположения стула в комнате). Однако в случае, если конкретные предметы на месте происшествия отсутствуют, следы-действия могут быть не сразу обнаружены специалистом и их выявлению способствует анализ фотоснимков, видеозаписи, показаний потерпевшего, свидетеля и др.

Следы в зависимости от образующего объекта могут быть гомеоскопическими, механогомическими, механическими или следами животных. Определение следов – действий человека по данному основанию во многих случаях таит в себе трудности и зависит от формы следов. Так, например, по следам-действиям, характеризующим изменение местоположения или состояния предметов на месте происшествия, в некоторых случаях можно определить следообразующий объект, то есть конкретную часть тела человека или предмета, которым это изменение было образовано. В случае, когда следы-действия человека сопряжены с кражей имущества (конкретных предметов), определение следообразующего объекта не представляется возможным.

По отображению признаков в следе Г. Л. Грановский разделил следы на точечные и линейные, объемные и плоскостные, позитивные и негативные. Эти группы признаков характерны и для следов-отображений. В отличие от других традиционных следов (рук, обуви, орудий и т. д.) следы – действия человека мы можем относить к вышеперечисленным группам следов только в случае их группового отображения. Что касается одиночных следов, то они могут представлять собой следы – действия человека в некоторых случаях, например при нанесении точного удара ножом в область сердца человека.

Четвертым основанием выступают признаки механизма формирования следа, которые были систематизированы как локальные и периферические с последующим их делением на следы химического, физического, биологического и других воздействий. Изучение механизма образования следов – действий человека показало, что они могут быть локальными и периферическими, поскольку чаще всего образуются при физическом воздействии, в частности при механическом контакте человека или его орудия с другими следовоспринимающими предметами.

В криминалистической литературе отмечается, что все виды следов человека

независимо от их происхождения следует объединить в одно научное направление – криминалистическое учение о следах человека. Так, О. А. Соколова выделяет три их основные группы:

- 1) традиционно трасологические следы человека (гомеоскопия);
- 2) следы человека биологического происхождения (биоскопия);
- 3) микроследы органического и неорганического происхождения (микрология).

В последующей классификации О. А. Соколовой традиционно трасологические следы в свою очередь подразделяются на следы, оставляемые человеком, или антропологические следы (следы рук, ног, зубов, губ и т. д.), следы-предметы, сопутствующие жизнедеятельности человека (следы орудия, следы обуви, перчаток и т. д.) и следы-действия, характеризующие навыки и привычки человека⁵. Исходя из вышеуказанной классификации следы – действия человека являются одним из видов следов человека и относятся к гомеоскопическим следам.

Как правило, следы – действия человека тесно взаимосвязаны с другими обнаруженными следами, обстоятельствами или событиями происшествия. При этом все следы, оставляемые человеком, как источник криминалистически значимой информации должны изучаться комплексно, так как это способствует выявлению различных свойств человека в целом, поскольку «человек как объект криминалистического исследования, являясь сложной многокомпонентной системой, требует исключительно интегрированного комплексного подхода к изучению его свойств и признаков»⁶.

Помимо этого, исследование следов – действий человека взаимосвязано с криминалистической тактикой и особенностями мышления субъектов осмотра места происшествия, так как свойства и признаки этих следов могут иметь как мыслительное, так и материальное отображение. Поэтому следы-действия человека выявляются и исследуются, как правило, логическим методом: следователь и специалисты выдвигают различные гипотезы. В связи с этим при осмотре места происшествия необходимо тщательно исследовать, фиксировать обстановку места происшествия, особенно внешний вид и взаиморасположение предметов. Как правило, исследование следов-действий проводится на статической стадии рабочего этапа осмотра места происшествия, пока все предметы не перемещены.

Мы согласны с мнением О. А. Соколовой о том, что перспективным направлением криминалистического исследования следов – действий человека представляется диалектический анализ сложных систем, в частности мест происшествия, и развитие ситуационной (ситуалогической) задачи⁷, которая позволяет создать более полную и адекватную картину исследуемого события⁸.

Отметим, что поскольку исследованием следов – действий человека решается ряд задач ситуационного характера, они, как отмечалось ранее, устанавливаются в результате комплексного изучения вещной обстановки места происшествия. Обнаруженные следы группируются по видам, механизму образования, месту обнаружения, затем определяются связи между ними, устанавливается их причинная связь с особенностями обстановки совершенного преступления⁹.

По нашему мнению, при решении ситуационных задач по следам – действиям человека устанавливаются следующие факты:

1) присутствие постороннего человека или группы людей на месте происшествия, а также их количество. Данное обстоятельство влияет на определение факта преступления или его инсценировки, а также на установление группового характера преступления;

2) возможная линия поведения преступника, способы его конкретных действий или последовательная совокупность действий в целом, с помощью чего субъекты осмотра могут обнаружить возможные места нахождения еще не выявленных следов;

3) психологический характер, навыки и привычки преступника или преступников¹⁰, а также их увлечения или круг интересов¹¹. В контексте исследования личности человека, по мнению О. А. Соколовой, большое внима-

ние этому уделяют психологическая наука, судебная психиатрия, судебная медицина и ряд других наук¹²;

4) размер, характер ущерба от преступления, а чаще всего размер и характер похищенного имущества. Эта информация может быть получена с помощью показаний потерпевшего (собственника имущества), свидетелей и др.;

5) механизм образования других следов и т. д.

Анализ понятия, сущности следов – действий человека, особенностей их исследования, а также их значения позволяет сделать вывод о том, что они являются особым видом следов человека, их рассмотрение играет важную роль в решении ряда ситуационных задач при расследовании и раскрытии преступления. Изучая следы – действия человека, следователь может проверить криминалистические версии и планировать дальнейший ход расследования преступления. В некоторых случаях результаты исследования следов – действий человека позволяют своевременно провести другие следственные действия и обнаружить преступника по горячим следам. Однако на сегодняшний день отсутствие соответствующих методических разработок не позволяет специалистам-криминалистам, а также следователям и дознавателям активно выявлять, исследовать и использовать в раскрытии и расследовании преступлений эти виды следов. Как нам представляется, данное направление является одним из перспективных в современной криминалистике.

Таким образом, в ходе исследования нами было дано авторское определение понятия следов – действий человека, установлено их место в криминалистической классификации следов, намечены перспективные направления работы для решения ситуационных задач.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Криминалистика : учеб. для вузов / Т. В. Аверьянова, Р. С. Белкин, Ю. Г. Корухов, Е. Р. Россинская. М., 2007. С. 195.

² Майлис Н. П., Одиночкина Т. Ф., Соколова О. А. Трасология : учеб. / под ред. Н. П. Майлис. М., 2011. С. 14.

³ Соколова О. А. Криминалистическая диагностика человека по его следам и отображениям : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018. С. 148–150.

⁴ Грановский Г. Л. Основы трасологии (Общая часть). М., 1965. С. 38–40.

⁵ Соколова О. А. Криминалистическая диагностика человека по его следам и отображениям. С. 133–134.

⁶ Она же. Возможности ситуационной (ситуалогической) экспертизы места происшествия при диагностике свойств и признаков человека // Перспективы совершенствования судебно-медицинской экспертизы огнестрельной и взрывной травмы. М., 2020. С. 212–220.

⁷ Она же. Криминалистическая диагностика человека в раскрытии и расследовании преступлений : моногр. М., 2020. С. 23.

⁸ Она же. Возможности ситуационной (ситуалогической) экспертизы места происшествия при диагностике свойств и признаков человека. С. 212–220.

⁹ Криминалистика : учеб. для студентов вузов / под ред. А. Ф. Вольнского, В. П. Лаврова. М., 2013. С. 187.

¹⁰ Чулахов В. Н. Особенности отображения навыков и привычек человека в следах преступлений // Вестн. Москов. ун-та МВД России. 2012. № 6. С. 128–130.

¹¹ Он же. Использование данных о навыках и привычках человека в раскрытии и расследовании преступлений : учеб.-практ. пособие. М., 2015. С. 65.

¹² Соколова О. А. Криминалистическая диагностика человека в раскрытии и расследовании преступлений. С. 58.

¹ Kriminalistika : ucheb. dlya vuzov / T. V. Aver'yanova, R. S. Belkin, YU. G. Koruhov, E. R. Rossinskaya. M., 2007. S. 195.

² Majlis N. P., Odinochkina T. F., Sokolova O. A. Trasologiya : ucheb. / pod red. N. P. Majlis. M., 2011. S. 14.

³ Sokolova O. A. Kriminalisticheskaya diagnostika cheloveka po ego sledam i otobrazheniyam : dis. ... d-ra jurid. nauk. M., 2018. S. 148–150.

⁴ Granovskij G. L. Osnovy trasologii (Obshchaya chast'). M., 1965. S. 38–40.

⁵ Sokolova O. A. Kriminalisticheskaya diagnostika cheloveka po ego sledam i otobrazheniyam. S. 133–134.

⁶ Ona zhe. Vozmozhnosti situacionnoj (situologicheskoy) ekspertizy mesta proisshestiya pri diagnostike svojstv i priznakov cheloveka // Perspektivy sovershenstvovaniya sudebno-medicinskoj ekspertizy ognestrel'noj i vzryvnoj travmy. M., 2020. S. 212–220.

⁷ Ona zhe. Kriminalisticheskaya diagnostika cheloveka v raskrytii i rassledovanii prestuplenij : monogr. M., 2020. S. 23.

⁸ Ona zhe. Vozmozhnosti situacionnoj (situologicheskoy) ekspertizy mesta proisshestiya pri diagnostike svojstv i priznakov cheloveka. S. 212–220.

⁹ Kriminalistika : ucheb. dlya studentov vuzov / pod red. A. F. Volynskogo, V. P. Lavrova. M., 2013. S. 187.

¹⁰ CHulahov V. N. Osobennosti otobrazheniya navykov i privyчек cheloveka v sledah prestuplenij // Vestn. Moskov. un-ta MVD Rossii. 2012. № 6. S. 128–130.

¹¹ Он же. Ispol'zovanie dannyh o navykah i privyчkah cheloveka v raskrytii i rassledovanii prestuplenij : ucheb.-prakt. posobie. M., 2015. S. 65.

¹² Sokolova O. A. Kriminalisticheskaya diagnostika cheloveka v raskrytii i rassledovanii prestuplenij. S. 58.

Статья поступила 23.09.2021

DOI 10.46741/2713-2811-2021-5-114-117
УДК 343.9

Способы мошенничества, совершаемого с использованием средств связи: криминалистический аспект

В. С. ЭКОНОМЮК – аспирант Российского государственного университета правосудия

В статье раскрываются особенности совершения мошенничества с использованием мобильных средств связи, приводится статистика и выявляются причины роста числа преступлений данной категории. Анализируются способы совершения телефонных мошенничеств с описанием технологий их реализации.

Ключевые слова: телефонное мошенничество; организованная преступная группа; способы совершения мошенничества.

12.00.12 – Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность.

Для цитирования: Экономюк В. С. Способы мошенничества, совершаемого с использованием средств связи: криминалистический аспект. *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*, 2021, № 5 (15), с. 114–117, DOI 10.46741/2713-2811-2021-5-114-117.

Methods of fraud committed with the use of communications: a criminalistic aspect

V. S. ECONOMYUK – Post-Graduate Student of the Russian State University of Justice

The article reveals the features of committing fraud with the use of mobile communications, provides statistics and indicates the reasons for the increase in the number of crimes in this category. Methods of committing telephone frauds with a description of the technologies for their implementation are analyzed.

Key words: phone fraud; organized criminal group; ways of committing fraud.

12.00.12 – Forensics; forensic activity; operational searching.

For citation: Economyuk V. S. Methods of fraud committed with the use of communications: a criminalistic aspect. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2021, no. 5 (15), pp. 114–117, DOI 10.46741/2713-2811-2021-5-114-117.

Одной из характерных примет современного мира является использование мобильных устройств для передачи информации, количество которой неуклонно растет. С каждым годом развиваются интернет-ресурсы, социальные сети и мессенджеры, привлекая новых пользователей и предоставляя им все больше новой информации. Благодаря современным мобильным устройствам и сервисам сотовой связи стали доступны приложения мобильных банковских систем, через которые можно совершать денежные транзакции и пользоваться

услугами банков, не посещая их отделения. Особенно активно граждане стали использовать мобильные приложения для общения и обмена информацией в период пандемии коронавирусной инфекции COVID-19.

Легко представить утро обычного человека, которое начинается с использования мобильного устройства для просмотра социальных сетей и мессенджеров. В течение дня пользователями производится оплата счетов за коммунальные услуги, делаются покупки в продуктовом магазине, осуществляются денежные транзакции с использо-

ванием мобильных банковских приложений. Пользователи также могут получать входящие звонки и уведомления: часть из них от коллег, клиентов, близких и родственников, а часть – навязчивая реклама услуг и сервисов. Чаще всего данная информация не создает финансовых либо моральных проблем, поскольку нежелательный телефонный разговор, касающийся личных денежных средств и их похищения, можно прервать самостоятельно, проигнорировать или отклонить. Однако доверчивым гражданам сделать это сложно по причине отсутствия информационной грамотности, знания нормативно-правовых документов, а также правил использования банковских мобильных приложений и их услуг.

По данным Центрального банка России, объем похищенных средств в первом полугодии 2020 г. на 39 % превышает показатель того же периода 2019 г., когда мошенникам удалось заполучить 2,8 млрд руб.¹ Исходя из этого, телефонное мошенничество можно рассматривать как один из интенсивно развивающихся видов противоправной деятельности.

Определяющим криминалистическим признаком мошенничества служит способ его совершения, который в конечном счете сводится к обману или злоупотреблению доверием обманутого лица, организации и направлен на получение имущественной выгоды².

В научном сообществе не сформировано единой точки зрения по вопросу определения понятия «способ совершения преступления». Например, по мнению авторов учебника по криминалистике, важное криминалистическое значение имеет способ совершения преступления, «индивидуальный почерк» преступника, вырабатываемый при многократном повторении аналогичных действий в сходных условиях³.

Под способом совершения преступления понимается система действий субъекта, направленных на достижение преступной цели и объединенных единым преступным замыслом. В этой системе могут быть выделены действия по подготовке, совершению и сокрытию следов преступления⁴.

Отсутствие непосредственного, а также дистанционного зрительного контакта между потенциальным потерпевшим и преступником в случае реализации телефонного мошенничества только способствуют совершению преступления. Мошенник, используя средство мобильной связи, входит в доверие к жертве, чаще всего представляясь сотруд-

ником безопасности одного из популярных банков, например Публичного акционерного общества (далее – ПАО) «Сбербанк», выясняет причину и факт перечисления конкретной суммы денежных средств другому лицу. Упоминание мошенником вымышленного имени сотрудника безопасности именно ПАО «Сбербанк» может ввести в заблуждение, поскольку данный банк имеет целую сеть отделений по всей России, пользуется доверием граждан на протяжении десятилетий. Впрочем, следует отметить, что сейчас набирают большую популярность такие банки, как ПАО «ВТБ» и Акционерное общество «Тинькофф банк»⁵. В ходе разговора мошенник при помощи методов социальной инженерии (уважительного отношения, мягких интонаций, убедительных аргументов и др.) пытается заполучить либо доступ к мобильному приложению банка жертвы (через авторизацию по номеру телефона), либо полные данные банковской карты, включая секретный код (CVV-код).

У потенциального потерпевшего, если он не сталкивался с подобной ситуацией либо не был проинформирован о данных видах противоправных деяний, возникает доверие к представителю отдела безопасности банка, который пытается помочь разобраться в сложившейся ситуации. Чаще всего жертва начинает нервничать, теряет бдительность из-за вероятной возможности потери денежных средств со счета, поэтому сообщает все данные, необходимые злоумышленнику. При упоминании должности сотрудника отдела безопасности снижается уровень критического мышления и появляется надежда на то, что опасность несанкционированного списания денежных средств с банковского счета минует благодаря действиям специалиста.

Преступник, чувствуя свою безнаказанность, защищенность от жертвы дистанционным методом общения, уверенно и тщательно собирает всю интересующую его информацию о денежных средствах.

Однако мошенничество, совершаемое при помощи звонка якобы представителя крупного банка, является далеко не единственным способом обмана граждан. Среди распространенных способов мошенничества можно назвать следующие.

Во-первых, возврат случайно перечисленных денежных средств. В данной ситуации потенциальной жертве приходит СМС-уведомление с номера телефона банка, содержащее информацию о перечислении денежных средств на банковский счет. Де-

нежные средства действительно могут быть зачислены на счет, однако спустя некоторое время потерпевшему поступает телефонный звонок от мошенника с просьбой вернуть денежные средства самостоятельно через приложение банка. Честный гражданин возвращает поступившие денежные средства, затем злоумышленник звонит в банк и просит отозвать платежное поручение на основании письменного заявления об ошибке. Таким образом, с банковского счета денежные средства списываются дважды: по добровольному поручению жертвы без указания назначения платежа и заявлению мошенника. С точки зрения способа совершения преступления необходимо провести анализ действий мошенника. При подготовке к совершению преступления мошенником изучаются данные об открытых банковских счетах жертвы с целью недопущения возможных ошибок и увеличения шансов на обогащение. В момент совершения мошенничества осужденный звонит с извинениями потенциальной жертве, убеждает ее проверить баланс банковского счета и настоятельно просит вернуть денежные средства, избегая информации об обращении в банк с заявлением о возврате. Скрывая следы преступления, мошенник блокирует абонентский номер жертвы и обращается в банк или службу поддержки с заявлением об ошибочном переводе.

Во-вторых, мошенничество с использованием «фишинговых» (от англ. fishing – рыбная ловля, выуживание) интернет-ресурсов. Данный вид мошенничества актуален при продаже физическими лицами вещей, бывших в употреблении, на всероссийских торговых площадках, например Авито.ру или Юла.ру и др. Суть преступления заключается в переходе от общения продавца и покупателя на официальных страницах торговых площадок, где установлен порядок торговли и сама площадка является гарантом сделки, к общению в мессенджерах, например Ватсап. Потенциальной жертве присылается ссылка на «фишинговый» интернет-ресурс для оплаты товара, в котором указываются реквизиты платежных карт и сумма⁶, однако денежные средства не поступают на счет, а списываются, а потерпевший блокируется преступником, после чего связаться с последним не представляется возможным. В связи с массовостью таких случаев и большим общественным резонансом администрации торговых площадок опубликовали официальный комментарий⁷, содержащий в себе признаки отнесения потенциальной

сделки к мошеннической. Рассмотрим способ совершения преступления такого рода. Так, при подготовке описанного способа мошенничества преступник отбирает реальные объявления продавцов в ценовом диапазоне 3–5 тыс. руб. Указанная сумма не случайна, поскольку обращение в правоохранительные органы затратно по времени. В процессе совершения преступления жертве задается несколько уточняющих вопросов о состоянии и степени употребления вещи с целью обозначения интереса к покупке, особенно если объявление размещено продолжительное время и цена слегка завышена. Впоследствии продавец убеждает внести оплату якобы на сайте торговой площадки. Уничтожая следы мошенничества, преступники удаляют из поисковой системы данные о сайте и блокируют абонента в мессенджерах.

В-третьих, наиболее опасным и тщательно спланированным считается мошенничество, в котором потенциальной жертве предлагается помочь сотрудникам правоохранительных органов в изобличении преступной группы. Данный способ мошенничества предполагает более тщательную подготовку, а также требует согласованности действий между соучастниками. Внутри группы имеет место четкое распределение ролей вплоть до проговаривания конкретных реплик.

Так, например, гражданке А. позвонил неизвестный и представился сотрудником службы безопасности крупного банка. Заявительница сразу поняла, что ее пытаются обмануть и прекратила разговор с злоумышленниками. После этого мошенники перезвонили потенциальной жертве повторно с подмененного номера дежурной части Управления Министерства внутренних дел России по Ханты-Мансийскому автономному округу – Югре и представились сотрудниками полиции. Они сообщили, что ведут разработку мошенников, которые ей звонили, и попросили следовать инструкциям мошенников, чтобы не сорвать операцию. Жительница согласилась оказать содействие правоохранительным органам, в результате чего преступники получили доступ к личному кабинету потерпевшей и похитили около 150 тыс. руб.⁸ В ходе подготовки к совершению преступления мошенники предварительно получают незаконным путем персональную информацию о будущих жертвах, ориентируются в диапазоне дневного времени суток в регионе, куда планируется телефонный звонок. В момент непосредственного совершения преступления

мошенник максимально использует заученные фразы и интонации, характерные для сотрудника банка, задает вопросы, ответы на которые предполагают получение дополнительных сведений.

Таким образом, мошенники используют чувство ответственности и гражданского долга потенциальной жертвы, которая начинает испытывать гордость за проявленное мужество, отвагу, равнодушие к общественной проблеме телефонного мошенничества, а также понимает свою причастность к снижению числа преступлений. При этом потерпевший не осознает, что совершает точно такие же действия, какие требуется преступникам, например называет CVV-код, и денежные средства списываются с банковского счета.

Следует отдельно остановиться на ситуации, когда мошенник представляется сотрудником правоохранительных органов и внушает жертве, что в отношении нее возбуждено уголовное дело по факту причастности к легализации доходов, полученных преступным путем, либо незаконному предпринимательству. Преступник использует особую интонацию и манеру общения, перечисляет статьи УК РФ, оказывает негативное влияние на моральное и психологическое состояние потенциальной жертвы, которая введена в заблуждение и теряет бдитель-

ность, у нее создается впечатление реального разговора с представителями правоохранительных органов, факт общения с которыми для многих граждан является стрессовой ситуацией.

Мошенничество с использованием средств сотовой связи, осуществляемое из учреждений уголовно-исполнительной системы, – явление не новое и достаточно изученное. Однако с течением времени механизм совершения таких преступлений усложняется и принимает изощренный характер, поскольку злоумышленники изобретают и постоянно совершенствуют способы завоевания доверия граждан, также меняются степень технической оснащенности преступников и технологии получения персональных данных клиентов банков.

Для предупреждения, выявления и пресечения рассматриваемых противоправных действий, увеличения числа раскрытых преступлений необходимы новые комплексные меры, которые будут способствовать уменьшению количества устройств, проносимых в исправительные учреждения, информированию граждан, а также выработке технических решений, направленных на усиление безопасности и снижение возможностей осуществления противоправных деяний с использованием мобильных устройств, сотовой связи, мобильных банковских приложений.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Обзор отчетности об инцидентах информационной безопасности при переводе денежных средств за I и II кварталы 2019/2020 года. URL: https://www.cbr.ru/analytics/ib/review_1q_2q_2020/ (дата обращения: 03.11.2021).

² Криминалистика: учеб. для вузов / под ред. Р. С. Белкина. М., 2001. С. 524.

³ Ищенко Е. П., Топорков А. А. Криминалистика: учеб. 2-е изд. М., 2010. С. 361.

⁴ Криминалистика: учеб. для вузов / под ред. Р. С. Белкина. С. 66.

⁵ Названы самые популярные банки в России. URL: <https://plusworld.ru/daily/banki-i-mfo/nazvany-samye-populyarnye-banki-v-rossii/> (дата обращения: 14.03.2021).

⁶ Как меня обманули на 15 000 рублей с «Авито-доставкой». URL: <https://journal.tinkoff.ru/avito-delivery-fraud> (дата обращения: 04.10.2021).

⁷ Как не попасться мошенникам. URL: <https://www.avito.ru/dostavka/bezopasnost> (дата обращения: 04.10.2021).

⁸ В России появился новый вид мошенничества. URL: <https://www.audit-it.ru/news/finance/1026286.html> (дата обращения: 18.03.2021).

¹ Обзор отчетности об инцидентах информационной безопасности при переводе денежных средств за I и II кварталы 2019/2020 года. URL: https://www.cbr.ru/analytics/ib/review_1q_2q_2020/ (дата обращения: 03.11.2021).

² Криминалистика: учеб. для вузов / под ред. Р. С. Белкина. М., 2001. С. 524.

³ Ищенко Е. П., Топорков А. А. Криминалистика: учеб. 2-е изд. М., 2010. С. 361.

⁴ Криминалистика: учеб. для вузов / под ред. Р. С. Белкина. С. 66.

⁵ Названы самые популярные банки в России. URL: <https://plusworld.ru/daily/banki-i-mfo/nazvany-samye-populyarnye-banki-v-rossii/> (дата обращения: 14.03.2021).

⁶ Как меня обманули на 15 000 рублей с «Авито-доставкой». URL: <https://journal.tinkoff.ru/avito-delivery-fraud> (дата обращения: 04.10.2021).

⁷ Как не попасться мошенникам. URL: <https://www.avito.ru/dostavka/bezopasnost> (дата обращения: 04.10.2021).

⁸ В России появился новый вид мошенничества. URL: <https://www.audit-it.ru/news/finance/1026286.html> (дата обращения: 18.03.2021).

Статья поступила 18.10.2021

Некоторые проблемы нормотворчества федеральных органов исполнительной власти

П. В. ГОЛОДОВ – профессор кафедры административно-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент

В статье рассматриваются отдельные вопросы качества и законности актов нормотворчества федеральных органов исполнительной власти, анализируется проблема обеспечения их надлежащего соотношения с законодательными актами. Автором приводится ряд конкретных примеров, подтверждающих существование данной проблемы. В числе основных недостатков отмечаются следующие: передача законом на подзаконный уровень решения вопросов, регламентация которых должна осуществляться на уровне законодательного акта; «вторжение» подзаконного нормотворчества в сферу законодательного регулирования, проявляющееся в создании так называемых норм первичного правового регулирования при отсутствии соответствующих законодательных норм или за пределами их фактического правового содержания. В целях решения рассматриваемой проблемы предлагается более широкое использование механизмов системы мониторинга правоприменения в Российской Федерации и системы общественной экспертизы нормативных правовых актов, а также цифровых технологий в нормотворческой работе федеральных органов исполнительной власти.

К л ю ч е в ы е с л о в а : законодательство; подзаконный акт; субординация права; законодательная техника; нормотворчество; органы исполнительной власти.

12.00.14 – Административное право; административный процесс.

12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Голодов, П. В. Некоторые проблемы нормотворчества федеральных органов исполнительной власти. *Ius publicum et privatum : сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*, 2021, № 5 (15), с. 118–123, DOI 10.46741/2713-2811-2021-5-118-123.

Some problems of rule-making of the federal executive bodies

P. V. GOLODOV – Professor of the Department of Administrative and Legal Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, PhD. of Law, Associate Professor

The article examines certain issues of the quality and legality of acts of rule-making of federal executive bodies, analyzes the problem of ensuring their proper correlation with legislative acts. The author provides a number of specific examples confirming the existence of this problem. Among the main shortcomings are the following: the transfer by law to the subordinate level of the solution of issues which regulation should be carried out at the level of a legislative act; “intrusion” of bylaw rule-making into the sphere of legislative regulation, appeared in the creation of the so called norms of primary legal regulation in the absence of relevant legislative norms or beyond their actual legal content. In order to solve the problem under consideration, it is proposed to use more extensively the mechanisms of the law enforcement monitoring system in the Russian Federation and the system of public examination of regulatory legal acts as well as digital technologies in the rule-making work of federal executive bodies.

Key words: legislation; bylaw; subordination of law; legislative technique; rule-making; executive agencies.

12.00.14 – Administrative law; administrative process.

12.00.01 – Theory and history of law and state; history of doctrines about law and state.

For citation: Golodov. P. V. Some problems of rule-making of the federal executive bodies. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2021, no. 5 (15), pp. 118–123, DOI 10.46741/2713-2811-2021-5-118-123.

Одной из правовых форм государственного управления является правотворчество, реализуемое главным образом посредством нормотворческой деятельности органов исполнительной власти. Цель подзаконного нормотворчества состоит в точной и своевременной реализации законодательных норм. С помощью норм права государство воздействует на различные сферы общественной жизни, претворяет в жизнь свою политику, различного рода стратегии, концепции и проекты. Как справедливо отмечается в научной литературе, «на современном этапе основная нагрузка по реализации прав и свобод человека и гражданина ложится на органы исполнительной ветви власти, которые осуществляют данную работу посредством издания нормативных правовых актов»¹. В связи с этим вопросы обеспечения высокого качества и законности актов подзаконного нормотворчества приобретают особое значение и актуальность.

Одной из наиболее острых с точки зрения гарантирования прав и свобод человека и гражданина является проблема обеспечения надлежащего соотношения норм законодательного и подзаконного уровней. Речь здесь идет, в частности, об имеющем место «вторжении» в компетенцию законодателя, регламентации подзаконными актами отношений, подлежащих регулированию федеральными законами. По мнению Н. Н. Литягина, данная ситуация является следствием недостаточной конкретизации круга общественных отношений, регулирование которых должно осуществляться федеральными законами².

Возможным решением указанной проблемы могло бы стать принятие федерального закона «О нормативных правовых актах Российской Федерации», но законодательный процесс по его подготовке был прекращен еще в мае 2004 г., что не позволило решить такие принципиальные вопросы, как систематизация нормативных правовых актов, определение предметов правового регулирования различных их видов, установление особенностей их оформления и структуры³.

В научной литературе предлагается определить круг наиболее важных для общества

(фундаментальных) общественных отношений, которые могут быть урегулированы только законом либо получить в нем первичную регламентацию⁴. Полагаем возможным согласиться с мнением Д. Г. Морозова о том, что в федеральных законах в качестве предметов их исключительного регулирования могут быть закреплены не только наиболее общие вопросы, но и нормы, регулирующие детали определенных видов общественных отношений⁵. Бесспорно, закон рассчитан на регулирование типичных повторяющихся ситуаций, но в практике общественной жизнедеятельности существуют и единичные (уникальные) ситуации, где правительственное (ведомственное) решение неприемлемо.

В свое время В. М. Левченко высказал мысль о том, что проблема структурно-логических форм производного правотворчества принимает особую остроту в связи с тем, что ни в компетенционных актах, ни в разовых поручениях невозможно исчерпывающе определить формулы, гарантирующие соответствие подзаконных актов закону, в связи с чем в практике ведомственного нормотворчества в России воспроизводится прежняя привычка подменять детализацию закона первоначальным правотворчеством⁶. По этому поводу С. В. Бошно отмечает, что настало время поставить четкий законодательный заслон для излишне творческих решений⁷.

В целях более детального юридического анализа обозначенной нами проблемы приведем ряд конкретных примеров, иллюстрирующих наличие недостатков в разграничении компетенции актов законодательного и подзаконного уровней. При этом данные правовые ситуации условно можно разделить на две группы: первая связана с делегированием самим же законом на подзаконный уровень решения вопросов, регламентация которых должна осуществляться на уровне законодательного акта; вторая – с «вторжением» подзаконного нормотворчества в сферу законодательного регулирования, проявляющемся в создании так называемых норм первичного правового регулирования при отсутствии соответствующих законодательных норм или

вне пределов их фактического правового содержания.

Что касается первой группы, то здесь речь идет не о правовом институте делегированного законодательства (не предусмотрен российским законодательством), который на конституционном уровне предоставляет правительственным органам право издания правовых норм, имеющих силу закона, а о включении в содержание законодательных актов отсылочных (бланкетных) правовых норм, передающих на подзаконный уровень полномочия по конкретизации (детализации) норм закона, определению порядка их применения (реализации). В качестве примера можно привести следующие правовые ситуации:

1. Федеральные законы от 30.12.2006 № 281-ФЗ «О специальных экономических мерах и принудительных мерах» и от 04.06.2018 № 127-ФЗ «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств» устанавливают основания и порядок применения специальных ограничительных мер воздействия (прежде всего экономических), определяя их возможный открытый перечень. Решение о вводе мер воздействия при этом передано на уровень Президента Российской Федерации (ст. 4 федерального закона от 30.12.2006 № 281-ФЗ), а конкретный перечень ограничений определяется Правительством Российской Федерации, что в целом обосновано необходимостью безотлагательного применения мер воздействия (противодействия). Вместе с тем передача действующим законодательством на подзаконный уровень правомочия устанавливать запреты и ограничения применительно к экономической деятельности представляется по меньшей мере дискуссионной, что следует из смысла положений ч. 1 ст. 34 Конституции Российской Федерации.

2. Федеральным законом от 30.03.1999 № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» предусматривается проведение профилактических прививок гражданам для предупреждения возникновения и распространения инфекционных заболеваний (ст. 35). В свою очередь, ст. 5 Федерального закона № 157-ФЗ «Об иммунопрофилактике инфекционных болезней» устанавливает ряд серьезных запретов, налагаемых на граждан при отсутствии у них профилактических прививок (например, отстранение граждан от отдельных видов работ).

на наличие законодательных норм общего (рамочного) содержания, закрепляющих обязательность профилактических прививок в отношении отдельных видов работ, конкретный перечень таких работ, а также Календарь профилактических прививок по эпидемическим показаниям устанавливаются на подзаконном уровне. В частности, Перечень работ, выполнение которых связано с высоким риском заболевания инфекционными болезнями и требует обязательного проведения профилактических прививок, определен постановлением Правительства Российской Федерации от 15.07.1999 № 825, Календарь профилактических прививок по эпидемическим показаниям утвержден приказом Минздрава России от 21.03.2014 № 125н (при этом регламентируется не только периодичность указанных прививок, но и их конкретный перечень). Представляется, что данный перечень должен быть установлен на уровне федерального закона № 52-ФЗ по аналогии с перечнем прививок, входящих в Национальный календарь профилактических прививок (ч. 1 ст. 9). При этом полагаем, что необходима систематическая квалифицированная медицинская экспертиза перечня обязательных прививок для установленных категорий граждан (работников) на предмет его актуальности, обоснованности и возможности вакцинирования человека сразу несколькими вакцинами в течение определенного периода времени (с последующим внесением изменений в законодательство).

3. Федеральный закон от 31.07.2020 № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» в ст. 2 предусматривает возможность установления обязательных требований указами Президента Российской Федерации, нормативными правовыми актами Правительства Российской Федерации и федеральных органов исполнительной власти. При этом в нем не конкретизируется, закрепление каких обязательных требований может передаваться на подзаконный уровень. Представляется, что одной из целей принятия данного нормативного правового акта и должно было стать четкое разграничение полномочий по установлению обязательных требований между уровнями правового регулирования.

Применительно к ситуации «вторжения» подзаконного нормотворчества в сферу законодательного регулирования следует отметить, что наиболее часто это проявляется в принятии органами исполнительной власти правовых норм, выходящих за пре-

дела фактического правового содержания законодательных норм, неправомерном расширительном или ограничительном толковании. Здесь уместным будет привести следующие примеры:

1. В своей публикации Т. В. Бураков⁸ поднимает проблему исчисления выслуги лет. В соответствии с ч. 2 ст. 2 Закона Российской Федерации от 21.01.1993 № 4328-1 «О дополнительных гарантиях и компенсациях военнослужащим, проходящим военную службу на территориях государств Закавказья, Прибалтики и Республики Таджикистан, а также выполняющим задачи в условиях чрезвычайного положения и при вооруженных конфликтах» военнослужащим, выполняющим задачи в условиях чрезвычайного положения и при вооруженных конфликтах, периоды выполнения данных задач засчитываются в выслугу лет и трудовой стаж из расчета один месяц военной службы за три месяца. Однако Постановление Правительства Российской Федерации от 22.09.1993 № 941 «О порядке исчисления выслуги лет, назначения и выплаты пенсий, компенсаций и пособий лицам, проходившим военную службу в качестве офицеров, прапорщиков, мичманов и военнослужащих сверхсрочной службы или по контракту в качестве солдат, матросов, сержантов и старшин либо службу в органах внутренних дел, федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, войсках национальной гвардии Российской Федерации, и их семьям в Российской Федерации» не предусматривает такой льготный зачет для военнослужащих, проходивших срочную военную службу по призыву. Данная позиция нашла поддержку в решениях высших судебных инстанций⁹. Вместе с тем упомянутое исключение из общего правила о льготном исчислении выслуги лет, по нашему мнению, должно быть установлено на уровне закона, а не подзаконного акта, регламентирующего порядок расчета выслуги лет.

Как можно видеть из вышеприведенного примера, в компетенцию закона «вторгается» и исполнительная, и судебная власть: высшие судебные инстанции не только приостанавливают действие правовых норм, но и нередко фактически расширяют их толкование за пределы буквы закона, хотя именно законодатель призван изменить норму сообразно правовой позиции (решению) высшей судебной инстанции. Представляется, что данная правовая ситуация противоречит

принципам правового государства и разделения властей, поскольку только законом осуществляется первичное регулирование общественных отношений. Здесь следует отметить, что в ч. 6 ст. 125 Конституции Российской Федерации закреплено положение, что акты или их отдельные положения, признанные конституционными в истолковании, данным Конституционным Судом Российской Федерации (КС РФ), не подлежат применению в ином истолковании. Полагаем, что правовая позиция КС РФ должна предусматривать обязанность законодателя по внесению соответствующих изменений в законодательный акт, а не действовать на прямую неопределенно долгий срок.

2. В числе проблемных моментов можно назвать и установление в ряде случаев на подзаконном уровне заниженных нормативов предоставления отдельным категориям граждан предусмотренных законом льгот и компенсаций (либо отсутствие адекватной их индексации). Например, принятый еще в 2016 г. Правительством Российской Федерации предельный размер денежной компенсации за наем (поднаем) жилых помещений сотрудникам уголовно-исполнительной системы уже в значительной мере не соответствует фактическим затратам на эти цели, то есть на подзаконном уровне презюмируется возможность неполной компенсации сотрудникам уголовно-исполнительной системы фактически понесенных расходов за наем (поднаем) жилого помещения, что формально и не нарушает действующего законодательства, содержащего соответствующие отсылочные нормы.

Таким образом, приведенные примеры еще раз наглядно демонстрируют, что логическая непротиворечивость законодательства несовместима с использованием системы общих отсылок к подзаконным нормативным актам¹⁰, особенно в тех случаях, когда вопрос должен получить свою регламентацию на законодательном уровне или принимаемые во исполнение закона подзаконные акты фактически отходят от его смысла. Решение данной проблемы требует серьезной ревизии действующего законодательства с позиций установления соответствия норм законодательного и подзаконного уровней, в том числе посредством использования механизмов системы мониторинга правоприменения в Российской Федерации и системы общественной экспертизы нормативных правовых актов. Перспективным в плане проведения такой ревизии, по мнению отдельных авторов,

также представляется перевод в цифровой формат нормотворческой работы федеральных органов исполнительной власти, в том числе использование технологий искусственного интеллекта, позволяющих «обнаруживать коллизии, пробелы, дубли-

рование, несоответствие предлагаемого регулирования актам более высокой юридической силы»¹¹. Итогом данной работы должно стать обеспечение надлежащего соответствия актов подзаконного нормотворчества закону.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Арзамасов Ю. Г., Арзамасов В. Ю. Проблема гарантий законности ведомственных нормативных правовых актов // Вестн. Москов. гос. обл. ун-та. Сер.: Юриспруденция. 2017. С. 8–21.

² Литягин Н. Н. Ревизия и систематизация законодательства // Гос-во и право. 2003. № 4. С. 26–32.

³ Бошно С. В. Понятийные и технико-юридические проблемы подзаконных актов // Журн. рос. права. 2004. № 12 (96). С. 51–61.

⁴ Илькина Н. А., Балытников В. В. Свод концептуальных основ развития российского законодательства // Журн. рос. права. 2005. № 1. С. 150–154.

⁵ Морозов Д. Г. Закон и подзаконный нормативно-правовой акт: проблемы соотношения // Вестн. Перм. ун-та. 2011. № 4 (14). 29–35.

⁶ Левченко В. М. Субординация в структуре права России (функциональные аспекты) : моногр., Рязань, 1996. С. 119.

⁷ Бошно С. В. Понятийные и технико-юридические проблемы подзаконных актов.

⁸ Бураков Т. В. Актуальные вопросы исчисления выслуги лет для назначения пенсии // Ведомости уголов.-исполнит. системы. 2016. № 9. С. 26–32.

⁹ Об оставлении без изменения решения Верховного суда Российской Федерации от 06.06.2012 № АКПИ12-630, которым отказано в удовлетворении заявления о признании частично недействующим абзаца первого пункта 5 Постановления Правительства Российской Федерации от 22.09.1993 № 941 «О порядке исчисления выслуги лет, назначения и выплаты пенсий, компенсаций и пособий лицам, проходившим военную службу в качестве офицеров, прапорщиков, мичманов и военнослужащих сверхсрочной службы или по контракту в качестве солдат, матросов, сержантов и старшин либо службу в органах внутренних дел, федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, войсках национальной гвардии Российской Федерации, и их семьям в Российской Федерации» : определение Верхов. Суда Рос. Федерации от 09.10.2012 № АПЛ12-542. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс»; Об отказе в удовлетворения заявления о признании частично недействующим абзаца первого пункта 5 Постановления Правительства Российской Федерации от 22.09.1993 № 941 «О порядке исчисления выслуги лет, назначения и выплаты пенсий, компенсаций и пособий лицам, проходившим военную службу в качестве офицеров, прапорщиков, мичманов и военнослужащих сверхсрочной службы или по контракту в качестве солдат, матросов, сержантов и старшин либо службу в органах внутренних дел, федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, войсках национальной гвардии Российской Федерации, и их семьям в Российской Федерации» : решение Верхов. Суда Рос. Федерации от 06.06.2012 № АКПИ12-630. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс»; О пересмотре расчета срока за выслугу лет для назначения пенсии : определение Верхов. Суда Рос. Федерации от 23.03.2015 № 83-КГ14-14. URL: https://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1270088 (дата обращения: 10.09.2021).

¹⁰ Левченко В. М. Субординация в структуре права России (функциональные аспекты). С. 129–130.

¹¹ Гвоздецкий Д. С., Залоило М. В. Цифровизация ведомственного нормотворчества как фактор опережающего развития // Право и гос-во: теория и практика. 2019. № 9 (177). С. 28–30.

¹ Arzamasov YU. G., Arzamasov V. YU. Problema garantij zakonnosti vedomstvennyh normativnyh pravovyh aktov // Vestn. Moskov. gos. obl. un-ta. Ser.: YUrisprudenciya. 2017. S. 8–21.

² Lityagin N. N. Reviziya i sistematizaciya zakonodatel'stva // Gos-vo i pravo. 2003. № 4. S. 26–32.

³ Boshno S. V. Ponyatijnye i tekhniko-yuridicheskie problemy podzakonnyh aktov // ZHurn. ros. prava. 2004. № 12 (96). S. 51–61.

⁴ Il'kina N. A., Balytnikov V. V. Svod konceptual'nyh osnov razvitiya rossijskogo zakonodatel'stva // ZHurn. ros. prava. 2005. № 1. S. 150–154.

⁵ Morozov D. G. Zakon i podzakonnyj normativno-pravovoj akt: problemy sootnosheniya // Vestn. Perm. un-ta. 2011. № 4 (14). 29–35.

⁶ Levchenko V. M. Subordinaciya v strukture prava Rossii (funkcional'nye aspekty) : monogr., Ryzan', 1996. S. 119.

⁷ Boshno S. V. Ponyatijnye i tekhniko-yuridicheskie problemy podzakonnyh aktov.

⁸ Burakov T. V. Aktual'nye voprosy ischisleniya vyslugi let dlya naznacheniya pensii // Vedomosti ugolov.-ispolnit. sistemy. 2016. № 9. S. 26–32.

⁹ Ob ostavlenii bez izmeneniya resheniya Verhovnogo suda Rossijskoj Federacii ot 06.06.2012 № АКПИ12-630, kotorym otkazano v udovletvorenii zayavleniya o priznanii chastichno nedejstvuyushchim abzaca pervogo punkta 5 Postanovleniya Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 22.09.1993 № 941 «O poryadke ischisleniya vyslugi let, naznacheniya i vyplaty pensij, kompensacij i posobij licam, prohodivshim voennuyu sluzhbu v kachestve oficerov, praporshchikov, michmanov i voennosluzhashchih sverhsrochnoj sluzhby ili po kontraktu v kachestve soldat, matrosov, serzhantov i starshin libo sluzhbu v organah vnutrennih del, federal'noj protivopozharnoj sluzhbe Gosudarstvennoj protivopozharnoj sluzhby, uchrezhdeniyah i organah ugolovno-ispolnitel'noj sistemy, vojskah nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii, i ih sem'yam v Rossijskoj Federacii» : opredelenie Verhov. Suda Ros. Federacii ot 09.10.2012 № АПЛ12-542. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tant Plyus»; Ob otkaze v udovletvorenii zayavleniya o priznanii chastichno nedejstvuyushchim abzaca pervogo punkta 5 Postanovleniya Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 22.09.1993 № 941 «O poryadke ischisleniya vyslugi let, naznacheniya i vyplaty pensij, kompensacij i posobij licam, prohodivshim voennuyu sluzhbu v kachestve oficerov, praporshchikov, michmanov i voennosluzhashchih sverhsrochnoj sluzhby ili po kontraktu v kachestve soldat, matrosov, serzhantov i starshin libo sluzhbu v organah vnutrennih del, federal'noj protivopozharnoj sluzhbe Gosudarstvennoj protivopozharnoj sluzhby, uchrezhdeniyah i organah ugolovno-ispolnitel'noj sistemy, vojskah nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii, i ih sem'yam v Rossijskoj Federacii» : reshenie Verhov. Suda Ros. Federacii ot 06.06.2012 № АКПИ12-630. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tant Plyus»; O peresmotre rascheta sroka za vyslugu let dlya naznacheniya pensii : opredelenie Verhov.

Suda Ros. Federacii ot 23.03.2015 № 83-KG14-14. URL: https://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1270088 (data obrashcheniya: 10.09.2021).

¹⁰ Levchenko V. M. Subordinaciya v strukture prava Rossii (funkcional'nye aspekty). S. 129–130.

¹¹ Gvozdeckij D. S., Zaloilo M. V. Cifrovizaciya vedomstvennogo normotvorchestva kak faktor operezhayushchego razvitiya // Pravo i gos-vo: teoriya i praktika. 2019. № 9 (177). S. 28–30.

Статья поступила 09.11.2021

